

**СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
О РУССКОМЪ НАЦІОНАЛЬНОМЪ
ПРАВОПИСАНІИ.**

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ О РУССКОМЪ НАЦИОНАЛЬНОМЪ ПРАВОПИСАНИИ (2006 Г.)

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>Цитаты.</i>	1. Великіе о дореволюціонномъ правописаніи	3
	2. Изъ дореволюціонныхъ газетъ. Отзывы о возможной реформѣ русскаго языка	5
<i>В. Ооминъ.</i>	Превращенія твердаго знака	7
<i>С. Випицкій.</i>	Введеніе въ дореформенную орфографію	9
<i>Д. Мордохай-Болтовской.</i>	Буква „Ѣ“	15
<i>В. Невяровичъ.</i>	1. Нашествіе на русскій языкъ	17
	2. Трагедія русскаго правописанія	20
<i>Г. Злотинъ.</i>	Письма о языкѣ	24
	1). Урѣзаніе языка	24
	2). „Токъ Писинъ“	26
	3). Трупный ядъ	30
	4). „Примѣнительно къ подлости“	32
<i>И. Ильинъ.</i>	О русскомъ правописаніи	36
	О нашихъ орфографическихъ ранахъ	39
	Какъ же это случилось?	42
<i>П. Деркаченко.</i>	Великая орфографическая революція	46
<i>В. Асмусъ.</i>	Предисловіе къ брошюрѣ „Краткое пособіе по старой орфографіи русскаго языка“	51
<i>Матеріаль изъ Википедіи.</i>	Буква ять	54
<i>Я. Гротъ.</i>	„Е“ или „Ѣ“?	61
<i>А. Митинъ.</i>	Вѣка и вѣхи русскаго правописанія	67
<i>А. Таушевъ.</i>	Къ вопросу о старой и новой орфографіи	69
<i>Отъ составителя.</i>	Краткія правила русской національной орфографіи	72

Цитаты.

1. Великіе о Дореволюціонномъ Правописаніи.

Въ періодъ подготовки реформы проходила чрезвычайно острая борьба между ея сторонниками и противниками. Такъ, *А. А. Шахматовъ* (филологъ, языковѣдъ, историкъ древнерусской культуры, адъюнктъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности, экстраординарный академикъ) писалъ *Ф. Θ. Фортунатову* (ординарному академику по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности): «Читали ли Вы мнѣніе Толстого о реформѣ правописанія? Въ общемъ ясно, что громадное большинство противъ нея».

Въ книгѣ «*А. А. Шахматовъ*» *В. И. Чернышёвъ* (ученый-языковѣдъ, членъ Орѳографической подкомиссіи 1904 г., впоследствии членъ-корреспондентъ А. Н. СССР) приводитъ бесѣду съ *Л. Н. Толстымъ*:

«— Ну, а теперь я вамъ скажу о другомъ. Это мелочь, конечно, но объ этомъ столько говорятъ, что я уже давно хочу сказать по этому поводу нѣсколько словъ... О реформѣ правописанія...

Онъ съ минуту думаетъ, и потомъ рѣшительно произноситъ:

— По-моему, реформа эта нелѣпа.... Да, да, нелѣпа... Это типичная выдумка ученыхъ, которая, конечно, не можетъ пройти въ жизнь. Языкъ — это послѣдствіе жизни; онъ созданъ исторически, и малѣйшая черточка въ немъ имѣетъ свое особое, осмысленное значеніе... —

Голосъ Льва Николаевича становится опять сердитымъ.

— Человѣкъ не можетъ и не смѣетъ передѣлывать того, что создаетъ жизнь; это бессмысленно — пытаться исправлять природу, бессмысленно. Говорятъ, гимназистамъ будетъ легче. Да; можетъ быть, но зато намъ будетъ труднѣе; да и имъ будетъ легче только писать, а читать они будутъ долѣе, чѣмъ мы читаемъ... Для меня, напримѣръ, очень трудно разбирать письма безъ твердаго знака: сплошь да рядомъ читаешь и не знаешь, къ какому слову отнести промежуточную букву: къ предыдущему или послѣдующему... Но къ этому еще можно привыкнуть, вы такъ и напишите: къ отсутствію твердаго знака можно привыкнуть...

Что касается до уничтоженія «э», «ѣ» и прочихъ подобныхъ буквъ, то это уже нелѣпо... Это, какъ я уже сказалъ, упростить, можетъ быть, письмо, но зато безусловно удлинитъ процессъ чтенія... Вотъ я очень бѣгло читаю, такъ-что вижу всегда нѣсколько впередъ; и если, напримѣръ, я впереди вижу «ѣ» въ словѣ *тьнь*, то я уже знаю, что это именно *тьнь*, а не *темя* или что-либо другое; и мнѣ это облегчаетъ процессъ чтенія. Дѣло привычки, говорите вы? Это вотъ всѣ говорятъ, но я отвѣчу вамъ вотъ что: привыкнуть къ этому дѣйствительно можно и не трудно, но что процессъ чтенія отъ этого сдѣлается медленнѣе, такъ это тоже очевидно... А это было-бы очень печально».

Александръ Блокъ въ январѣ 1918 года писалъ: «Я поднимаю вопросъ объ орѳографіи. Главное мое возраженіе — что она относится къ техникѣ творчества, въ которую государство не должно вмѣшиваться. Старыхъ писателей, которые пользовались ятями, какъ однимъ изъ средствъ для выраженія своего творчества, надо издавать со старой орѳографіей. Новые, которые будутъ писать по-новому, перенесутъ свою творческую энергію въ другіе приемы...» (*А. Блокъ*, *Дневникъ* 1901 — 1902 гг. Собр. соч. въ восьми томахъ, кн. 7, стр. 319).

Иванъ Бунинъ, писатель: «Невѣжда и хамъ ни съ того, ни съ сего объявилъ заборную орѳографію: опять покоряйся, пиши по ней! Я отвѣчаю: не могу, не хочу — уже хотя-бы потому, что по ней написано за эти десять лѣтъ [революціи] все самое низкое, подлое, злое, лживое, что только есть на землѣ...»

Академикъ *Д. С. Лихачёвъ* о «царской» орѳографіи: «...Была еще такая организація — „Космическая Академія Наукъ“. Въ эту организацію входилъ Дмитрій Сергѣевичъ Лихачевъ, тогда — Дима Лихачевъ. И для этой „Космической Академіи Наукъ“ онъ приготовилъ свой первый научный докладъ «О преимуществахъ старой орѳографіи и о сатанинской сущности орѳографіи новой». Вы знаете, что большевики, придя къ власти, смѣнили шрифтъ. Лихачевъ доказывалъ, что старая орѳографія была красива, она красиво оформляла слова и была полезна въ научномъ словѣ. Теперь такія слова, какъ, допустимъ, «мѣлъ» и «мели», то есть подметали, писались одинаково, а по старой орѳографіи онѣ писались черезъ отмѣненный знакъ. Этотъ докладъ Димы Лихачева былъ опубликованъ только въ 1990 году, докладъ, кстати, прекрасно сохранился въ архивахъ О.Г.П.У., а самъ онъ за этотъ докладъ попалъ на Соловки...» (Вспоминаетъ Г. М. Иванова, старшій научный сотрудникъ Института Исторіи Р. А. Н.)

Писательница *Маріэтта Шагинянь* за свою жизнь дважды выступала противъ измѣненій орѳографіи.

Первый разъ въ газетѣ «Русская Воля» (2 іюля 1917 г.) была напечатана статья «Тяпъ да ляпъ (Письмо въ редакцію)», направленная противъ орфографическихъ измѣненій, принятыхъ потомъ въ 1918 г. : «По испытанному російскому правилу „тяпъ да ляпъ и вышелъ карапъ“, — пишетъ М. Шагинянъ, — произведена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія реформа правописанія, на страхъ грамотеямъ и на радость безграмотнымъ. Поплыветъ или не поплыветъ этотъ „корабль“, сказать сейчасъ трудно». Реформа «проведенная только что Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, — пишетъ она далѣе, — отнюдь не совершенствуется, а только упрощаетъ русское правописаніе. Долгаго вѣку ей не напророчишь. Но до тѣхъ поръ, пока она благополучно докажетъ свою безжизненность, ей удастся многое запутать и многому повредить. Повредить раньше всего, конечно, дѣлу народнаго просвѣщенія...

И прежде всего — кто произвелъ реформу? Сейчасъ, когда наша правительственная жизнь похожа на японскую квартиру со сквозными перегородками и мы все другъ у друга явственно видимъ, — таинственно произведена огромной культурной важности реформа, невѣдомо кѣмъ, невѣдомо какъ, невѣдомо почему. Вѣдомо развѣ только одно — для чего: для облегченія учениковъ подготовительнаго класса. Это — единственный аргументъ. Логически его можно было-бы продолжить и попытаться облегчить новорожденнымъ усвоеніе русской рѣчи замѣной словъ: *корова* — звукомъ *му*, *собака* — *гавъ*, *хочу ѣсть* — *мня-мня* и т. д. Словарь вышелъ-бы краснорѣчивый и легкий въ высшей степени». Затѣмъ авторъ защищаетъ изгоняемую букву Ъ: «Опытъ всѣхъ языковъ европейскаго корня доказываетъ, что одного *e* недостаточно, наше *ъ* восполняло этотъ недостатокъ и значительно упрощало намъ чтеніе. А теперь новая „упростительная“ реформа хочетъ сдѣлать для насъ чтеніе чѣмъ-то вродѣ разгадки шарадъ или ребусовъ».

(Между тѣмъ, «языки европейскаго корня» могутъ нѣсколько отличаться другъ отъ друга, и одному языку этого «корня» можетъ не хватить и нѣсколькихъ *e*, на примѣръ, французскому.)

Авторъ сравниваетъ текстъ написанный въ новой орѳографіи съ телеграммой: «Передо мною... провинціальный листокъ съ телеграммами, гдѣ всѣ одиннадцать пунктовъ новой реформы налицо: твердаго знака нѣтъ, родительные падежи именъ прилагательныхъ сплошь одинаковы, женскій родъ истребленъ съ рѣшимостью, какая порадовала-бы и Стринберга, а читатель читаетъ и думаетъ совершенно по-болгарски!... Донцы сочинили даже пословицу по этому поводу: „ять никому не мать — нехай ее отнимаютъ“.

Но такъ какъ реформа правописанія имѣетъ касательство къ грамотнымъ, а не безграмотнымъ, такъ какъ министерство, ее произведшее, зовется Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а не Затемненія, то надобно дожидаться одобренія не деревенскихъ писарей, и новорожденныхъ младенцевъ (популярность новой реформы среди нихъ несомнѣнна), а людей издавна читать и писать умѣвшихъ».

Въ концѣ статьи М. Шагинянъ дѣлаетъ выводъ: «Ни научнаго, ни бытового оправданія новой реформѣ нѣтъ».

В. И. Даль писалъ въ своемъ «Толковомъ Словарѣ»: «Надо, кажется, сохранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова, иначе это будетъ звукъ безъ смысла» (томъ I, с. 9).

11 мая 1917 г. — начало перваго этапа реформы русской орѳографіи (Изъ дневника **М. М. Пришвина**):

«...А ну-ка напиши жалобу отъ русскаго народа, зачѣмъ это уничтожили самыя любимыя три буквы: ять, ѳиту и твердый знакъ.

— Чѣмъ же онѣ любимыя?

— Свободу слову даютъ: хочешь ты эту букву ставь, хочешь не ставь — все равно смыслъ одинаковый, а будто кудрявѣе и легче. ...Да, три легкія буквы отмѣнили, а три твердыя дали.

— Какія же твердыя?..

— Скверныя буквы: „гэ“, „пэ“, „у“..»

Иванъ Ильинъ, философъ, о «кривописаніи»:

«Если мы попытаемся подвести итоги всему тому, что необходимо сказать противъ „новой орѳографіи“, то мы произнесемъ ей окончательный приговоръ: она должна быть просто отмѣнена въ будущемъ и замѣнена тѣмъ правописаніемъ, которое вынашивалось русскимъ народомъ со временъ Кирилла и Меѳодія. И это будетъ не „реакціей“, а возстановленіемъ здоровья, смысла и художественности языка...»

Г. М. Никитинъ вспоминаетъ:

«...Въ 1918 г. сильно было противодѣйствіе со стороны лицъ, имѣющихъ повседневное соприкосновеніе съ письменной рѣчью, и подавляющаго большинства образованнаго общества, не желавшаго примириться съ новой орѳографіей. Часть учителей русскаго языка даже совсѣмъ отказывалась отъ его преподаванія, отъ обученія, по ихъ мнѣнію, безграмотному письму».

...До 1917 года русская орѳографія хранила православный духъ русскаго языка.¹ Да, собственно, русскій литературный языкъ и былъ православнымъ. Таковъ его историческій обликъ.

Крещеніе явило Руси письменность — церковно-славянскій языкъ. На его основѣ образовался древнерусскій литературный языкъ, со временемъ ставшій русскимъ литературнымъ языкомъ. О чемъ послѣ «Предисловія о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» М. Ломоносова писали многіе выдающіеся лингвисты: *И. Бодуэнъ де-Куртенэ*, *С. Буличъ*, *Л. Булаховскій*, *Л. Щерба*, *Н. Дурново*, *В. Истринъ*, *Е. Карскій*, *Б. Ляпуновъ*, *А. Соболевскій*, *Б. Унбегаунъ* и другіе.

О преимуществѣ старой орѳографіи передъ новой писалъ Д. С. Лихачевъ: «Въ старину весь цѣликомъ укладъ русской жизни былъ проникнутъ православіемъ: странно, если бы русская графика и русская орѳографія — основы этого православнаго уклада — не соотвѣтствовали бы имъ вполнѣ».

За свой вѣщій докладъ Д. Лихачевъ былъ осужденъ и отправленъ въ концлагерь на Соловки и лишь случайно уцѣлѣлъ. И было за что — тогда, въ 1928 году, юный Д. Лихачевъ свидетельствовалъ: «Новая орѳографія явилась дѣломъ антихристовой власти», «всегда была мыслию бѣсовщины», «посягнула на самое православное въ алфавитѣ» и т. д. (См. Лихачевъ Д. С., «Статьи раннихъ лѣтъ», Тверь, 1993.)

Новое правописаніе И. А. Ильинъ назвалъ «кривописаніемъ»: оно «не соблюдаетъ ни фонему, ни морфему, ни семему», «устраняетъ цѣлыя буквы, искажаетъ этимъ смыслъ и запутываетъ читателей; оно устраняетъ въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ (множественнаго числа) различія между мужскимъ и женскимъ родомъ и затрудняетъ этимъ вѣрное пониманіе текста; оно обезсмысливаетъ сравнительную степень у прилагательныхъ и тѣмъ вызываетъ сущія недоумѣнія», и т. д., и т. п.

Вячеславъ Ивановъ нарекъ «бѣсивомъ» то новое, что появилось въ русской рѣчи за время революціи: «Языкъ нашъ святъ: его кощунственно оскверняютъ богомерзкимъ бѣсивомъ — неимовѣрными, бессмысленными, безликими словообразованіями, почти лишь звучащими на границѣ членораздельной рѣчи, понятными только какъ переключка сообщниковъ, какъ разинское „сарынь на кичку“».

Изъ этого послѣреволюціоннаго, а теперь и постъ-перестроечнаго состоянія «бѣсива» русскій языкъ не можетъ выйти до сихъ поръ...

2. Изъ дореволюціонныхъ газетъ. Отзвы о возможной реформѣ русскаго языка.

*

Хроника. 12-го апрѣля въ Академіи Наукъ начались занятія образованнаго Вторымъ отдѣленіемъ Академіи совѣщанія по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. Кромѣ академиковъ въ совѣщаніи участвуютъ много приглашенныхъ лицъ: ученыхъ, литераторовъ, а такъ-же педагоговъ. Совѣщанію придется обсудить вопросъ, не нужно-ли исключить изъ русскаго алфавита буквы „ять“, „ѳиту“, „ѳжицу“ и „ѳ“, а такъ-же, не удобно-ли будетъ сохранить въ алфавитѣ букву „і“ какъ „іотъ“, котораго въ нашей азбукѣ нѣтъ. <...>

(„Новое Время“, С.-Петербургъ, 26 / 13 апрѣля 1904 года.)

*

Реформа азбуки (по телефону изъ Петербурга). Вчера открылось засѣданіе комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи при Академіи Наукъ. Дебатировался вопросъ о томъ, измѣнить-ли русскую азбуку или оставить ее въ прежнемъ видѣ. <...> Послѣ продолжительныхъ дебатовъ комиссія пришла къ заключенію изъять изъ русской азбуки „ять“, <...> и „ѳ“. Какой

¹ Дальнѣйшій текстъ взятъ съ одного изъ православныхъ сѣтевыхъ форумовъ.

изъ звуковъ — „і“ десятиричное или „и“ восьмеричное, долженъ быть изъятъ, пока не рѣшено.
<...>

(„Новости Дня“ 27 / 14 апрѣля 1904 года.)

*

Маленькія замѣтки. <...> Подкомиссія комиссіи орѳографической, состоящая изъ академикъ Ѳ. Е. Корша, Ф. Ѳ. Фортунатова, А. И. Соболевскаго, А. А. Шахматова и профессоровъ И. А. Бодуэна де-Куртенэ и Р. Ф. Брандта, взглянула на правописаніе съ какой-то утилитарной и педагогической точки зрѣнія: надо-де упростить орѳографію, ибо есть в ней буквы, безъ коихъ можно обойтись. Педагога понять нетрудно. Зачемъ буква „ять“, которая доставляетъ дѣтямъ въ школѣ столько напрасныхъ терзаній?.. Но вѣдь языкъ и его орѳографія создаются не для дѣтей, а для народа. Св. Кириллъ составлялъ славянскую азбуку не для одного школьнаго преподаванія. <...> Впрочемъ, жизнь сама исправитъ грамматическіе промахи Академіи. Не привилось-же у насъ правописаніе академика Грота. Не привьется, конечно, и новшество Орѳографической комиссіи. Языкъ и литература имѣютъ свои законы и ученые не могутъ измѣнить въ нихъ ни одной іоты.

(„Новое Время“ С.-Петербургъ, 28 / 15 апрѣля 1904 года.)

*

Случайныя замѣтки. Особая комиссія при Академіи Наукъ ополчилась на половину буквъ русскаго алфавита и рѣшила облегчить грамматику отъ излишняго орѳографическаго багажа. Узнавъ о такомъ мудромъ рѣшеніи комиссіи, прежде всего, обрадовались ученики народныхъ училищъ, затѣмъ гимназисты младшихъ классовъ, а вслѣдъ за ними вся необъятная великая безграмотная Русь. Уничтоженіе орѳографическихъ плевелъ, за которое съ такимъ самоотверженіемъ взялась академическая Комиссія, знаменовало новую эру — и если Комиссія, спеціально созданная для этого, будетъ также храбро продолжать начатое дѣло — грамматику можно будетъ окончательно изъять изъ обращенія. „Будемъ безграмотны!“ — рѣшила эта милая Комиссія и неукоснительно стрѣмится къ полнѣйшей нивелировкѣ грамотныхъ и безграмотныхъ. До сихъ поръ грамотные отличались отъ безграмотныхъ только тѣмъ, что были знакомы съ орѳографіей, писали не такъ, какъ слышится слово въ произношеніи, а такъ, какъ этого требуетъ грамматика. Комиссія этого не хочетъ. По ея мнѣнію, счастье Россіи заключается въ томъ, чтобы всѣ были безграмотны...

(„Московскій Листокъ“ 1 мая / 18 апрѣля 1904 года.)

*

Свѣтлыя явленія. Героиня дня — буква „ять“. Не одна она. Говорятъ и о „ъ“ и „ь“ и о „ѳитѣ“, но главнымъ образомъ говорятъ о буквѣ „ять“ ... Что это означаетъ? Очевидно, сіе означаетъ, что у насъ ни заботъ, ни тревогъ, что все идетъ великолепно, и что ни думать, ни беспокоиться не о чѣмъ. Когда самыми животрепещущими вопросами современности оказываются вопросы о томъ, какъ писать: „сѣчь“ или „сѣчь“, тогда до очевидности ясно, что это изумительно счастливая и беззаботная современность...

(„Новости Дня“ 3 мая / 20 апрѣля 1904 года.)

Викторь Ооминь.

Превращенія Твердаго Знака.

Общеизвѣстно, что алфавитъ какъ знаковая система является фундаментомъ любой культуры. Не случайно поэтому, что большевики, создавая новую, «пролетарскую» культуру, первымъ дѣломъ поспѣшили «исправить» азбуку и орѳографію. Декретъ Совнаркома о введеніи новой орѳографіи вышелъ 10 октября 1918 года, а 13 октября былъ опубликованъ въ Извѣстіяхъ Всероссийскаго центрального исполнительнаго комитета Совѣтовъ (первая редакція декрета печаталась въ газетѣ «Извѣстія» отъ 23 декабря 1917 года). Онъ былъ подписанъ замнаркома просвѣщенія М. Покровскимъ и управдѣлами совнаркома В. Бончъ-Бруевичемъ. Декретъ устанавливалъ новыя правила правописанія, разработанныя Народнымъ комиссаріатомъ просвѣщенія, въ соотвѣтствіи съ которыми:

* исключались буквы Ъ («ять»), Ѳ («ѳита»), Ы («ерь»), І («десятиричное»), а также *de facto* V — «ижица», не упомянутая въ декретѣ;

* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій *-аго, -яго* замѣнялось на *-ого, -его* (напр., *глупаго — глупого*);

* въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа женскаго и средняго родовъ *-ья, -ія* — на *-ые, -ие* (*пустыя — пустые*); *онѣ* замѣнялось на *они*; *ея* — на *ее* и проч.

Согласно декрету, всѣ правительственныя изданія, періодическія (газеты и журналы) и неперіодическія (научные труды, сборники и т. п.), всѣ документы и бумаги, должны съ 15-го октября 1918 г. печататься согласно «при семъ прилагаемому новому правописанію».

На протяженіи своей исторіи русское письмо непрерывно развивалось, а съ начала XVIII вѣка — на уровнѣ государственныхъ реформъ. Это были: Петровская реформа 1707—10 годовъ, три небольшихъ реформы Академіи Наукъ (1735, 1738, 1758) и наконецъ, совѣтская реформа 1917—18 годовъ. Идея реформы орѳографіи обсуждалась въ научныхъ кругахъ задолго до 17-го года, но не раздѣлялась многими учеными. Въ 1912 году были даже приняты «Постановленія орѳографической подкомиссіи» съ проектомъ измѣненій правописанія, не получившія, однако, государственнаго утвержденія. Научныя дискуссіи разрѣшила революція. Реформа проводилась жестко и кардинально. Однако она вызвала ожесточенное сопротивленіе со стороны всѣхъ противниковъ совѣтскаго строя, а также со стороны значительныхъ круговъ консервативной интеллигенціи, какъ пишетъ В. А. Истринъ въ своей книгѣ «1100 лѣтъ славянской азбуки» (1963). Многія частныя издательства и типографіи продолжали печатать тексты въ старой орѳографіи. Чтобы преодолеть это сопротивленіе, изъ ряда типографій были изъяты наборные литеры съ «ять» и «твердымъ знакомъ». Это привело къ тому, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ революціи внутри словъ вмѣсто твердаго знака примѣнялся апострофъ. Сразу возникли и другія сложности, въ частности совпаденіе омонимовъ, отъ чего всѣ языки стараются избавиться (ср. напр. франц. *ver* — *vers* — *verre* — *vert*: разныя слова, совпадающія по звучанію). Такъ, совѣтское *миру мир* (заимствованное изъ богослужебнаго «мира мірови у Господа просимъ») поражаетъ своею бессмысленностью. Все дѣло въ томъ, что первый «міръ» — «земля, вселенная»; второй «миръ» — «согласіе, единодушіе, дружба» А есть еще «мвропомазаніе», при которомъ, по словамъ Ильина, «не помазуютъ ни вселенной, ни покоемъ».

Иванъ Александровичъ Ильинъ въ своей статьѣ «О русскомъ правописаніи» подробно изслѣдовалъ новыя правила и возникающія изъ-за нихъ двусмысленности. Недаромъ, видимо, Марина Цвѣтаева до конца жизни писала въ старой орѳографіи. Впрочемъ, какъ отмѣчаетъ В. А. Истринъ, наиболѣе непримиримые враги совѣтскаго строя не признавали новой орѳографіи вплоть до настоящаго времени. Что касается заграницы, то почти всѣ эмигрантскія изданія долгое время, а нѣкоторыя и до сихъ поръ, печатались въ старой орѳографіи.

Конечно, реформа орѳографіи была далеко не самымъ страшнымъ дѣяніемъ большевиковъ въ ихъ разрушеніи «міра насилья», но она была въ полномъ смыслѣ слова «знаковымъ» дѣйствіемъ и эффективной пропагандистской акціей. Она разрушала ясно ошутимую связь русскаго языка съ церковно-славянскимъ, отторгала всю предшествовавшую словесную культуру, противопоставляя ей «совѣтскую», наконецъ, вмѣсто декларированныхъ понятности и простоты порой усложняла и запутывала смыслъ. Большевицкая реформа орѳографіи стала зримымъ проявленіемъ ломки культуры и приспособленія грамоты «для нуждъ рабочаго класса». Реформа шла въ одномъ руслѣ съ требованіемъ «сбросить Пушкина съ корабля современности».

Разумѣется, процессъ этотъ сталъ необратимымъ и говорить о возвращеніи къ прежнему правописанію — значитъ просто сотрясать воздухъ. Впрочемъ, послѣднее время въ Россіи предпринимаются попытки использованія старой орѳографіи въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ. Среди нихъ есть и дѣйствительно серіозные, хорошо продуманные, вполне оправданные съ научной точки зрѣнія проекты. Таково, на примѣръ, изданіе Собранія сочиненій Федора Михайловича Достоевскаго, проводимое Петрозаводскимъ университетомъ. Оно выпускается въ старой орѳографіи (что вполне логично для произведеній XIX вѣка), съ написаніемъ всѣхъ именъ и названій, а также пунктуациі въ соотвѣтствіи съ авторской волей писателя. Думается, что именно въ такомъ качествѣ старая орѳографія не только возможна, но даже необходима.

Но есть и чисто-коммерческія уловки, которыя служатъ для созданія опредѣленнаго имиджа товару или произведенію. Такъ, использованіе буквы Ъ въ названіяхъ фирмъ (на примѣръ, «Коммерсантъ») или вывѣскахъ («Трактиръ» и проч.) призвано подчеркнуть добротность предпріятія, эксплуатируя устойчивое представление: «дореволюціонное» = «хорошее». Примѣромъ такого рода является не такъ давно возникшая газета «Россія», использующая старую орѳографію исключительно въ своемъ названіи. Какъ показываютъ опытъ и соціологическіе опросы, подобная символика «работаетъ» хорошо. «Твердый знакъ качества» нашель свое мѣсто въ знаковой системѣ современной «массовой культуры».

С. Виницкій.

Введение въ Дореформенную Орфографію.

Краткая сводка правилъ орфографіи, измѣненныхъ реформою 1917 года, и «путеводитель», помогающій перевести текстъ изъ новой орфографіи въ старую.

Введение.

Русская классическая литература XIX вѣка фактически стандартизовала орфографію и отмѣнила архаичныя буквы пси (р), зѣло (s), юсь (п), отъ (о) и др. Въ алфавитѣ использовалось 35 буквъ:

Аа <i>Аа</i> , азъ	Мм <i>Мм</i> , мыслѣте,	Шш <i>Шш</i> , ша,
Бб <i>Бб</i> , буки	Нн <i>Нн</i> , нашъ	Щщ <i>Щщ</i> , ща
Вв <i>Вв</i> , вѣди	Оо <i>Оо</i> , онъ	Ъъ <i>Ъъ</i> , ерь
Гг <i>Гг</i> , глаголь	Пп <i>Пп</i> , покой	Ыы <i>Ыы</i> , еры
Дд <i>Дд</i> , добро	Рр <i>Рр</i> , рцы	Ьь <i>Ьь</i> , ерь
Ее <i>Ее</i> , есть	Сс <i>Сс</i> , слово	Ъь <i>Ъь</i> , ять
Жж <i>Жж</i> , живѣте	Тт <i>Тт</i> , твердо	Ээ <i>Ээ</i> , э
Зз <i>Зз</i> , земля	Уу <i>Уу</i> , укъ	Юю <i>Юю</i> , ю
Ии <i>Ии</i> (осьмеричная), иже	Фф <i>Фф</i> , ферть	Яя <i>Яя</i> , я
Іі <i>Іі</i> , (десятеричная)	Хх <i>Хх</i> , хѣрь,	Өө <i>Өө</i> , өита
Кк <i>Кк</i> , како	Цц <i>Цц</i> , цы	Ѵѵ <i>Ѵѵ</i> , ѵжица
Лл <i>Лл</i> , люди	Чч <i>Чч</i> , червь	

(источникъ: «Законъ Божій»).

Звукъ «ё» замѣнялся буквой «е», какъ и сей-часъ. Реформа 1917 года, объявленная министромъ просвѣщенія Временнаго правительства, отмѣнила ять (замѣнивъ на «е»), өиту (замѣнивъ на «ф»), ѵжицу и десятеричное «і», замѣнивъ обѣ на «и» (осьмеричное «и»). (Замѣна буквы «ё» на «е», принятая въ печати при старой орфографіи, осталась, т. е. не была введена буква «ё».) Былъ также отмѣненъ нѣмой твердый знакъ (ерь) послѣ конечныхъ согласныхъ. Формы существительныхъ и мѣстоименій на «-аго», «-яго», «-ыя» и нѣкоторыя другія были отмѣнены.

Реформа была воспринята многими дѣятелями культуры въ штыки и, въ частности, большинство писателей-эмигрантовъ (напримѣръ, Алдановъ, Бунинъ, Набоковъ) и зарубежныхъ издательствъ продолжали печатать русскоязычныя книги въ старой орфографіи, нѣкоторыя вплоть до 1950-х гг. Я слышалъ, что М. Цвѣтаева категорически возражала противъ изданія ея стиховъ въ новой орфографіи. Однако сторонникомъ реформы, видимо, былъ выдающійся русскій лингвистъ И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, редакторъ послѣдняго (третьяго) изданія словаря Даля (тов-во Вольфъ, 1903, переизданъ въ Парижѣ, 1954 г.). Въ предисловіи и статьяхъ о твердомъ знакѣ и өитѣ Бодуэнъ-де-Куртенэ говорилъ о ненужности этихъ буквъ.

Большевики, захвативъ власть, поддержали реформу и активно пропагандировали новую орфографію какъ «болѣе доступную для народа» и «порывающую съ наслѣдіемъ царизма», а старую орфографію стали называть «царской». Это политизировало реформу и, конечно, не способствовало принятію новой орфографіи русскою діаспорой за рубежомъ. Однако вторая, болѣе многочисленная волна русской эмиграціи (1945 г.) уже въ большинствѣ своемъ не знала старой орфографіи. Въ 1952 году издательство имени Чехова публикуетъ романъ Набокова «Даръ» въ новой орфографіи.

Послѣ 1917 года языкъ и правописаніе, разумѣется, мѣнялись и дальше, естественнымъ образомъ и постепенно. Напримѣръ, вмѣсто «эксплоататоръ» стали писать «эксплуататоръ», перестали писать дефисы въ сочетаніяхъ типа «то-есть», «какъ-бы», «такъ-же» и т. д. Въ данной статьѣ не разсматривается эта дальнѣйшая эволюція русской орфографіи.

Аргументы «за» и «противъ» реформы.

За реформу говоритъ упрощеніе правописанія (одинъ звукъ передается только одною буквой, убраны нефункциональныя твердые знаки и десятеричное «і») и отмѣна сравнительно рѣдко употреблявшихся буквъ ѵжица и өита, имѣвшихъ лишь историческое значеніе. Послѣ реформы ерь также сталъ рѣдкою буквой и былъ исключенъ, напримѣръ, изъ клавиатуръ пишущихъ машинокъ — его стали замѣнять кавычкою. Раньше римскую цифру V замѣняли

вжицей (такъ было сдѣлано даже въ изданіи «Краткаго курса исторіи ВКП(б)» 1938 г.), а цифру I — буквой I, теперъ стали было вмѣсто римскихъ цифръ печатать У, I, П и Ш.

Отмѣна ятей смѣшала многія до того на письмѣ различавшіяся слова, содержащія «е» или «ё», и сдѣлала менѣе очевиднымъ происхождение многихъ словъ. Напримѣръ, пары словъ «вещь» и «вѣщій», «поведеніе» и «повѣдать», «заметать» и «замѣтка», «вернуть» и «вѣрность», не являются однокоренными, что легко видѣть въ старомъ правописаніи по наличію буквы ять, но неочевидно въ современной орѳографіи. Неоднозначности въ парахъ словъ «всѣ» — «всѣ», «самаго» — «самого», «осѣль» — «осѣль», «чѣмъ» — «чѣмъ» и др. — разрѣшались на письмѣ въ старой орѳографіи, облегчая чтеніе. Отмѣна формъ мѣстоименій «онѣ», «однѣ» (женск. рода) и нѣкоторыхъ другихъ формъ такъ-же обѣднила языкъ.

Сводка отличій старой орѳографіи отъ новой.

Для того, чтобы грамотно написать русское слово въ старой орѳографіи, нужно узнать происхождение и опредѣлить корень этого слова. Въ зависимости отъ этого можетъ быть нужно замѣнить нѣкоторыя буквы въ корнѣ, а иногда такъ-же и въ приставкахъ и окончаніяхъ. Видимо, самымъ труднымъ является правописаніе буквы ять (откуда и выражение: «знать на ять»).

Ниже я попытался сформулировать основныя правила, полученныя мною эмпирически, которыми можно руководствоваться при переходѣ на старую орѳографію съ новой. Полный списокъ правилъ правописанія, въ частности, корней съ буквою ять, можно найти въ учебникѣ П. В. Смирновскаго.

Общія различія:

1. Пишутся твердые знаки послѣ всѣхъ конечныхъ согласныхъ, кромѣ «ь» и полугласной «й». Напримѣръ: «плащъ», «врачъ», но: «вещь», «печь».

2. Пишется буква десятеричная («і») вмѣсто «и» во всѣхъ случаяхъ, когда послѣ «и» слѣдуетъ гласная буква: «Россія», «авіаторъ», за исключеніемъ составныхъ словъ типа «пятиалтынный», «семиэтажный» — тамъ сохраняется буква «и». Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ пишется «и», за исключеніемъ слова «міръ» (см. ниже).

Замѣна буквъ въ корняхъ словъ:

2-а. Буква «і» въ корнѣ встрѣчается только въ словѣ «міръ». Это слово пишется «міръ» въ значеніи «покой», но «міръ» въ значеніи «вселенная». Различіе сохраняется во всѣхъ производныхъ словахъ, напр.: «мирный», но: «мировой». Буква вжица пишется вмѣсто «и» въ корняхъ нѣкоторыхъ церковныхъ словъ, напримѣръ: муро, мураносица, сунодъ, впостась, вподіаконъ, впархія, сунгклитъ; иногда еще писали «символь» черезъ вжицу. (Къ началу XX вѣка эту букву уже никогда не употребляли внѣ церковной печати даже и въ этихъ словахъ, кр. «муро».)

3. Пишется буква ѳита въ словахъ греческаго происхожденія, въ которыхъ писалась буква «тѣта» (можно провѣрить по латинской или англійской транскрипціи — «th»): ариѳметика (arithmetic), миѳъ (mythos), риѳма (rhythme), Ѳедоръ (Theodore), Ѳеофанъ (Theophanus) — обратите вниманіе на второе «ф», которое не замѣняется на ѳиту. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ пишется «ф».

4. Пишется буква ять вмѣсто «е» въ нѣкоторыхъ словахъ исконно-русскаго происхожденія (съ единичными исключеніями), а именно въ весьма ограниченномъ наборѣ корней. Наборъ этихъ корней нужно запомнить. Какъ правило, всѣ однокоренныя и производныя слова въ такихъ случаяхъ также пишутся черезъ ять. (Исключеніе: «рѣчь, рѣчистый, нарѣчіе» пишутся черезъ ять, но производныя глаголы пишутся черезъ «е», напримѣръ «отречься».) Буква ять не встрѣчается въ суффиксахъ существительныхъ и прилагательныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ отглагольныхъ существительныхъ на «-ѣваніе» и «-ѣніе» (см. ниже). Для провѣрки правописанія въ корнѣ пользуются такимъ правиломъ: ять не встрѣчается на мѣстѣ «е» в тѣхъ словахъ, которыя при измѣненіи переводятъ это «е» въ «ё» или въ «ь» или вовсе опускаютъ. Напримѣръ: «медоваръ» (мѣдъ), «телѣнокъ» (тѣлка), «пей» (пью), «левъ» (льва). Ять также не пишется послѣ шипящихъ (за исключеніемъ формы мѣстоименія «чѣмъ», род., тв. пад.) и послѣ «г», «к». Вотъ (полный) списокъ корней, содержащихъ ять (приводятся также для контраста похожія, но не однокоренныя слова, не содержащія ять):

апрѣль

бѣг-, бѣж- (бѣгъ, бѣженецъ, убѣжище, ...) но: бежевый (заимствованіе)
бѣд- (бѣда, бѣдный, побѣда, убѣдить, обѣдъ, ... но: ябеда)
бѣл- (бѣлый, бѣлка, бѣлена, ...) но: белладонна (заимствованіе)
бѣсъ, взбѣситься, ... но: балбесъ (не однокоренное)
бѣт- (обѣтъ, обѣщать)
блѣдный

вѣд- («вѣдать» въ смыслѣ «знать», но не въ смыслѣ «вести») и производныя: вѣж-, вѣст- и т. д. (вѣдать, совѣсть, вѣдьма, невѣста, вѣжливый, невѣжда, свѣжій, вѣщій, медвѣдь, ...) но: «веду (за руку)», «весталка» (латинское), «праведникъ» («пра-» здесь не приставка).

вѣко
вѣкъ (вѣчный, человѣкъ, увѣчить, ...)
вѣнецъ, вѣнчать, вѣно, ...
вѣр- (вѣра, вѣрно, вѣроятно, ...) но: вертѣть, вернуть
вѣс- (навѣсъ, вѣшать, ...)
вѣт- (вѣтвь, вѣтка, ...) но: ветхий, ветошь.
вѣять, овѣвать, вѣтеръ, ...

гнѣв-
гнѣдой
гнѣздо, гнѣзда...
грѣх- (грѣшникъ, ...)

дѣва
дѣвать, дѣтъ, надѣвать, одѣтъ, одѣяло, ...
дѣдъ
дѣл- (дѣло, дѣлить, недѣля, предѣлъ, выдѣлять, дѣйство, содѣянный, ...)
дѣт- (дѣти, дѣтскій)

желѣзо (желѣзный, ...) но: железа (органъ тѣла)
загнѣтка, но: гнѣтъ (гнуть)
затѣя (затѣйник, ...)
звѣзда (также во множ. числѣ: звѣзды)
звѣрь
зѣв- (зѣвать)
зѣница, но: зенить
змѣй
зрѣть

индѣецъ

калѣка, калѣчить, ...
клѣтка, клѣтъ, ...
колѣно
крѣп- (крѣпость, ...)

лелѣять
лѣв- (лѣвый, ...) но: левъ (зверь)
лѣзть, лѣстница
лѣнь
лѣп- (лѣпить, нелѣпо, слѣпой, ...)
лѣсъ (но: леска)
лѣт- (лѣто, десятилѣтіе, ...) но: летать
лѣха
лѣч- (лѣкаръ, лѣчить) но: прилечь

мѣдъ
мѣл- (порошокъ, или чертежный мѣлъ, но: мелкій, мѣль (дворъ), мельница)
мѣн- (обмѣнять, мѣна, ...)
мѣр- (мѣра, намѣреніе, примѣръ, ...)

мѣс-, мѣш- (мѣсить, мѣшать, мѣшокъ, смѣсь, ...)
мѣст-, мѣщ- (вмѣсто, замѣститель, мѣщанинъ, смѣщеніе, ... но: вымести, мечь (мщу))
мѣсяцъ
мѣт- (в значении «замѣчать», но не въ значеніи «метать»): мѣтко, помѣтка, ... но: опрометью
мѣхъ, мѣшокъ
мѣшкать
мнѣніе (црк. «мнѣти»)

нѣга, нѣжный, нѣжиться, ...
нѣдра, внѣдрять
нѣм- (нѣмой, нѣмецъ, ...)

орѣх- (орѣшникъ, ...)

печенѣгъ
пѣгій
пѣна
пѣнязь
пѣстовать
пѣвецъ, пѣсня, пѣтухъ: отъ глаг. «пѣть»
пѣш-, пѣх- (пѣшій, пѣхота, dospѣхи...)
плѣнъ
плѣсень, плѣшь
полѣно
прѣсный
прѣть, прѣніе, но прее, но «преніе» въ зн. «споръ»

рѣд-, рѣз-, рѣж- (рѣдкій, рѣзать, ...)
рѣдка
рѣпа (но: репейникъ)
рѣсница
рѣт- (изобрѣтать, обрѣсти, встрѣтить, ...) но: запретъ
рѣч-, рѣк- (рѣка, рѣчка, рѣчной)
рѣш- (прорѣха, рѣшать, рѣшето, рѣшетка, рѣшка ...)

свѣж- (освѣжать, ...)
свѣт-, свѣч-
свирѣль
свирѣпый
сѣверъ
сѣвъ, сѣмя, сѣять, разсѣянный, ... (но: семья, семенить)
сѣдой
сѣно, сѣни
сѣнь (осѣнять)
сѣра, сѣрый
сѣсть (сѣль, сѣдло, сосѣдь, ...)
сѣт- (сѣть, посѣщать, сѣтовать ...)
сѣч-, сѣк- (сѣчь, подсѣкать, ...)
слѣд- (слѣдствіе, выслѣживать, наслѣдство, ...)
слѣпой
смѣх- (смѣяться, высмѣивать, ...)
снѣг-
спѣ- (успѣхъ, поспѣшно)
стѣна (застѣнокъ, застѣнчивый, ...)
стрѣл-
стрѣха

телѣга
тѣ- (затѣя, утѣха)
тѣло (но: «стелить», «постель»)

тѣнь (оттѣнок, ...)
тѣсный (стѣснять, ...)
тѣсто

хлѣб-, но: хлебать, похлебка
хлѣвъ
хрѣнь
хѣръ (старое назв. буквы Х)
цвѣт-, цвѣч- (цвѣла, цвѣтенье, ...)
цѣвьё, цѣвка, цѣвница
цѣд- (цѣдить, цѣженный)
цѣл- (цѣлый, цѣловать, ...)
цѣн- (цѣна, оцѣнка, ...)
цѣп- (цѣпь, цѣплять, оцѣпенѣть, ...)

ѣда, ѣсть (кушать), ѣла, ... — но: «есмы», «есты» (формы «быть»)
ѣхать, ѣздить, выѣзжать, ...

Ять пишется въ именахъ:

Алексѣй	Днѣпръ	Еремѣй	Рогнѣда
Вѣна	Днѣстръ	Матвѣй	Сергѣй
Глѣбъ	Елисѣй	Нѣманъ	Ѳадѣй

Ять пишется также въ словахъ:

нѣтъ,	гдѣ,	нынѣ,	двѣ,
вѣсти,	двѣнадцать,	всѣ,	онѣ,
однѣ,	обѣ,	здѣсь,	зѣло,

и в нѣкоторыхъ другихъ словахъ, напримѣръ въ церковномъ словѣ «голѣмый» (великій, славный). Какъ исключеніе ять пишется вмѣсто звука «ѣ» въ словахъ: *звѣзды, гнѣзда, стѣла, издѣвка, смѣтка, медвѣдка, вѣшка, вѣдѣжка, цвѣль, обрѣть, зѣвываль, надѣвываль, надѣванъ, запечатлѣнь, подгнѣта.*

Замѣна приставокъ:

5. Приставка «нѣ-» въ неопредѣленныхъ мѣстоименіяхъ пишется «нѣ»: «нѣкто», «нѣчто», «нѣкоторый», «нѣкогда» (въ значеніи «когда-то»), «нѣсколько», но не въ отрицательныхъ мѣстоименіяхъ: «некемъ (замѣнить)», «негдѣ (жить)», «некогда» (дѣлать что-л.). Были также устаревшія мѣстоименія «нѣгдѣ» (въ знач. «гдѣ-то») и др. Ять не употребляется въ другихъ приставкахъ.

6. Въ приставкахъ «раз-», «воз-», «из-» и др. всегда пишется «з» перед «с», а в приставкѣ «без» пишется «з» также и передъ согласными: «возстаніе», «безпокойный».

Замѣна окончаній:

7. Глагольные окончанія «-ѣть» всегда пишутся черезъ ять (кипѣть, видѣть, грѣть и т. д.), за исключеніемъ глаголовъ на «-мереть», «-переть», «-тереть» (старослав. «мѣрати, пѣрати, тѣрати» какъ и современные однокоренные имъ «морать, упирать, затирать» были глаг. на «-ать», гдѣ звукъ «е» появился въ качествѣ бѣглаго). Для провѣрки: если форма прошедшаго времени не содержитъ суффикса («умеръ», «тѣръ»), то, стало быть, пишемъ «е» («тереть»), а если она заканчивается на «-ѣль», то пишется ять («видѣть — видѣль»). Также черезъ ять въ этихъ случаяхъ пишутся формы «-ѣла», «-ѣло», «-ѣеть», «-ѣвши», «-ѣвать» и т. д. Въ суффиксахъ отглагольныхъ существительныхъ на «-ѣваніе» и «-ѣніе» содержатъ ять только при наличіи соотвѣтственнаго глагола, напр.: «зрѣть» — «зрѣніе», «тлѣть» — «тлѣніе», «грѣть» — «нагрѣваніе», но: «ученіе», «растеніе», т. к. нетъ глаголовъ «учѣть», «растѣть». Однако обратите вниманіе на различіе правописанія словъ «вѣдѣніе» (знаніе, отъ црк. «вѣдѣти», на «-ѣть») и «веденіе» (вожденіе, отъ «вести»).

8. Въ окончаніяхъ мѣстоименій, существительныхъ и прилагательныхъ дательнаго и предложнаго падежей (и только ихъ) всегда пишется ять вмѣсто звука «-е». Напримѣръ: «мнѣ» (кому), «на конѣ», «по водѣ», «о морѣ», но: «я вышель въ поле» (вин. п.), «чистое по-

ле» (им. п.). Пишется также ять в нарѣчіяхъ и предлогахъ, образованныхъ отъ существительныхъ съ дательнымъ или предложнымъ падежами: «вчужѣ», «вновѣ», «вскорѣ», «горѣ» (в значеніи «вверхъ»), «доколѣ», «втайнѣ», «втунѣ», «извнѣ», «навеселѣ» и т. д.

9. Пишется ять въ сравнительныхъ степеняхъ: «быстрѣе», «сильнѣйшая», но не въ окончаніяхъ съ однимъ «е»: «больше», «раньше» («болѣ», «ранѣ» суть сокращенія полныхъ формъ на «-ѣе»).

10. Окончанія «-ого» замѣняются на «-аго», и «-его» на «-яго», если только удареніе не падаетъ на одинъ изъ этихъ слоговъ. Напримѣръ: «у самаго синяго моря», но: «себя самого». Однако эти окончанія не замѣняются въ формахъ мѣстоименій: «этого», «нѣкого», «нашего» и т. д.

11. Окончанія «-іе» и «-ые» замѣняются на «-ія» и «-ья» въ женскомъ и среднемъ родѣ: «большія грозныя волны», но: «большіе грозные ураганы». Также въ женскомъ и среднемъ родѣ мн. ч. замѣняются «они» на «онѣ», «одни» на «однѣ». Формы «её» и «неё» замѣняются на «ея» и «нея» въ род. п., но не въ вин. п.: «я искалъ её, но ея не было».

Пунктуація:

Пунктуація въ основномъ совпадала съ современною, за исключеніемъ сочетаній съ «бы», «ли» и «же», въ которыхъ писали дефисъ: «какъ-бы», «знаете-ли вы», «что-же»: «она выглядѣла такъ-же, какъ вчера». Писали дефисъ и въ сочетаніи «то-есть».

Профессоръ Д. Д. Мордухай-Болтовской.

Буква „Ѣ.“²

Тарнопольскій прорывъ съ звѣрствами дезорганизованной солдатской массы, московская рѣзня интеллигенціи и разрушеніе святынь, все это — глубоко трагичные моменты революціи. Окружающій насъ воздухъ дрожитъ отъ стона, плача и проклятій, земля подъ нашими ногами тонетъ въ крови, смѣшанной съ слезами. Скоро мы разучимся смѣяться; вольный веселый смѣхъ покинетъ славянскую душу, мятущуюся въ спустившемся въ нее безуміемъ.

Въ хмурую, сырую осень, осыпанные мокрымъ снѣгомъ, мы хоронимъ самое дорогое нашему сердцу: честь нашей родины, наши культурныя богатства, нашу молодежь. Кого мы еще вчера видѣли больными — сегодня уже на катафалкѣ, окруженные нѣмой, черною тоской. Въ этой трагичной атмосферѣ, въ этой сферѣ стоновъ и воздыханій — какую злой насмѣшкой надъ нашимъ горемъ выступаютъ эти смѣшныя фигуры, этотъ грубый балаганъ, оскорбляющій наши чувства.

Вотъ молодой присяжно-повѣренный, котораго счастливо миновала тяжелая воинская повинность, въ роли главнокомандующаго десятиллионною арміей, при столкновеніи съ врагомъ совершающій опереточный побѣгъ съ переодѣваніемъ. Безграмотный солдатъ въ роли командира полка по избранію, съ тщетными попытками отказаться отъ тяжелаго для него почета. Служитель — въ должности директора Эрмитажа...

Въ этомъ шутовскомъ хороводѣ кружится и буква „Ѣ“. Она смѣется надъ нами, смѣется надъ нашими глупыми надеждами!

Вотъ мы по-дѣтски мечтали, что революція создастъ всеобщее обученіе грамотѣ, а вмѣсто него у насъ воцарилась и у грамотныхъ безграмотность. Сердитый учитель вдругъ снялъ свой вицмундиръ и облекся въ блузу, изъ чиновника превратился въ рабочаго, сдѣлавшись членомъ „профессіональнаго союза“.

Раньше онъ все больше не позволялъ, а теперь онъ хочетъ, чтобы можно было дѣлать то, чего раньше нельзя было дѣлать. Въ одинъ прекрасный весенній день подъ звуки Марсельезы онъ явился въ классъ и разрѣшилъ „не ставить букву ять“.

О томъ, что научнѣе не ставить буквы ять, объ этомъ рѣшилъ какой-то, никакого отношенія къ школѣ не имѣющій академикъ, а о томъ, насколько педагогиченъ экспериментъ молніеноснаго разучиванія тому, что считалось раньше неприложнымъ правиломъ, и что утверждается всѣми учебниками, которые можно дать въ руки учащимся, объ этомъ академикъ не думалъ, не думалъ объ этомъ и Мануйловъ и его послѣдователи или подчиненные. Глупое слово „педагогъ“ съ самаго начала революціи сдано въ архивъ.

Дѣло обстояло такъ: между двумя партіями, ученической и учительской, шла война, учителя отстаивали ять, ученики шли противъ нея. Теперь вмѣстѣ съ социалистами побѣдили ученики, и ять исключена изъ программы учительской партіи.

Но, конечно, необходимо было установить болѣе точное, болѣе опредѣленное соглашеніе — такой побѣды нельзя было признать — писать „какъ хочешь“!

Доблестному генералу Верховскому приходится подумать о созданіи крѣпкой организаціи „демократической“ грамматики.

Трудное дѣло — изыскать мѣры для окончательнаго изгнанія буквы „Ѣ“, которая не только сама совершенно распустилась, влѣзая вмѣсто своихъ раньше насиженныхъ мѣстъ въ мѣста ей не положенныя, но еще совершенно дезорганизовала и остальные буквы.

Распавшаяся ять иногда дѣлаетъ урокъ чрезвычайно забавнымъ: выгнанная изъ тетради ученика, она попадаетъ на доску учителя, который съ веселымъ смѣхомъ долженъ звиниться передъ учениками за сдѣланную „ошибку“, объяснивъ, что онъ такъ, какъ и они, еще учится „новому правописанію“.

Вмѣстѣ съ учениками учитель можетъ также посмѣяться надъ отсталостью какого-нибудь Кирпичникова или заняться революціонной передѣлкой Пушкина или Гоголя.

² Статья въ газетѣ «Ростовская Рѣчь», №284, отъ 8-го декабря 1917 г.

Мы думали увидѣть Геркулеса, совершающаго двѣнадцать подвиговъ!..

Думали, что Министерство Народнаго Просвѣщенія свободной Россіи раскроетъ двери средней школы если не всѣмъ дѣтямъ бѣдныхъ классовъ, то наиболѣе способнымъ, создавъ інформаціонные органы, извлекающіе изъ соціальныхъ низовъ затерявшіеся тамъ алмазы.

Думали, что наряду съ нѣжною, трогательной и чрезвычайно дорогой заботой о матросахъ и солдатахъ, правительство позаботится и объ учителѣ, дастъ возможность, улучшивъ его матеріальное положеніе, сократить давящее его число уроковъ и освободить время для научныхъ занятій, что оно дастъ не только сколько, чтобы онъ не умеръ съ голоду, а чтобы могъ-бы еще подѣлиться кускомъ хлѣба съ голодающимъ ученикомъ своимъ.

Мы наивно рисовали въ своемъ воображеніи студенческія общежитія для болѣе бѣдныхъ и больныхъ студентовъ и студентокъ, или хотя-бы разработку проектовъ такихъ общежитій, спасающихъ самое драгоценное имущество нашей родины – интеллигентную молодежь.

Ждали также вниманія и къ молодымъ ученымъ, большее число стипендій для оставленныхъ при университетѣ. Готовились къ совмѣстной съ Министерствомъ работъ надъ долгожданымъ Университетскимъ Уставомъ.

Наше забѣгающее впередъ воображеніе создавало столько Академій Наукъ, столько университетовъ, видя усиленіе научной дѣятельности университетовъ въ благотворной обстановкѣ, созданной Свободнымъ Правительствомъ.

Оно представлялось намъ всѣми силами поддерживающимъ погибающія въ борьбѣ съ дороговизной заработной платы наборщика и бумаги научныя изданія и общества.

Мы видѣли это высоко-культурное Правительство раздувающимъ это гаснувшее пламя знанія въ яркій, ослѣпительный свѣтъ, разгоняющій „мракъ, созданный самодержавіемъ“.

Ахъ, если-бы обстановка не была-бы такъ тяжела, если-бы улыбка не была-бы диссонансомъ въ общемъ настроеніи гнетущаго горя, какимъ-бы гомерическимъ смѣхомъ пришлось-бы разразиться, увидя вмѣсто ожидаемаго Геркулеса – этого маленькаго сморщеннаго карлика, этого социалистическаго *ублюдка*, побрякивающаго шутовскимъ колпакомъ съ гордымъ сознаниемъ того, что онъ согналъ съ насиженныхъ мѣстъ, хотя еще не успѣлъ совсѣмъ выгнать, капризную букву!

Это ничтожное созданище могло-бы еще показать свои матроскіе университеты, свой проектъ автономіи средней школы, лучший перлъ для Сатирикона, – ставящіе школу въ полицейскую зависимость отъ органа, въ который входятъ въ преобладающемъ числѣ представители „Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ“ и всевозможныхъ политическихъ и профессиональныхъ организацій, учителя же только отъ профессиональнаго союза, одинъ родитель и – ни одного профессора!..

Россія теперь – это сплошное пожарище. Революціонный пожаръ сжегъ всѣ старыя постройки, но ничего не создалъ. Передъ нами великая задача строительства.

Можемъ-ли мы съ усталою, измученной душой и головою, еще объятаю лихорадкою, начать строить „по новому“ – не вернуться къ Старой, а создать Новую Россію? Двинется-ли Россія впередъ или-же остановится на мѣстѣ, отскочивъ „слѣва на право“?

Послѣднее мнѣ рисуется какъ наиболѣе вѣроятная картина. Обыватель бросаетъ политику и возвращается къ картамъ, учитель возвращается въ свой футляръ, профессоръ отказывается отъ опаснаго контакта съ студентами; краса русской революціи, кронштадтскій матросъ, обращается въ пьянаго мужиченку, клянчащаго двугривенный „на водку“.

Вотъ только одна буква „Ѣ“ не успокоится. Напрасно облаченный снова въ вицмундиръ и снабженный министерскими циркулярами учитель будетъ стараться загнать ее въ мѣста, положенныя ей этими циркулярами. Напрасно будетъ онъ увѣрять учениковъ, что съ окончаніемъ революціи возвращаются отмѣненные правила о буквѣ ять.

Съ отмѣненной буквою ять окажется отмѣненнымъ и авторитетъ учителя, отмѣненною вѣра ученика въ учителя, вѣра въ то, что всякое правило, категорически объявляемое, – является правиломъ *непреложнымъ*.

Владиміръ Невяровичъ.
1. Нашествіе на Русскій Языкъ.

Только съ возвратомъ къ основамъ праваго благозвучнаго и чистаго русскаго языка мы сможемъ обновиться духовно и сдѣлать серіозный шагъ къ возстановленію изъ мглы растлѣнія и оскудѣнія Державнаго Государства Россійскаго.

Народъ уничтожается съ уничтоженіемъ языка. Истина сія неопровержима. Уничтожьте языкъ и не станетъ народа. Почему, по сути, на грани уничтоженія нынѣ русскій народъ? Потому что на грани уничтоженія находится богодарованный русскій языкъ нашихъ благочестивыхъ предковъ... Въ теченіе достаточно краткаго временнаго отрѣзка, очертаннаго менѣ чѣмъ вѣковымъ періодомъ, разворачивается страшная народная драма, болѣе трагическая нежели нашествіе Батыево или „двунадесять языцевъ“ на Русь.

Было нѣкогда въ исторіи всего человѣчества грозное эпохальное событіе, извѣстное, какъ „вавилонское смѣшеніе“ (Быт. 11, 1-9), когда Господь Богъ смѣшалъ языки, и люди перестали вдругъ понимать другъ друга. Нынѣ же откровенно и дерзко пытаются смѣшать языкъ русскій всѣ вкупѣ недруги Россіи, съ тѣмъ, чтобы уже окончательно добить тѣхъ, кто все-еще не утратилъ вѣру въ державное предназначеніе и въ грядущее воскресеніе Россіи, пусть пока еще тяжело больной и немощной.

Что же происходитъ въ реальности съ русскимъ языкомъ? Не слишкомъ ли сгущены краски въ столь убійственно страшныхъ вступительныхъ тезисахъ-утвержденіяхъ?

Вѣдь продолжаетъ здравствовать церковно-славянскій языкъ — основа всѣхъ нашихъ основъ.

Все еще востребованъ и дорогъ для многихъ классическій литературный языкъ Пушкина, Крылова, Державина, Лермонтова, Тургенева и Толстого. Не ослабѣваетъ интересъ и къ исторіи Россіи, ея древнимъ лѣтописнымъ памятникамъ, фольклору, архивнымъ документамъ, археологіи... Все это дѣйствительно такъ и, какъ говорится, чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ ярче звѣзды. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ очень малой части русскаго народа, которую съ полнымъ правомъ можно нынѣ назвать блюстительницей и охранительницей роднаго языка, цвѣтомъ націи, оплотомъ самыхъ устоевъ страны, ея поистинѣ „золотымъ фондомъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, литературная классика уже шустро начинаетъ изыматься изъ программы обязательнаго школьнаго образованія, либо существенно купироваться. Подъ всевозможными предлогами существенно сокращаются часы на изученіе шедевровъ русской изящной словесности.

Во всю набираетъ обороты кампанія опошлѣнія, утрированія; искаженія, смѣхачества; формализаціи, шаблонизаціи классическаго русскаго литературнаго наслѣдія, чему въ немалой степени способствуютъ лицедѣи всѣхъ мастей, особенно густо изливающие свои ядовитыя нечистоты съ государственныхъ (!) каналовъ теле-радіо эѳира.

Да и церковно-славянскій языкъ глубоко понимаютъ (а паче и хорошо владѣютъ имъ) далеко не всѣ изъ числа даже воцерковленныхъ православныхъ христіанъ. Вѣдь нигдѣ этотъ языкъ никто намъ академически не преподаетъ, оттого приходится для его познанія, чаще всего, заниматься самообразованіемъ, а это подъ силу далеко не каждому. Еще Владиміръ Ивановичъ Даль подчеркивалъ въ своемъ вступительномъ словѣ къ безсмертному своему „Толковому Словарю Живаго Великорусскаго Языка“, что „словесная речъ (sic) человѣка, это видимая, осязаемая связь, союзное звено между тѣломъ и духомъ“, а не просто способъ для передачи смысловъ, понятій, вещей и явленій въ мірѣ. Другой признанный геній русской науки, Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, процвѣтаніе отечественной словесности видѣлъ въ единствѣ трехъ видовъ языка: *высокаго, средняго и низкаго*. Эти три вида (*стиля*) просматриваются и нынѣ: какъ церковно-славянскій языкъ, литературный книжный и разговорный. Однако гармонія между этими стилями въ наши дни полностью разрушена, ибо утрачено въ массахъ пониманіе высокаго стиля церковно-славянскаго языка, этого фундамента *духовности* нашей рѣчи. Въ связи съ чѣмъ, какъ справедливо указано въ предисловіи къ „Церковно-

славянской Грамотѣ“³, народъ нашъ «перестаетъ владѣть „силой гласа“, то есть смысломъ евангельскаго слова, становясь чужестранцемъ въ своей отчизнѣ (1 Кор. XIV, 11)». Литературный же языкъ стрѣмительно мѣняется, все болѣе заполняясь словами иностранными или разговорными, ранѣе въ отечественной литературѣ никогда не употреблявшимися. Разговорный языкъ, въ свою очередь, также деформируется въ сторону блатнячко-урковскаго жаргона, который тошно становится даже слушать. Еще одна проблема — всеудушашая и все- и вся пронизывающая матерная брань — дополняетъ вышесказанное и, думается, не нуждается въ дополнительныхъ комментаріяхъ, ибо процвѣтаетъ сіе мерзкое явленіе повсемѣстно, укореняясь въ душахъ людей съ малолѣтства.

Въ своей недавней статьѣ „Русскій уходитъ по-англійски“, опубликованной на сайтѣ „Русская Линія“, доцентъ Московскаго Государственнаго Лингвистическаго Университета Андрей Чужакинъ нынѣ происходящее въ Россіи резонно сравнилъ съ войною противъ русскаго языка: „Складывается впечатленіе, что противъ русскаго языка ведется самая настоящая война. Причемъ въ нашей же странѣ“, — написалъ авторъ этой статьи.

Интересно процитировать и мысли о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, что видятся профессионалу-языковѣду въ ближайшемъ будущемъ, если немедленно не будутъ предприняты надлежащія мѣры на общегосударственномъ уровнѣ.

Итакъ, какія же угрозы стоятъ передъ нашимъ языкомъ?

1). Безграмотность и общее безкультурье, которыя принимаютъ просто катастрофическіе масштабы.

Безграмотность — безусловно, источникъ многихъ російскихъ бѣдъ. Прислушайтесь къ косноязычному, бѣдному языку нашихъ политиковъ, депутатовъ, чиновниковъ — и вы поймете, что точно такъ же убого они и мыслятъ, а значить, и дѣйствуютъ. Вчитайтесь, какъ пишутъ нѣкоторые журналисты: „опущеніе“ газетно-журнальнаго стилия до языка подворотень, улицъ и пивныхъ! Зайдите въ Internet — это помѣсь субег-языка и подростковаго жаргона, техническаго англійскаго, сленга и типичныхъ, но дикихъ ошибокъ...

2). Проникновеніе во всѣ пласты населенія мата и „непечатныхъ выраженій“, въ томъ числѣ въ письменную рѣчь.

Это тоже связано съ паденіемъ общаго уровня культуры. „Матерщина“ — это своего рода „естественныя отправления“ языка, и, какъ принято въ цивилизованномъ обществѣ, онѣ не должны быть процессомъ публичнымъ. Мать *недопустимъ* въ обществѣ дѣтей, женщинъ, въ общественныхъ мѣстахъ и, разумѣется, въ С.М.И., видео-, кинопродукціи и литературѣ (если это не оправдано особыми стилистически-художественными цѣлями). Мать — слишкомъ сильное оружіе, чтобы имъ эпатировать пресыщенную публику, наживать себѣ скандальную извѣстность у нетребовательныхъ читателей или зрителей. И гордиться тѣмъ, что „нѣтъ русскаго языка безъ мата“, какъ и тѣмъ, что „водка изобрѣтена въ Россіи“, — убого. Неужели у насъ не было иныхъ достижений?..

3). Тотальная криминализация языка и культуры.

Если въ 1960-е годы въ Москвѣ происходило „всего“ около 300 убійствъ ежегодно, то сейчасъ, по официальной статистикѣ М.В.Д., въ среднемъ 1,5 — 2 тысячи. Параллельно съ невиданнымъ ростомъ преступности усиливается тенденція сращиванія организованной преступности съ государственными структурами, чиновничествомъ. Слѣдствіемъ стало то, что блатной жаргонъ проникъ и укоренился въ „коридорахъ власти“, а изъ думскихъ, министерскихъ, милицейскихъ стѣнъ вышелъ на экраны Т.В., въ газетно-журнальную продукцію, расползся по городскимъ улицамъ...

„Воръ долженъ сидѣть въ тюрьмѣ“, а блатная „феня“ — за колючею проволокой здраваго смысла, культуры и образованности!

4). Глобализація и всемірная агрессія англійскаго языка также болѣзненно сказываются на нашей современной рѣчи.

³ Церковнославянская грамота, СПб., 1998, с. 8

Неоправданное примѣненіе заимствованій изъ англійскаго языка, „неродного“ синтаксиса и порядка словъ производитъ впечатленіе плохого перевода... Лѣтомъ с. г. журналъ „Newsweek“ опубликовалъ статью объ исчезающихъ языкахъ и доминированіи англійскаго въ мірѣ, подъ заголовкомъ: „Не уйдутъ ли они по-англійски?“ — „Создается тревожное ощущеніе, что русскому языку со временемъ грозитъ та же участь...“

Это мнѣніе специалиста. Но развѣ каждому здравомыслящему человѣку не видно и не слышно, какъ все болѣе засоряется нашъ языкъ англоязычнымъ жаргономъ, какъ уродуются „тексты“ (извините за выраженіе) современныхъ „пѣсень“, какъ коверкается вокругъ разговорная рѣчь, перемѣшиваясь съ матомъ и воровскимъ жаргономъ?..

Совершенно очевидно, что трагедія уничтоженія русскаго языка ведетъ свой отсчетъ отъ печальной реформы большевиковъ въ октябрѣ 1918 года. Какъ пишутъ составители вышеуказанной „Церковнославянской Грамоты“, большевики „рѣзали по живому“, сокращая алфавитъ и „узаконивая“ однимъ росчеркомъ пера новыя нормы правописанія, что привело къ *разрушенію* многихъ основъ языка, къ возникновенію массы нелѣпицъ и нестыкочковъ, отказать отъ которыхъ и понынѣ почему-то намъ не хватаетъ мужества⁴.

Теперь нѣсколько словъ о заимствованіяхъ. Еще профессоръ Р. Брандтъ въ 1883 году писалъ: „Не слѣдуетъ далѣе прибѣгать къ иностранному слову, когда существуетъ равносильное туземное (народное — *В.Н.*): къ чему намъ латинское слово *манументъ*, когда у насъ есть *памятникъ*? Къ чему *аргументъ*, когда есть *доказательство* и *доводъ*? Къ чему французское *депо*, когда есть *складъ*? Нужно ли заимствовать латинскій *абсурдъ*, когда имѣется уже цѣлая куча однозначашихъ словъ: *нелѣпость*, *нелѣпица*, *безмыслица*, *чепуха*, *чушь*, *безтолочь*, *околесная*?“⁵. Очень цѣнили чистоту родного языка и выступалъ противъ иностранныхъ заимствованій Государь Императоръ Николай II. Кстати, вся Царская семья, судя по письмамъ изъ заточенія, очень негативно восприняла реформу орфографіи, продолжая писать свои письма по правиламъ традиціоннаго русскаго правописанія. Противниками большевицкой реформы были Марина Цвѣтаева, Маріэтта Шагинянь, Дмитрій Лихачевъ, Иванъ Шмелёвъ, Михаилъ Пришвинъ и многіе другіе выдающіеся дѣятели русской литературы⁶. Лауреату Нобелевской Преміи, послѣднему общепризнанному классіку русской литературы Ивану Бунину, принадлежатъ такія слова касательно новой реформы правописанія: „По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкаго правописанія. Уже хотя бы по одному тому, что человѣческая рука не писала ничего подобнаго тому, что пишется теперь по этому правописанію.“ (Изъ книги „Окаянные дни“). Въ предреформенный періодъ категорически противъ возможныхъ нововведеній, типа удаленія ера (Ѣ) или ятя (Ѥ) рѣшительно выступалъ Левъ Николаевичъ Толстой. Впрочемъ, еще Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, пророчески предвидя посягательство на ять, просилъ не изымать этой буквы изъ русскаго алфавита: „Нѣкоторые покушаются истребить букву ять. Но сіе какъ невозможно, такъ и свойствамъ російскаго языка противно“⁷. Большевицкая реформа орфографіи привела къ обѣдненію и искаженію русскаго языка, паденію его культуры, нарушила стройность правописанія. Кромѣ того, въ государственномъ масштабѣ русскій языкъ сталъ засоряться новой „революціонной“, а по сути своей, часто совершенно нелѣпой, чуждой по духу славянскому языку, терминологіей. Русскій народъ очень чутко реагировалъ на происходящее, что нашло отраженіе въ нѣкоторыхъ мѣткихъ поговоркахъ и выраженіяхъ (къ примѣру, по поводу изыятія буквы Ѧ: „Ѧиту убрали — церкви рушить стали“).

Болѣе вѣка назадъ Владиміръ Ивановичъ Даль въ одной изъ своихъ рѣчей произнесъ такія слова: „Говоря просто, мы увѣрены, что русской речи (*sic*) предстоитъ одно изъ двухъ: либо испощлѣть до-нельзя, либо, образумясь, своротить на иной путь, захвативъ притомъ съ собою всѣ покинутые второпяхъ запасы.“

⁴ См. на сей счетъ великолепныя статьи Ивана Ильина: «О Русскомъ Правописаніи», архіепископа Аверкія: «Къ вопросу о старой и новой орфографіи», работы Виницкаго, Шерудило и другихъ изслѣдователей этой темы.

⁵ Цит. по: Г. Дьяченко: «Полный Церковно-славянскій языкъ», М. 2000, стр. XII-XIII.

⁶ См. болѣе подробно объ этомъ въ моей статьѣ «Трагедія русскаго правописанія».

⁷ «Россійская грамматика».

Эти слова звучат нынѣ особенно актуально, ибо только съ возвратомъ къ основамъ праваго благозвучнаго и чистаго русскаго языка, мы сможемъ обновиться духовно и сдѣлать серьезный шагъ къ возстановленію изъ мглы растлѣнія и оскуденія Державнаго Государства Россійскаго...

Воронежъ, 24 мая 2005 г.

2. Трагедія Русскаго Правописанія.

«— Да, три легкія буквы отмѣнили,
а три твердыя дали.
— Какія же твердыя?
— Скверныя буквы: Гэ, Пэ, У...»

(Изъ дневника М. М. Пришвина,
писателя).

85 лѣтъ назадъ, 10-го октября 1918 года декретомъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ о «О введеніи новой орѳографіи» въ бывшей Россіи были установлены новыя правила правописанія, разработанныя Народнымъ Комиссаріатомъ Просвѣщенія. 13-го октября данный декретъ за подписью зам. наркома просвѣщенія М. Покровскаго и управ. дѣлами Сов. Нар. Ком. В. Бончъ-Бруевича былъ опубликованъ въ газетѣ «Извѣстія» и сталъ непреложнымъ руководствомъ къ дѣйствию. Всѣ типографіи, издательства, учебныя заведенія — обязаны были срочно перейти на «новое правописаніе».

Къ сожалѣнію, подлинное значеніе даннаго нововведенія въ судьбахъ Россіи въ достаточной мѣрѣ нами и понынѣ не осознанно и не понято въ силу целаго ряда причинъ. Со школьной скамьи мы смутно что-то представляли о «старорежимной царской орѳографіи» съ «никому ненужными “ятями”, твердыми знаками и еще какими-то мертвыми буквами алфавита», которыя отмѣнила доблестная социалистическая революція русскаго народа, но какихъ-то подробностей о характерѣ данной реформы, истинныхъ цѣляхъ и задачахъ инициаторовъ данной авантюры (другого слова не подберу) доселѣ ничего не знаемъ.

Въ послѣдніе годы интересъ къ дореволюціонной русской орѳографіи въ Россіи замѣтно возросъ. Прежде всего, это нашло отраженіе въ возвратѣ къ написанію наименованій нѣкоторыхъ торговыхъ предпріятій, издѣлій и, конечно же, православныхъ издательствъ.

Яркія вывѣски типа «Трактиръ», «Яръ», «Грандъ» вполнѣ уживаются въ большихъ городахъ съ англоязычными названіями всевозможныхъ «шоповъ» и «дональсовъ». Среди православныхъ издательствъ, нынѣ обозначающихъ себя въ традиціонномъ русскомъ правописаніи, можно отмѣтить такія, какъ «Паломникъ», «Лѣствица», «Русскій Хронографъ», «Сатисъ», «Царское Дѣло» и нѣкоторыя другія. Все чаще можно встрѣтить (даже не въ православныхъ изданіяхъ) написаніе слова «міръ» (въ значеніи планеты, вселенной) съ десятиричнымъ «і», какъ это было принято въ старой русской орѳографіи.

Наконецъ, все громче раздается голосъ филологовъ, лингвистовъ, ревнителей русскаго языка — о катастрофическомъ положеніи нашего нынѣшняго правописанія, объ убійственной деградации современной разговорной рѣчи въ Россіи.

Знаковымъ явленіемъ въ послѣдніе годы стало появленіе обществъ за возвратъ къ традиціонной русской орѳографіи, отмѣненной большевиками въ 1918 году. Пріятно удивилъ сайтъ «Движеніе за Возрожденіе Дореволюціоннаго Правописанія» въ интернетѣ, создатель котораго, молодой петербуржецъ Алексѣй Журавлевъ, осуществилъ прекрасную подборку тематическаго матеріала и опубликовалъ даже своего рода воззваніе съ программой дѣйствія.

Теперь о сути самой реформы правописанія. Подробныя сведенія о разрушительномъ характерѣ новыхъ правилъ орѳографіи можно найти у изслѣдователей-специалистовъ (въ томъ числѣ и изъ числа современныхъ авторовъ: Т. М. Григорьева, И. П. Прядко, Тимоѳей Шерудило и другіе). Три очень яркія статьи касательно реформы правописанія принадлежатъ из-

вѣстному нашему философу Ивану Александровичу Ильину. Убѣдительно и чрезвычайно важна, на мой взглядъ, для каждаго русскаго человѣка статья архіепископа Аверкія (Таушева): «Къ вопросу о старой и новой орѳографіи», дающая отвѣты на проблему съ позицій духовнаго взгляда на вещи.

Истины ради надо отмѣтить, что длительныя научныя дискуссіи по поводу возможной реформы русскаго языка велись задолго до событій 1918 года. Ихъ начало слѣдуетъ отнести къ 1905-1907 годамъ, то есть къ періоду зарожденія первой революціонной волны XX вѣка въ Россіи. По словамъ Ив. Ильина, тѣ, кто затѣвалъ реформу, отличались формальнымъ, недуховнымъ мышленіемъ, но были чрезвычайно активны и напористы: «была энергичная группа формалистовъ, толковавшихъ правописаніе какъ нѣчто условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное, не связанное ни съ смысломъ, ни съ художественностью, ни даже съ исторіей языка и народа» (Изъ статьи «Заключительное слово о русскомъ національномъ правописаніи»).

Большинствомъ отечественныхъ спеціалистовъ-лингвистовъ реформа правописанія не была поддержана, болѣе того, рѣшительно отвергалась. Хранителемъ чистоты русскаго языка выступалъ и самъ Государь Императоръ Николай II, который, какъ свидетельствуютъ современники, весьма отрицательно реагировалъ даже на необоснованное употребленіе иностранныхъ словъ. «Русскій языкъ такъ богатъ, – говорилъ онъ, – что позволяетъ во всѣхъ случаяхъ замѣнять иностранныя выраженія русскими. Ни одно слово неславянскаго происхожденія не должно было бы уродовать нашего языка.» (Наталья Бонецкая: «Царь-мученикъ»; Изд. Срѣтенскаго монастыря; с.10-11, 1997). Противниками идеи реформы были и всемірно извѣстный русскій языковѣдъ (именуемый почему-то въ С. Э. С. «совѣтскимъ филологомъ») – академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, авторъ знаменитыхъ «Лекцій по Исторіи Русскаго Языка», и признанный властитель думъ русской интеллигенціи Левъ Николаевичъ Толстой, и многіе другіе ученые, литераторы и общественные дѣятели Царской Россіи.

Революціонно реформировать русское правописаніе попыталось еще Временное Правительство, которое лишь декларировало въ 1917 году впослѣдствіи узаконенныя большевиками новшества орѳографіи. Но силъ тогда у «братьевъ» явно не хватило, оттого демагоги и болтуны первой волны передали эстафету покоренія Россіи агрессивной красной вѣтви, которая подъ знакомъ «звѣзды», серпа и молота – успѣшно завершила начатое грязное дѣло.

Было ли сопротивленіе новой реформѣ русскаго языка въ Россіи? Безусловно. Несмотря на то, что сопротивляться нововведеніямъ Совѣтской власти означало въ тѣ годы попасть въ разрядъ «контръ-революціи» съ соответствующими послѣдствіями. Тѣмъ не менѣе, среди противниковъ реформы мы видимъ такихъ разныхъ людей, какъ Иванъ Бунинъ, Марина Цвѣтаева, Иванъ Ильинъ, Александръ Блокъ, Михайль Пришвинъ, Вячеславъ Ивановъ, Маркъ Алдановъ, Иванъ Шмелевъ и будущій совѣтскій (!) академикъ Дм. Серг. Лихачевъ.

Академикъ П. Б. Струве, по словамъ Ив. Ильина, называлъ новую реформу не иначе какъ гнусной. Самъ Ильинъ новое правописаніе наименовалъ «кривописаніемъ». Отрицательно отреагировали на попытку Временнаго Правительства ввести новшества въ русской орѳографіи (судя по одному изъ писемъ изъ заточенія) и Царственныя мученики. Такъ, въ письмѣ отъ Вел. Княжны Ольги Николаевны къ М. С. Хитрово, отъ 17-го октября 1917 года, есть такія слова: «Какъ тебѣ нравится новое правописаніе? По-моему, удивительно некрасиво и глупо.» (Письма Св. Царственныхъ Мучениковъ изъ заточенія., СПб., с. 111, 1998).

Почти всѣ представители первой волны русской эмиграціи сохранили вѣрность прежнему правописанію. Нѣкоторыя издательства русскаго зарубежья и по сей день пользуются исключительно старою орѳографіей.

Кажущіяся упрощенія, касающіяся отмѣны реформой буквъ Ъ (ять), Ѳ (ѳита), І (десятиричная) и Ѵ (ижица), а также измѣненія, касающіяся прилагательныхъ, причастій и мѣстоимѣній – больно ударили по тонкому, органичному, создаваемому вѣками организму русской грамматики. Какъ писалъ въ своей статьѣ «Къ вопросу о старой и новой орѳографіи» архіепископъ Аверкій (Таушевъ), «Грамоту дала намъ наша св. Православная Церковь, и потому недопустимо, помимо Церкви, рѣшать вопросы орѳографіи, произвольно признавая тѣ или

другія буквы нашего алфавита» устаревшими и «ненужными». Очень зыбокъ и неубѣдительно и самъ по себѣ доводъ о «преимуществахъ» облегченія и упрощенія языка, на что очень остроумно откликнулся Ив. Ал. Ильинъ: «Это наглядный примѣръ того, когда ”проще“ и ”легче“ означаетъ: хуже, грубѣе, примитивнѣе, неразвитѣе, бессмысленнѣе, или, попросту, – слѣпое варварство. Пустыня проще лѣса и города; не опустошить ли намъ нашу страну? Мычать коровою гораздо легче, чѣмъ писать стихи Пушкина или произносить рѣчи Цицерона; не огласить ли намъ россійскія стогна коровьимъ мычаніемъ? Для многихъ пороковъ легче добродѣтели и сквернословіе легче краснорѣчія... Вообще проще не быть, чѣмъ быть; не заняться ли намъ, русскимъ, повальнымъ самоубійствомъ? Итакъ, кривописаніе не легче и не проще, а бессмысленнѣе» (изъ статьи «Заключительное слово о русскомъ національномъ правописаніи»).

Съ введеніемъ новаго правописанія превратились въ бессмыслицу многія выраженія, поговорки, пословицы, крылатыя фразы. Даже большевистскій лозунгъ «Міру – миръ!» въ своемъ написаніи сталъ выглядѣть кричащимъ абсурдомъ, но это нисколько не смущало ревнителей новой культуры, ратующихъ за то, чтобы сбросить съ пьедестала исторіи даже Пушкина и «прочихъ отжившихъ писакъ». Масса несуразностей возникла съ написаніемъ омонимовъ (словъ одинаковаго звучанія, но разныхъ по значенію). В царскомъ правописаніи они по преимуществу писались отлично, въ совѣтскомъ же такія слова какъ «ели» (деревья) и «ѣли» (употребляли пищу) – стали писаться одинаково; то же относится къ омонимамъ: осель (животное) – ослѣ (отъ «сѣсть»), мѣль (известнякъ) – мель (отъ «мести»), лѣчу – лечу, слезъ («слеза») – слѣзь, есть – ѣсть и т.д. и т.п.

Какъ примѣръ кривописанія новой реформы, Ильинъ приводитъ выраженіе: «Пока у насъ еще есть, что есть» (вм. «...что ѣсть», т. е. кушать), или: «Я люблю ее собаку» (въ старой орѳографіи было бы: «ея собаку», т. е. собаку женщины, а не женщину-собаку, какъ слѣдуетъ понимать буквально изъ кривописанія).

Реформа русскаго языка 1918 года дала мощный импульсъ къ искаженію и дальнѣйшему уродованію великаго языка нашихъ предковъ, языка просвѣтителей славенскихъ: Святыхъ Равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Особенно ускорился этотъ процессъ, сопряженный съ прямымъ глумленіемъ и издѣвательствомъ надъ традиціями святорусскаго языка въ наши дни, когда вседозволенность выраженій, матерный лексиконъ, засилье иностранной терминологіи, «блатныя» словечки – стали дѣломъ обыденнымъ, и даже болѣе того, привлекательнымъ и престижнымъ. Особенно усердствуютъ въ томъ телевидѣніе и періодическія изданія, авторы которыхъ словно соревнуются порой въ степени хулиганскаго обращенія съ русскимъ языкомъ. На ужасномъ, отвратительномъ жаргонѣ воспитываются наши дѣти; мать захлестнула современную «либерально-демократическую» Россію, накрывъ ее девятимъ валомъ – наряду съ хамствомъ, безкультуріемъ, пьянствомъ, наркоманіей и разбоемъ.

И тѣмъ не менѣе, ростки движенія за возвратъ къ традиціонному русскому правописанію все же обозначились, и это очень отрадно. «Только старая орѳографія и есть въ собственномъ смыслѣ орѳо-графія, или право-писаніе, – писалъ архіепископъ Аверкій, – а та порча русскаго правописанія, которая насильственно введена въ употребленіе большевиками въ порабощенной ими Россіи въ декабрѣ 1918 года, не можетъ и не должна претендовать на то, чтобы именоваться правописаніемъ, а есть только искаженіе правописанія».

Можно ли вернуться къ старому правописанію – это тема отдѣльнаго разговора...

10-го октября 2003 г.

Нѣсколько цитатъ о Русскомъ Правописаніи.

Правописаніе имѣетъ свои историческія, конкретныя и въ то же время философскіе и національныя основы. Поэтому оно не подлежитъ произвольному слову, но лишь осторожному,

обоснованному преобразованію; совершенствованію, а не разрушенію...

И. А. Ильинъ, философъ.

По-моему, реформа эта нелѣпа.... Да-да, нелѣпа... Это типичная выдумка ученыхъ, которая, конечно, не можетъ пройти въ жизнь. Языкъ — это послѣдствіе жизни; онъ созданъ исторически, и малѣйшая черточка въ немъ имѣетъ свое особое, осмысленное значеніе... — Человѣкъ не можетъ и не смѣетъ передѣлывать того, что создаетъ жизнь; это бессмысленно — пытаться исправлять природу, бессмысленно...

Л. Н. Толстой, писатель, о предполагаемой реформѣ русскаго правописанія.

Я поднимаю вопросъ объ орѳографіи... Главное мое возраженіе — что она относится къ техникѣ творчества, въ которую государство не должно вмѣшиваться...

А. А. Блокъ, поэтъ.

Невѣжда и хамъ ни съ того, ни съ сего объявилъ заборную орѳографію: опять покоряйся, пиши по ней! Я отвѣчаю: не могу, не хочу — уже хотя бы потому, что по ней написано за эти дѣсять лѣтъ [революціи] все самое низкое, подлое, злое, лживое, что только есть на землѣ...

И. А. Бунинъ, писатель.

Г. С. Злотинъ.

Письма о Языкѣ.

Со временемъ измѣняется значеніе не только словъ, но и ихъ частей: напримѣръ, приставокъ. «Раненіе» въ XIX вѣкъ называлось «пораненіемъ». Названіе одной изъ русскихъ казней, примѣнявшихся вплоть до восемнадцатаго вѣка: урѣзаніе языка.

Письмо первое. Урѣзаніе языка.

Многимъ хорошо освѣдомленнымъ и вполне добросовѣстнымъ изслѣдователямъ, особенно подвизающимся въ области естественныхъ наукъ — не въ силу ли ихъ рода занятій? — свойственно убѣжденіе въ томъ, что новое — едва ли не непремѣнно лучше прежняго, что всякое измѣненіе заключаетъ въ себѣ улучшение. Старое тогда воспринимается какъ ненужное средостеніе, какъ досадная помѣха, преграда на пути къ „усовершенствованію“, которое неизбежно произойдетъ, по прошествіи времени и при отсутствіи упомянутыхъ помѣхъ. При такомъ взглядѣ на вещи часто упускается изъ виду то обстоятельство, что это „старое“ служило извѣстной пользѣ и, быть можетъ, послужить ей еще, если не будетъ понапрасну отброшено ради неразумно подхваченнаго „новаго“.

Наши сегодняшнія языковыя раны суть прямое слѣдствіе такого разрушительнаго, губительнаго новшества. Начнемъ съ самаго спорнаго — съ правописанія.

Приведу нѣсколько примѣровъ ущерба, нанесеннаго языку неумнымъ изытіемъ нѣсколькихъ буквъ. О „мирѣ“, „мірѣ“ и „мврѣ“ говорили уже такое множество разъ, что стыдно было-бы повторяться. Скажу только, что по винѣ нашего злосчастнаго кривописанія умерло названіе толстовскаго романа, умерла и поговорка „однимъ мвромъ мазаны“.

По винѣ отмѣны различенія „они — онѣ“ умерли десятки риемъ, цѣлыя стихотворенія, гдѣ игра словъ построена на различіи между мужскими и женскими мѣстоименіями.

По винѣ „упорядоченія“ падежныхъ окончаній погибла блоковская строка:

Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя
Какъ слезы первыя любви.

Теперь мы вынуждены читать вмѣсто „слезы первой любви“ (что было бы упоительно прекрасно) — „первыя слезы любви“ (что попросту бессмысленно). Такихъ случаевъ множество и у Пушкина, и у другихъ.

Какъ писалъ проф. Ильинъ — кстати, современникъ и противникъ большевицкихъ новшествъ — вслѣдствіе одной только отмѣны ятя, на письмѣ потерялось различіе въ словахъ: *ели* (деревья) и *ѣли* (питались), *лечу* (на самолетѣ) и *лѣчу* (пользую больного), *вѣдѣніе* (знаніе) и *веденіе* (отъ „водитъ“), *некогда* (нѣтъ времени) и *нѣкогда* (когда-то), *естъ* (имѣется) и *ѣсть* (питается), *темъ* (предметовъ для бесѣды) и *тѣмъ* (указательное мѣстоименіе), *леса* (леска) и *лѣса* (рощи), *горь* (вверхъ, ввысь) и *горе* (несчастье), *преніе* (споръ, препирательство) и *прѣніе* (намоканіе, гніеніе), *железа* (gland) и *жельза* (металлы), *вести* (водитъ) и *вѣсти* (извѣстія). Подобныхъ примѣровъ — десятки и сотни. Языкъ, который прежде безъ труда справлялся съ задачей различенія въ письменной рѣчи словъ одинаковаго звучанія, теперь обреченъ на бессмысленную путаницу.

Приведу еще нѣсколько строкъ изъ статьи проф. Ильина:

„Есть и общія правила. Напримѣръ: слова, начинающіяся съ *нѣ* — ничего не отрицаютъ, а устанавливають только неопредѣленность: *нѣкій*, *нѣкоторый*, *нѣсколько*, *нѣкогда*; а слова, начинающіяся съ *не* — отрицаютъ: *нелѣпый*, *неграмотный*, *нечестный*, *некогда*. Еще: вопросы *куда?* и *гдѣ?* требуютъ различныхъ падежей; отмѣна буквы „ятъ“ убиваетъ это правило. *Куда? На ложе, на поле, въ поле, въ море* (винит. падежъ). *Гдѣ? На ложь, на поль битвы, въ морь* (предложный падежъ). *Пуля попала ему въ сердце* (вин. пад.); *въ его сердце не*

чаль (предл. пад.). Еще: *чъмь* есть творительный падежь отъ *что*; *о чемь* есть предлож. падежь отъ *что*; смѣшеніе падежей есть занятіе грамматически разрушительное. Еще: *синѣй* есть сравнительная степень отъ *синій* (*волны синѣй стали*); *синей* есть родительный падежь отъ прилагательнаго *синяя* (*волны синей стали*; но развѣ сталь есть образецъ синевы?)...“

Отмѣна ятя безъ всякой на то нужды еще отдалила насъ отъ народовъ, говорящихъ на другихъ славянскихъ языкахъ. Человѣкъ, умѣвшій сызмальства различать на письмѣ „ѣ“ и „е“, понимаетъ, почему вмѣсто *бѣсъ*, *хлѣбъ* и *мѣсто* по-украински пишутъ и говорятъ *біс*, *хліб* и *місто*, а по-польски *biały* вмѣсто нашего *бѣлый*. Такой человѣкъ богатъ знаніемъ исконныхъ питательныхъ связей своего современнаго языка съ родственными языками и съ собственнымъ прошлымъ. Такой человѣкъ, когда въ жизнь его входятъ новые предметы и понятія, способенъ на то, чтобы придумать новыя слова, выращенныя изъ родныхъ корней или позаимствованныя у близкородственныхъ славянскихъ языковъ. Можно было-бы многому научиться у славянъ. Чехи, напримѣръ, проживъ едва ли не 700 лѣтъ подъ духовной опекою Германіи (Австріи), не только не утеряли своей языковой самости, но и нашли удачныя соотвѣтствія немалому числу заимствованныхъ словъ: *дивadlo* вмѣсто *театръ*, *гудба* вмѣсто *музыка*, *дѣины* вмѣсто *исторія* и т.д. Поляки говорятъ *самохудъ* вмѣсто *автомобиль* и не находятъ это страннымъ. Наше же кургузое словотворчество свелось въ послѣдніе годы почти единственно къ тому, чтобы бездумно и неразборчиво заглывать тьмы и тьмы англійскихъ словъ, и, не усвоивъ какъ слѣдуетъ, снова изрыгать ихъ на страницы всемірной сѣти и поврежденныхъ печатныхъ изданій.

Къ слову, о прошломъ. При разговорѣ о русскомъ языкѣ не надо забывать о томъ, что въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія — почти *всего* письменно переданнаго намъ прошлаго Россіи — *единственнымъ* способомъ существованія народа была православная вѣра. Это обстоятельство можетъ радовать или возмущать, но это правда. Въ странѣ, состоявшей на девяносто сотыхъ изъ крестьянъ или ихъ потомковъ (купцовъ, мѣщанъ) свѣденія о мірѣ, самое міровоззрѣніе, складывались въ основномъ подъ вліяніемъ православія. Еще разъ повторюсь: къ счастью или нѣтъ, но это было такъ. Мѣнять это можно и, навѣрное, нужно. Но ломать это — какъ ломали большевики — означаетъ ломать стеновой хребетъ всего языка. Всѣ мы по сей день говоримъ: *ничтоже сумняшеся*, и *иже съ ними*, и *присные его*, *гласъ вопіющаго въ пустынь*, *страсти* (т.е. крестныя муки), *спаси Богъ* (т.е. всѣхъ и вся), *притча во языцехъ*, *наканунъ* (т.е. первоначально — на Канонъ Св. Андрея Критскаго), *воскресенье*, *крестьянинъ* (т.е. христіанинъ), *(у)юродство*, *несувѣтный* (т.е. потусторонній), *катавасія* (родъ церковнаго пѣнія), *впостась*, *свѣтопреставленье*, *до втораго пришествія*. Слова *восторгъ*, *восхищеніе*, *обуреваемый*, *причастіе*, *долготерпеніе* и десятки другихъ первоначально примѣнялись въ строго опредѣленномъ духовномъ значеніи и лишь много позже стали *достояніемъ* (кстати, это еще одно такое слово!) свѣтскаго словаря. Почему мы говоримъ *во-первыхъ*, а не просто *первое*, какъ англичане и нѣмцы? Потому, что за каждой литургіей священникъ поминаетъ святыхъ, а самыхъ почитаемыхъ — *во первыхъ* (т.е. среди первыхъ). Желая того или нѣтъ, мы всѣ говоримъ на древнемъ языкѣ, унаслѣдованномъ отъ глубоко вѣровавшаго православнаго народа, на языкѣ, полномъ своихъ непреложныхъ законовъ, отвергать которые мы не вправѣ.

Объ этихъ законахъ нельзя забывать и в вопросахъ правописанія. Историческое (а не фонетическое) правописаніе не препятствуетъ развитію языка во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ. Если-бы для „современности“ языка нужно было-бы непременно видоизмѣнить его правописаніе въ соотвѣтствіи съ произношеніемъ, то по-англійски (вполнѣ современный языкъ, не правда ли?) мы-бы писали „inof“ вмѣсто историческаго „enough“. Такихъ примѣровъ — сотни. Русский языкъ не обладаетъ и никогда не обладалъ чисто-фонетическимъ правописаніемъ. Болѣе того, выравниваніе правописанія „подъ произношеніе“ нанесло-бы языку огромный вредъ, разорвавъ тѣ смысловыя и этимологическія связи, которыя очевидны только при историческомъ правописаніи. Просвѣщенные народы это понимаютъ, поэтому никому и въ голову не приходитъ кореннымъ образомъ измѣнить правописаніе англійскаго, французскаго, испанскаго языковъ. Предпринятая нѣсколько лѣтъ назадъ попытка очень осторожнаго, половинча-

таго упорядочиванія правописанія нѣмецкаго языка вызвала бурю возмущенія по всему нѣмецкоязычному міру, и инья страны вовсе отказываются слѣдовать этимъ перемѣнамъ.

Фонетическое правописание — пустое стрѣмленіе, недостижимое состояніе языка. Произношеніе постоянно мѣняется, и внѣшнему облику древнихъ словъ никогда не поспѣтъ за новымъ выговоромъ. Напротивъ, бережно поддерживая преемственность прошлаго и настоящего, народы приумножаютъ свою память, облачаютъ свой опытъ въ непреходящіе, долговѣчные слитки мудрости, названные, по евангельскому слову, *глаголами вѣчной жизни*. Вспомнимъ, что къ латинской азбукѣ, которой донинѣ пользуется вся Европа, только прибавляли новыя буквы, не отнимая понапрасну ничего. Вспомнимъ, что возродившійся изъ пепла ивритъ по своему древнему обычаю вовсе обходится на письмѣ однѣми только согласными — и тысячи тысячъ учатъ этотъ языкъ, невзирая на трудности. Вспомнимъ, что народъ островного Китая до нашихъ дней хранитъ еще древнѣйшій образъ своего письма и при этомъ терпитъ ничуть не больше неудобствъ, чѣмъ тѣ китайцы, что живутъ подъ игомъ большевиковъ на материкѣ и пишутъ по указкѣ властей „упрощенными“ письменами.

Вѣдь цѣлые вѣка необходимы для того, чтобы возникли смысловыя связи между словомъ, его написаніемъ и значеніемъ. Разрушить же эту преемственность можно и однимъ варварскимъ декретомъ⁸.

О *вѣщемъ* и *вещяхъ* (въ связи съ ятемъ) я уже писалъ. Слово „вѣщій“ тысячу лѣтъ писалось черезъ ять. Для всякаго грамотнаго была видна связь этого слова съ писавшимися также черезъ ять словами „вѣдать“, „вѣсть“, „совѣсть“ и т.д. Для всякаго грамотнаго было видно отличіе этого слова отъ слова „вещь“, которое писалось и тогда черезъ „е“. По большевицкому же скудословію разницы нѣтъ. И вѣчная *вѣщяя вѣсть* стала *вещью*. А мы потомъ, десятилѣтія спустя, глубокомысленно замѣчаемъ, что языкъ, его уровень, — не только выражаетъ мысль. Онъ и *опредѣляетъ* мысль. И ужъ какъ говоримъ — такъ и думаемъ, такъ и поступаемъ. Такъ и живемъ.

А говоримъ мы дурно и убого. Въ короткомъ письмѣ трудно рассказать обо всѣхъ болѣзняхъ современнаго русскаго языка. Поэтому ограничусь тѣмъ, что пока просто назову главнѣйшія изъ нихъ: I. Англицизмы. II. Большевицкое наслѣдство. III. Уголовное вліяніе. IV. Оподленіе.

Въ слѣдующихъ письмахъ я подробно расскажу о каждомъ изъ перечисленныхъ выше языковыхъ пороковъ.

Письмо Второе. „Токъ Писинь.“

Плоды просвѣщенія неравномѣрно распространяются по лицу земли. Многіе острова Океаніи, напримѣръ, населены первобытными племенами, которыя по сей день хотятъ и могутъ взять у природы не больше того, что поддерживаетъ ихъ скудное, донельзя простое житье. Ихъ самобытныя нарѣчія не были готовы къ вторженію неисчислимыхъ новшествъ нашего вѣка: вѣдь эти языки сложились задолго до появленія просвѣщенныхъ завоевателей. И вотъ, потому ли, что разноплеменные обитатели молодыхъ странъ должны были какъ-то общаться другъ съ другомъ, или потому, что нужно было найти слова для безсчетныхъ новыхъ понятій, изъ недалеко-простецкаго, только-дѣловаго говора англійскихъ купцовъ съ прибавленіемъ немногихъ туземныхъ реченій сложился „Токъ Писинь“ (названіе берется изъ англійскаго „Talk Business“) — языкъ крайней малости, пригодный ровно настолько, чтобъ кое-какъ другъ друга уразумѣть. Для тѣхъ моихъ читателей, кто говоритъ по-англійски, приведу нѣсколько примѣровъ. Слѣва — англійскій, справа — „Токъ Писинь“:

⁸ Напомню, что послѣ того, какъ подъ давленіемъ предводителей законно избранной Государственной Думы Николай II отрекся отъ престола въ пользу своего брата Михаила, послѣдній оставилъ вопросъ о своемъ возможномъ царствованіи на усмотрѣніе Учредительнаго Собранія. Когда же въ январѣ 1918 года законно избранное Учредительное Собраніе было разогнано большевиками, всякая преемственность власти въ Россіи прекратилась. Слѣдовательно, изданный т. н. „Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ“ *декретъ* о новомъ правописаніи не имѣетъ никакой законной силы.

approximately — samting
agree — yesa
also — tu
foreleg (of pig) — han (bilong pik)
post office — pos opis
report — givim stori
say (your) name — kolim nem (bilong yu)

Ну, думаю, довольно. Конечно, может быть, будет еще богатая словесность на „Токъ Писинь“, будутъ свои захватывающія повѣсти, свои красивыя пѣсни, свои замѣчательныя научныя работы, которыя восхищенные сосѣди станутъ наперегонки переводить на свои языки...

Только улитка ѣдетъ — когда-то будетъ. Пока „Токъ Писинь“ до этого разовьется, еще немало лѣтъ пройдетъ!

А я тѣмъ временемъ наудачу прошелся по нѣсколькимъ хорошо извѣстнымъ сѣтевымъ страницамъ. Предупреждаю дорогихъ читателей, что потратилъ я на это занятіе неполныхъ два вечера. Посему буду радъ, если болѣе зоркіе расширятъ мое собраніе:

<i>хэппенинг,</i>	<i>рейтинг,</i>	<i>дистрибьютор,</i>
<i>истеблишмент,</i>	<i>хит,</i>	<i>плеер,</i>
<i>спонсор,</i>	<i>пирсинг,</i>	<i>киллер,</i>
<i>перформанс,</i>	<i>лизинг,</i>	<i>триллер,</i>
<i>дилер,</i>	<i>хостинг,</i>	<i>лузер,</i>
<i>офис,</i>	<i>холдинг,</i>	<i>мэйнстрим,</i>
<i>ноутбук,</i>	<i>вэб-дизайн,</i>	<i>брендинг,</i>
<i>чат,</i>	<i>веб-мастер,</i>	<i>фидбэк ,</i>
<i>саммит,</i>	<i>пейджинг,</i>	<i>спеллчекер,</i>
<i>медиа,</i>	<i>софт,</i>	<i>офшор,</i>
<i>блокбастер,</i>	<i>фейслифтинг,</i>	<i>байкер,</i>
<i>провайдер,</i>	<i>мануал,</i>	<i>тинейджер,</i>
<i>домен,</i>	<i>маркетинговый</i>	<i>шоумэн,</i>
<i>экин,</i>	<i>консалтинг,</i>	<i>листинг,</i>
<i>пиар,</i>	<i>аудит,</i>	<i>логин,</i>
<i>пресс-релиз,</i>	<i>онлайн,</i>	<i>хэпти-энд,</i>
<i>прайс-лист,</i>	<i>менеджмент,</i>	<i>онлайновый</i>
<i>сайт,</i>	<i>тренинг,</i>	<i>брокер,</i>
<i>бартер,</i>	<i>лэйбл,</i>	<i>топ,</i>
<i>баннер,</i>	<i>тюнинг,</i>	<i>джойстик,</i>
<i>сканнер,</i>	<i>ассесмент,</i>	<i>грант,</i>
<i>тендер,</i>	<i>реинжиниринг,</i>	<i>дистрибуция,</i>
<i>копир,</i>	<i>компоузинг,</i>	<i>сервер,</i>
<i>сиквел,</i>	<i>продакшн,</i>	<i>кросс-постинг,</i>
<i>драйв,</i>	<i>скрипт,</i>	<i>тренинг-центр,</i>
<i>драйвер,</i>	<i>рендеринг,</i>	<i>крякер,</i>
<i>клипмейкер,</i>	<i>авторизованный</i>	<i>секьюрити...</i>

Добро пожаловать въ русскую сѣть 2001 года. Живя вдали отъ Россіи, я сперва подумалъ, что вышеперечисленное есть всего лишь уродство сѣтевой жизни: но нѣтъ! Поговорилъ съ живущими на родинѣ, почиталъ тамошнія повременныя изданія, ихъ торговыя объявленія, и понялъ: числомъ такія слова уже пошли на сотни, хоть считай, хоть не считай. А

вѣдь хоть и говорится, что русскій языкъ — богатъ, но повседневно употребляемыхъ словъ его не такъ ужъ много. Такъ что сотни заимствованій — величина ощутимая.

Еще и вымолвить не успѣлъ, а уже слышу возраженія: не впервой, дескать, русской рѣчи справляться съ такимъ наплывомъ заморскихъ гостей. Дворъ и дворянство едва-ли не два вѣка напролетъ говорили по-французски, до того Петръ Великій голландскихъ, нѣмецкихъ словъ понавезъ, а еще прежде татары были, отъ нихъ многого набрались, а языкъ все же остался. Послѣ скажутъ, что многія новыя слова рассчитаны не на всѣхъ, а единственно на извѣстныя ремесла. Пройдетъ время, и работники разныхъ областей знанія, разныхъ родовъ занятій, разнесутъ эти новословія по тихимъ заводамъ своего узкаго труда, а стрѣжень языка, его стрѣмнина останется незамутненною. Чего страшиться? Живое тѣло языка и на этотъ разъ само отвергнетъ все излишнее, воспріявъ немного подлинно нужное...

И вѣрно: обрусѣла татарская *алашатъ* и стала русской *лошадью* (рядомъ со славянскимъ *конемъ*), обрусѣлъ нѣмецкій *бутербродъ* и французскій *парашютъ*, а *штейгеры* съ *маркшейдерами* стали удѣломъ однихъ лишь рудокоповъ.

Все вѣрно. Только объ одномъ, друзья, не забудьте. Въ теченіе всего нашего долгаго прошлаго люди грамотные и власть придержащая то и дѣло поддавались внѣшнимъ повѣтріямъ. Всѣ средніе вѣка, затянувшіеся у насъ до семнадцатаго столѣтія, писали, и впрямь подражая мертвому древнеболгарскому, утешались его исконностью, черпали въ ней доказательства нашей преемственности едва-ли не отъ Царьграда. Послѣ и вправду по-французски говорили прежде, чемъ по-русски, дабы не отстать отъ прочихъ народовъ въ просвѣщеніи. Но все это время, по свидетельству В. И. Даля, рядомъ съ самоизбраннымъ инословіемъ образованныхъ круговъ, жилъ и дышалъ исполинскій несущій слой народной рѣчи. Даль трудился надъ своимъ словаремъ — цѣликомъ взятымъ у простого народа — въ срединѣ XIX вѣка. Именно тогда просвѣщенные русскіе люди обратились, наконецъ, за вдохновеніемъ къ этому мощному слою: и плодомъ ихъ обращенія стала образцовая русская словесность, почитаемая на всемъ бѣломъ свѣтѣ, не достигшая — замѣтьте! — ни прежде, ни позже такихъ высотъ (спросите-ка у просвѣщенныхъ иностранцевъ, кого изъ великихъ русскихъ писателей они знаютъ и любятъ: бьюсь объ закладъ, что никого не назовутъ изъ жившихъ раньше Пушкина или позже Чехова, а это — сто лѣтъ круглымъ счетомъ, именно *тѣ самыя* сто лѣтъ.)

Чѣмъ же наше время другое? А вотъ чѣмъ. Русская чума двадцатаго вѣка свела несущій слой народной рѣчи — какъ смываетъ почву со склоновъ, какъ вѣтеръ сдуваетъ снѣгъ съ полей и вымораживаетъ озимые посѣвы. Жившій на землѣ народъ, который на девять десятыхъ состоялъ изъ богомольныхъ хлѣбопашцевъ и тѣмъ опредѣлялъ свое мѣсто въ мірѣ, — свели съ земли, сорвали съ вѣковыхъ корней: а города ведутъ совсѣмъ иную рѣчь, для всѣхъ единую и чужую. Къ тому-же, изъ сорванныхъ съ земли одна треть легла въ эту землю, замолчавъ навсегда, а другая треть очутилась либо на чужбинѣ, либо въ горькихъ работахъ сибирскихъ карательныхъ становъ. У послѣдней же трети отняли и землю, и Бога, дали водку и выборъ между воровствомъ и голодною смертью.

Поэтому нашъ народъ онѣмѣлъ. Впервые за тысячелѣтіе Россіи онъ помѣнялся мѣстами съ образованными кругами; тогда какъ языкъ „простого народа“ изсякъ. Просвѣщенные люди еще знаютъ по письменнымъ свидѣтельствамъ прошлаго, какъ должно говорить по-русски. Не на потерявшую свой исконный обликъ народную толщу, а на насъ, только на насъ, на поборниковъ просвѣщенія, теперь одна надежда, что языкъ не пропадетъ.

Какъ же говоримъ мы: грамотные, выпускники высшихъ училищъ, книгочеи, усердные посѣтители всемірной сѣти?

В процессе работы ребята, как всегда, отказались от устаревших сэмплов, постоянно придумывая все новые и новые "фишки".

Хотите каждый день получать свеженький прайс?

Контролинг и директ-костинг – эффективные инструменты управления пивзаводом.

Используйте больше целевой (таргетированной) рекламы!

Приведенный послѣднимъ примѣръ особенно забавенъ. Ясно видны въ этомъ предложении и желаніе быть понятымъ (вѣдь „цѣлевой“ — вполне понятное слово), и неспособность удержаться отъ употребленія ненужнаго, но звучнаго словца.

Довольно-таки драйвовая танцевальная композиция.

На сѣтевой страницѣ, посвященной исключительно радѣнію о чистотѣ родной рѣчи, читаемъ:

...мониторинг культуры речи...

...учитывая разницу национальных концептов...

...проблема дисфункционального использования актуализированных единиц языка...

Изъ газетъ:

После массовых беспорядков, инициированных антиглобалистами во время саммитов в Сиэтле, Давосе и Гетеборге, Рим, полиция Италии серьезно озаботилась вопросами обеспечения безопасности...

Для достижения целей внешней политики США используют коэрцитивную дипломатию — дипломатию принуждения...

Харассмент — еще одна причина женской безработицы.

Изъ описанія денежныхъ услугъ:

Реструктуризация задолженности...

На страницѣ издательства:

Задача русской серии просматривается довольно отчетливо: представить максимально широко новый мейнстрим русской прозы...

У вас проанонсирован роман...

Просто случайные примѣры:

Рады представить Вашему вниманию союшены, патчи и коды...

Сайт официального дилера концерна Volkswagen в Поволжском регионе...

(Чудо что за предложеніе: изъ восьми словъ — два русскихъ!)

Эта форма дает вам возможность выразить Вашу любовь и признание популярным ведущим и ди- и виджеям...

Деятельность компании для операторов пейджинга...

Драйв убивает психологию, экин — драму, а киллер стреляет в триллер и выходит из этой схватки победителем...

Что же такое Акустический Андерграунд? ...

И немудрено: для того, чтобы подобно нашему В. И. Далю или подобно Эліезеру Бенъ-Іегудѣ, основателю современнаго иврита, годами трудиться, выискивая въ древнихъ повѣстяхъ слова, подходящія для новаго времени, приписывать старымъ словамъ новыя значенія, заимствовать изъ родственныхъ языковъ по-родному звучащія основы — для всего этого нужны усилія, нужно творческое напряженіе, нужно оставаться равнодушнымъ къ

народному наслѣдію, такому же важному, какъ полезныя ископаемыя, какъ природа и какъ самый воздухъ Родины.

А для того, чтобы, „запутавшись при переводѣ изъ-за собственнаго невѣжества, записать кириллицею дюжину наполовину-понятыхъ англійскихъ словъ, приклепнуть на нихъ, въ лучшемъ случаѣ, русское окончаніе, да и пустить ихъ гулять въ міръ“ — для этого ничего не нужно: ни подлиннаго образованія, ни любви къ родному слову.

Правда, хорошо молодымъ, дѣтямъ: англійскаго имъ скоро вовсе учить не нужно будетъ. Все и такъ станетъ понятно. Ихъ доллары — точно какъ наши „баксы“.

Только Пушкина придется тоже, какъ американцамъ, — въ переводѣ читать...

Третье письмо о языкѣ. Трупный ядъ⁹.

Десять лѣтъ назадъ отъ естественныхъ причинъ скончался большевицкій строй. Не было народнаго возстанія противъ него, потому что некому было возставать. Недовольные проводили свой вѣкъ въ ссылкахъ, уѣзжали, спивались, жили двойной жизнью. Рано умирали. Странѣ не навязали перевоспитанія извнѣ, а сама она перевоспитаться не смогла. Не было, какъ въ Германіи, гласнаго суда надъ преступной властью. Государство торжественно объявило на весь міръ о своей правовой преемственности съ предыдущимъ людоѣдскимъ строемъ. Легко и удобно дожили до глубокой старости и мирно умерли главные палачи. Скоро уйдутъ и свидѣтели, и чудомъ выжившія жертвы преступленій. Третъ народа легла въ землю и стала землей, остальные забыли объ этомъ и продолжаютъ жить какъ ни въ чемъ не бывало. По просторамъ отъ Бизерты въ Тунисѣ до Дальняго въ Манчжуріи догниваютъ на забытыхъ могилахъ покосившіеся осьмиконечные кресты, а непаханная земля вокругъ тысячь опустѣвшихъ деревень тучнѣетъ отъ распавшихся останковъ миллионовъ жертвъ. Событія 50-80 лѣтней давности уже кажутся многимъ глубокой древностью, не имѣющей отношенія къ повседневной, всегда непростой, всегда болѣе важной жизни. И страна живетъ, какъ на исполинскомъ погостѣ, словно нѣмецкій городокъ Аушвиць въ Верхней Силезіи: послѣ многихъ трудныхъ лѣтъ снова есть въ лавкахъ снѣдь и выпивка: и до пепла ли, что сыплется на головы жителей съ неба, словно сухой сѣрый дождь?..

Рѣчь всѣхъ насъ, случайно оставшихся въ живыхъ, покрыта трупными пятнами: но большинство изъ насъ этого не замѣчаетъ. Лихіе борзописцы изъ поврежденныхъ изданій, члены Государственной Думы, чиновники и частныя лица продолжаютъ бездумно, безразлично талдычить убогія полусловія совѣтскихъ временъ, бессмысленныя, *не помняція родства* обрывки большевицкихъ лжей.

Финал весенней сессии в Госдуме проходит ударно...

Слово „ударный“ навѣрняка беретъ свое начало изъ временъ первой міровой войны, когда исходъ безконечныхъ окопныхъ противостояній иногда рѣшался дѣйствіями ударныхъ отрядовъ (англ. „shock troop“, нѣм. „Stosstrupp“). Но вотъ *ударный*, то есть самоубійственно напряженный и бесплатный *трудъ* — это уже всецѣло изобрѣтеніе большевизма.

Соответствующие органы...

Въ подлинной Россіи были государственныя *учрежденія*: выборныя, назначаемыя, словныя или внесловныя. *Органовъ* въ Россіи не было. Ихъ изобрѣли большевики, а съ ними — и это мерзкое, непристойное слово. Каждая газета въ С. С. С. Р. была чѣмъ-нибудь „органомъ“ (вѣроятно, вранья), но и по сей день полицію, государственную охрану, тамо-

⁹ Викторъ Клемпереръ, словесникъ изъ Вѣны, еврей, чудомъ пережившій нацистское господство, написалъ книгу подъ названіемъ «*Lingua Tertii Imperii*», т.е. «Языкъ Третьяго Рейха», въ которой подробно рассказалъ объ особенностяхъ казенной рѣчи этого разбойнаго строя. Ему подобаетъ благодарность за появленіе замысла этой статьи.

женное вѣдомство, развѣдку и многое другое называютъ такъ же. Непредвзятый наблюдатель представляетъ себѣ дряхлое, дряблѣе, но попрежнему разбойно-воинственное „государство“, потрясающее передъ зеркаломъ своими многочисленными, несоразмѣрно раздутыми „соотвѣтствующими органами“.

Продукция, продукты, продукты питания...

„Продукція“ — слово латинское и во всей Европѣ — одинаковое. Во всемъ просвѣщенномъ мѣрѣ слово это означаетъ „производство“, а, слѣдовательно, русскому языку оно вовсе не нужно: вѣдь слово „производство“ ничѣмъ не хуже. Но, истребивъ или изгнавъ за границу подлинную русскую интеллигенцію, грамотей-большевики стали передѣлывать русскій языкъ наново — конечно, въ мѣру своихъ способностей. Слово „продукція“ стало означать совокупность „продуктовъ“, т.е. издѣлій. Замѣтимъ, что и латинское слово „продукты“ намъ ни къ чему, потому-что прежде цѣлыя столѣтія напролетъ говорили „изделия“ и никакой нужды оттого не терпели. Но и на этомъ дѣло не кончилось. „Продуктами“ стали называть по преимуществу не всякія издѣлія (ихъ при большевикахъ и такъ становилось все меньше), а только снѣдь, ѣду, съѣстные припасы. Отсюда взялось бессмысленное словосочетаніе „продуктовый магазинъ“, то-есть, говоря по-русски, „складъ издѣлій“. Да, точенъ сталъ нашъ языкъ, ничего не скажешь...

Только бѣда въ томъ, что въ латыни и во всѣхъ прочихъ языкахъ, кромѣ совѣтскаго, продуктъ означаетъ *результатъ*. Вотъ и припоминается, какъ возмущался мой старій учитель краснорѣчія, говоря: „Что такое *продукты дѣтскаго питанія*?! Это что, результаты дѣтскаго питанія?!“ А нашимъ краснымъ мамаямъ и невдомекъ...

В целях...

Трескучія словеса большевиковъ съ успѣхомъ замѣняли имъ дѣйствительность. Одолѣвая здравый смыслъ и человѣческое естество, они всерьезъ полагали, что отъ безконечнаго повторенія слова „сахаръ“ во рту у народа станетъ сладко. При всей своей безграмотности новые крѣпостники упивались своими заклинаніями, дурели отъ нихъ. И въ наслѣдство избитому и ограбленному народу оставили чудовищное порожденіе „агитпропа“: тошнотворно казенный, суконный, безчеловѣчный полуязыкъ. Большевикъ органически не могъ начать свой манифестъ словами: „чтобы народу лучше жилось“. Въмѣсто этого примѣнялась номинальная конструкція съ тройнымъ родительнымъ падежомъ: „Въ цѣляхъ дальнѣйшаго повышенія (1) благосостоянія (2) совѣтскаго народа (3)...“ И въ наши дни русская образованщина говоритъ и пишетъ такъ же, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь *агитпропа* нѣтъ, поэтому даже и сами по себѣ убогіе большевицкіе штампы употребляются неправильно.

Замполпреда...

Торопливая небрежность есть отличительное свойство невѣжества. Краснымъ самозванцамъ въ ихъ суетливой вознѣ вокругъ украденной кормушки было всегда некогда: некогда думать, некогда творить, некогда заботиться о родномъ языкѣ. Поэтому въ теченіе всего нашего смутнаго времени на оторопѣвшихъ обывателей низвергался потокъ *райтищеторгов*, *облпотребсоюзов* и *осоавиахимов*. Нашъ языкъ, сильный своимъ словообразованіемъ (морфологіей), обладающій богатѣйшимъ наборомъ суффиксовъ и окончаній, гибкій и живучій вслѣдствіе этой гибкости, вдругъ точно завшивѣлъ отъ мелкихъ, куцыхъ, рубленыхъ полусловій: всѣхъ этихъ *мопров*, *промов*, *-помов* и *-комов*. Кишащая ими рѣчь стала не по-русски отрывистой, лающей. Внутреннее строеніе языка при неумѣренномъ употребленіи сокращеній затемняется, происхожденіе словъ становится менѣе очевиднымъ, это незнаніе своихъ корней приводитъ къ большому числу ошибокъ и еще большей безграмотности. (Кстати: даже лишенный напрочь всякой морфологіи англійскій языкъ, которому мы теперь такъ рабски

подражаемъ, цѣнить и любить длинныя, многосложныя слова, находя ихъ и болѣе выразительными, и болѣе приличествующими рѣчи образованныхъ людей.)

Но и конецъ большевизма не принесъ избавленія отъ этого недуга. Новый верховный чиновникъ новобольшевицкой Р. Ф. учредилъ чинъ своихъ полномочныхъ представителей въ различныхъ частяхъ государственной области или, говоря по-большевицки, *на мѣстахъ*. Назвали этихъ сановниковъ тоже по-красному: *полпредами*. Такое названіе свойственно языку нашего времени, въ которомъ необъяснимо сосуществуютъ воскрешенныя добрыя русскія слова вродѣ такихъ, какъ „дума“, „приставъ“, „волость“, и коммунистическіе монстры наподобіе *центризбиркома*, *минобороны* и *зарплаты*.

Жить стало лучше, жить стало веселей...

Студеная жуть пронзила-бы автора этихъ строкъ, если-бы, путешествуя по Германіи, онъ бы услышалъ отъ нѣмцевъ бодрыя слова о *народномъ сообществѣ*, о *товарищахъ по партіи*, о *праздникѣ урожая* и *зимней помощи*, о *доказательствѣ происхожденія* или о *видовой чужеродности*. На весь міръ загрели бы гнѣвныя слова общественности и печати, взвѣйся сей-часъ надъ нѣмецкимъ городомъ алыі флагъ съ крюковатымъ крестомъ или зазвени пѣсня Хорста Весселя...

А русское воинство шагаетъ въ новое тысячелѣтіе подъ алымъ флагомъ, русское государство требуетъ отъ своихъ подданныхъ стоя пѣть большевицкій гимнъ. Надъ кремлевскими соборами, какъ и во время великаго избіенія народа, кощунственно свѣтятъ въ ночи кровавыя сатанинскія пентаграммы, а мумія „верховнаго людоѣда“ донинѣ безчеститъ Красную Площадь.

И слова самыхъ страшныхъ злодѣевъ послѣднихъ нѣсколькихъ столѣтій съ радостью повторяютъ и старъ и младъ. Бранятъ другъ друга за поступки, совершенныя *съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія*. Напоминаютъ на собраніяхъ, что *кадры рѣшаютъ все*, радуются тому, что *жить стало лучше, жить стало веселѣй*, расхваливаютъ свои издѣлія, какъ лучшія среди *всѣхъ временъ и народовъ*, доброжелательно отзываются о полезныхъ нововведеніяхъ какъ о *починѣ*....

...Не думая о томъ, что нѣтъ въ Россіи ни одной семьи, изъ которой большевики бы не вырвали и не убили многихъ родныхъ.

Семью славяне называютъ „родиной“, а родину — „властью“. Какая власть — такая и родина!..

Письмо четвертое. „Примѣнительно къ подлости“¹⁰.

Въ этомъ письмѣ мы на короткое время отвлечемся отъ вопросовъ языка какъ такового и немного поговоримъ объ одной особенности общественной мысли, которая налагаетъ свой отпечатокъ на свойства современной культуры и языка. Этотъ объѣздъ — недалній, и обходная тропка скоро выведетъ насъ назадъ къ исходному предмету нашей бесѣды.

Одно изъ самыхъ пагубныхъ заблужденій, постигшихъ просвѣщенныхъ людей въ новое время, есть странное и лживое представленіе о всеобщемъ равенствѣ. Отъ рожденія и до смерти всѣ, безъ исключенія, личности — неповторимо своеобразны, и, къ счастью, нѣкоторыя изъ нихъ — куда лучше: умнѣе, честнѣе, сложнѣе, одареннѣе, чѣмъ другія. Признаніе этого требуетъ мужества, твердить же о любомъ равенствѣ (кромѣ равенства передъ Богомъ и передъ закономъ) значитъ бѣжать самой простой правды жизни.

Въ старину эти различія между людьми понимали по меньшей мѣрѣ такъ же хорошо, какъ и теперь, и крайнѣ неуклюже, предѣльно грубо упрощая, стрѣмились закрѣпить ихъ въ видѣ сословій. Въ Россіи сословныя перегородки просуществовали вплоть до самой бѣды 1917 года.

¹⁰ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, 1885 г.

Изъ тѣхъ-то лѣтъ — лѣтъ условнаго, внѣшняго раздѣленія людей на сословія — и беретъ свое начало понятіе о подлости. Слово *подлый* сперва обозначало просто „общій“, какъ и англійское „mean“, и нѣмецкое „gemein“, и описывало оно всего-навсего свойства людей безродныхъ, низкихъ сословій. Петръ Великій, дѣлая рисунки новыхъ каменныхъ домовъ въ Петербургѣ, подписалъ одинъ изъ нихъ: „для подлыхъ“. Подлость была противоположностью благородства, но оба слова соотвѣтствовали общественнымъ, а не нравственнымъ представленіямъ. Уже позднѣе людское воспріятіе, а вслѣдъ за нимъ — и словоупотребленіе, произвели переносъ значенія съ низости происхожденія на нравственную низость. Подобные сдвиги значенія словъ случаются сплошь и рядомъ: слово „poor“ въ англійскомъ означаетъ какъ „бѣдный“, такъ и „дурной“, а въ нѣмецкомъ слово „faul“ можно перевести и какъ „лѣнивый“, и какъ „гнилой“.

Въ двадцатомъ вѣкѣ произошли общественныя перемѣны, уничтожившія сословія. Равенство, которое новыя власти Россіи сочли лучшимъ и завиднѣйшимъ состояніемъ человечества, не подлежало открытому сомнѣнію. И гдѣ-то въ пути утерялась та до глупаго простая мысль, что это равенство достижимо лишь для очень низкаго уровня человеческой личности. Низведеніе требованій и ожиданій къ „наибольшему общему знаменателю“ было одно способно привести къ возможно полному равенству. Вѣдь всеобщее просвѣщеніе — едва ли осуществимо, его можно съ перемѣннымъ успѣхомъ добиваться столѣтіями. Но широко разлившееся невѣжество, грубость и „подлость“ — въ первичномъ значеніи этого слова — есть нѣчто совсѣмъ близкое, достижимое вскорости и съ легкостью.

Именно это и грозитъ намъ въ послѣдніе годы. Правда, не намъ однимъ. Многія западныя общества тоже идутъ къ небывалому торжеству невѣжества: вслѣдствіе того, на примѣръ, въ такъ называемой промышленности развлеченій наибольшія прибыли извлекаются изъ удовлетворенія предѣльно простыхъ, общихъ потребностей возможно большаго числа потребителей. Наибольшій рыночный успѣхъ обеспеченъ искусству того уровня, при которомъ оно обращается къ возможно большому множеству людей и безоговорочно, сразу же нравится всѣмъ. Въ условіяхъ, когда искусство въ цѣломъ поставлено передъ необходимостью оплачивать свое мѣсто подъ солнцемъ, жизнеспособное искусство вынуждено становиться „популярнымъ“, „публичнымъ“, то-есть *подлымъ* по нашему опредѣленію. Это, въ свою очередь, ведетъ къ страшному обмеленію главнаго, лучше другихъ извѣстнаго русла культуры, частнымъ случаемъ чего является языкъ, а еще точнѣе — словоупотребленіе, притомъ какъ повседневное, такъ и художественно-творческое.

Въ Россіи во многомъ отличныя причины приводятъ, однако, къ похожимъ слѣдствіямъ. Начиная съ нѣкоторыхъ (печальной памяти) временъ, утонченность и сложность стали подозрительными. Бранною кличкой въ извѣстныхъ и все болѣе широкихъ кругахъ стало слово „интеллигентъ“. Съ тѣхъ самыхъ поръ и по сей день у насъ въ ходу та грубо-залихватская, панибратская простота, которая, по моему глубокому убѣжденію, куда какъ хуже воровства. При большевизмѣ не было-бы счастья, да несчастье помогло: хотя-бы словесность до поры уберегалась отъ этой мертвящей мысли простоты, благодаря охранительному ханжеству властей. А въ послѣднія десятилѣтія ничемъ болѣе не сдерживаемое словесное хамство упоенно торжествуетъ, захватывая волны вѣщанія, страницы книгъ, печати и сѣти.

Причины этого явленія многообразны. Ихъ можно искать и въ почти столѣтнемъ „нестественномъ отборѣ“, плодомъ котораго стало послѣдовательное уничтоженіе или изгнаніе изъ страны подлинно просвѣщенныхъ людей, и въ томъ небываломъ прежде обстоятельстве, что почти всякій порядочный и интеллигентный человекъ въ С. С. С. Р. былъ вынужденъ подолгу томиться за рѣшетками тюремъ или за проволокой каторжныхъ становъ. Но очевидно одно. Пока образовательный уровень народа падаетъ изъ года въ годъ, пока *популярная культура* становится оксюморономъ, т. е. противорѣчіемъ въ опредѣленіи, люди пера, подвизающіеся на поприщѣ словесности, все чаще рабски слѣдуютъ убогимъ вкусамъ „подлыхъ“ людей, новой черни — вмѣсто того, чтобы стрѣмиться поднимать ея уровень до своего и выше.

Справедливо будетъ сказать, что вторженіе вкусовъ нижайшей черни въ общенародную культуру началось не вчера. Вотъ что пишетъ И. А. Бунинъ въ одной изъ своихъ статей 20-хъ годовъ:

«Второе тысячелѣтіе идетъ нашей культурѣ. Былъ у насъ Кіевъ, Новгородъ, Псковъ, Москва, Петербургъ, было изумительное зодчество и иконописное искусство, было *Слово о полку Игоревѣ*, былъ Петръ Первый и Александръ Второй, мы на весь свѣтъ прославились нашею музыкой; литературой, въ которой былъ Ломоносовъ, Державинъ, Кольцовъ, Пушкинъ, Толстой... Но нѣтъ, намъ все мало, все не то, не то! Намъ все еще подавай „самородковъ“, вшивыхъ русыхъ кудрей и дикарскихъ рыданій отъ нѣжности. Это ли не сумасшествіе, это ли не послѣднее непотребство по отношенію къ самому себѣ?..»

И далѣе, тамъ-же:

«Одинъ писатель какъ-то жаловался Чехову: „Антонъ Павловичъ, что мнѣ дѣлать? Меня рефлексія заѣла!“ Чеховъ сумрачно отвѣтилъ ему: „А вы поменьше водки пейте...“ „Рефлексія“, тоска, „надрывы“, гражданская скорбь... Помню, мы не разъ бесѣдовали объ этомъ съ Чеховымъ, и онъ упорно твердилъ: „Какъ врачъ вамъ говорю: это все отъ некультурности. Державинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Тютчевъ, Майковъ и всѣ прочіе, подобные имъ, не пьянствовали и не надрывались. А вотъ какъ пошли разночинцы, всѣ эти Левитовы, Нефѣдовы, Омуревскіе, такъ и пошла писать губернія...“»

Но конецъ двадцатаго вѣка показалъ намъ еще нагляднѣйшіе примѣры расширенія предѣловъ — и вмѣстѣ, и поэтому — обмеленія того, что считается въ глазахъ многихъ образцами творческаго самовыраженія. Однимъ изъ такихъ примѣромъ можетъ служить повсѣмѣстное и *беззастѣнчивое употребленіе брани*.

Философы, социологи или психологи куда лучше, чѣмъ авторъ этихъ скромныхъ строкъ, были-бы въ состояніи рассказать о причинахъ зараженія русской рѣчи омерзительными исчадіями черной площадной брани. Будучи словесникомъ, я считаю себя вправе сказать вкратцѣ только о слѣдующемъ:

Во-первыхъ, не слѣдуетъ думать, что русская брань можетъ считаться чѣмъ-то неповторимымъ. Пожалуй, правы тѣ, кто говоритъ, что русскій языкъ въ силу своего морфологическаго богатства, способенъ создавать необычно многочисленныя производныя отъ небольшого числа бранныхъ основъ. Но на это способны и нѣкоторые романскіе языки. Соответствія же самимъ браннымъ корнямъ существуютъ во многихъ языкахъ. Тамъ ихъ, видимо, не больше и не меньше, чѣмъ у насъ. Правда и то, что употребленіе этихъ словъ въ иныхъ, въ отличіе отъ русскаго — естественно развивавшихся обществахъ, въ цѣломъ бываетъ ограничено ихъ нижайшими, самыми невѣжественными и безсильными слоями. (Свидѣтельствую объ этомъ на примѣрахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ мнѣ культуръ: германской, англо-саксонской и латиноамериканской.)

Во-вторыхъ и въ-главныхъ, слѣдуетъ задуматься о лексическомъ значеніи т. н. „матерныхъ“ корней. Всѣ они, безъ исключенія, по-своему описываютъ предметы и дѣйствія, относящіяся до таинства зарожденія жизни. Главное ругательное пожеланіе русскаго языка, семантически восходящее къ первобытно-языческой, анимистической попыткѣ торжества надъ врагомъ, состоитъ въ кощунственномъ упоминаніи его матери. (*A propos*: косвеннымъ доказательствомъ формальнаго, равно какъ и смыслового убожества русскаго мата, его *testimonium paupertatis*, является то обстоятельство, что единственный матерный глаголь употребляется сей-часъ грамматически совершенно неправильно, въ полномъ небреженіи даже правилами употребленія этого самого по себѣ тошнотворно-мерзкаго чернословія.) Именно съ этимъ ругательствомъ — вообще основнымъ въ русской бранной рѣчи — еще въ послѣднюю подлинно-историческую эпоху жизни русскаго народа — чаще всего и легче всего соединялось богохульство, кощунственное поминаніе Спасителя и Богородицы. Здѣсь, кстати, сразу же становится очевиднымъ главное, ничемъ не излѣчимое безсиліе „мата“: его прирожденная неспособность выразить чувства вѣры и любви.

Нарастающее обезсиліе вообще показательно для судьбы мата въ русской рѣчи. Изъ почти торжественнаго проклятія онъ сперва превратился въ грубое указаніе на болѣе низкое,

чѣмъ у говорящаго, общественное положеніе оппонента (вспомнимъ мѣстничество у бояръ.) Отъ этого мать спустился еще ниже, ставъ своего рода распознавателемъ „своихъ“ въ средѣ нижайшихъ слоевъ общества, его отбросовъ, неучей, смердовъ и воровъ. А ужъ много позже, въ силу извѣстныхъ причинъ, мать выродился до роли заполнителя духовныхъ и рѣчевыхъ прорѣхъ, а въ самыхъ крайнихъ и ужасающихъ своихъ проявленьяхъ — до роли *quasi*-языка, неполноцѣннаго суррогата *всякой* рѣчи и *всякой* человѣческой мысли. И не диво, что, по мнѣнію многихъ, матерная брань *въ силахъ замѣнить* собою всякое излитое словомъ движеніе души. Дѣло просто въ томъ, что и душа, и ея движенія принимаютъ тогда соотвѣтствующій слову внутренней образъ. Вѣдь не только мы говоримъ языкомъ: нашъ языкъ тоже говоритъ нами. Онъ, языкъ, неумолчно проговариваетъ насъ, даже ненарокомъ проговаривается о насъ и тѣмъ неустанно лѣпитъ и созидаетъ всѣхъ и каждого изъ насъ.

Но чѣмъ тогда объяснить пристрастіе къ мату у нѣкоторыхъ людей, притязующихъ на то, чтобы считаться просвѣщенными? Врядъ-ли только ухудшеніемъ самага мѣрила просвѣщенности въ современномъ обществѣ. Нѣтъ, главная причина — въ другомъ. Она — въ неутолимомъ стрѣмленіи этихъ людей, порой сложныхъ и умныхъ, къ принадлежности къ большому, надличностному цѣлому. И нѣтъ нужды этимъ людямъ въ томъ, что удѣлъ любезнаго имъ, могучаго, но безликаго целого — нѣмота. *Народъ безмолвствуетъ* — эта безсмертная ремарка заключаетъ въ себѣ великое *present indefinite* бытія черни, которая безмолвствуетъ *всегда*. Для просвѣщеннаго человѣка стрѣмиться уподобиться носителю воинствующаго невѣжества означаетъ желать себѣ смерти, ибо по-настоящему у насъ нѣтъ ничего, кромѣ „слова, которое насъ переживетъ“.

Нужно отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что языкъ, какъ и любое другое человѣческое учрежденіе имѣетъ свои достоинства и недостатки. Однимъ изъ печальнѣйшихъ пороковъ любого, даже самага утонченнаго языка является его стандартность, т. е. обратная сторона общепонятности. Языкъ долженъ быть общедоступнымъ, но именно въ силу своей общедоступности онъ со временемъ неуклонно низводитъ единичныя и неповторимыя изъявленія человѣческой души до уровня избитыхъ общихъ мѣстъ. Любой человѣкъ, хотя-бы отчасти надѣленный языковымъ слухомъ, можетъ привести примѣры того, какъ мертвеютъ отъ частаго употребленія нѣкогда сильныя и выразительныя эпитеты и сравненія. Насколько же болѣе задхлой, изсохшею мертвечиной вѣетъ отъ словъ, которыми невѣжи и невѣжды привыкли изъ года въ годъ, по тысячѣ разъ на день, безмысленно и безстыдно называть все, что угодно!

Горькая правда нашей нынѣшней неласковой жизни состоитъ въ томъ, что стертая до артиклевиднаго безрѣчія, до лексико-семантической пустоты, матерная брань служитъ пропускомъ къ общественному признанію на широчайшемъ (т. е. наинижайшемъ) уровнѣ, сезамомъ, который открываетъ всѣ двери, паролемъ, вызывающимъ снисходительную ухмылку самага суроваго часоваго. Вѣдь каждое матерное слово, не выразивъ собой ни правды, ни новизны, кричитъ только объ одномъ: „И я! И я, говорящій это — такое же ничтожество, какъ и вы, кому я это говорю.“ И каждое матерное слово вновь возвращаетъ насъ сквозь и безъ того не толстый культурный слой къ первобытному маугліевому кличу: „Мы съ тобой — одной крови, ты и я!“

Но, по счастью, со свинимъ рыломъ все равно не такъ легко влѣзть въ калашный рядъ. Матерныя слова выросли изъ ругательствъ, ими онѣ во многомъ остаются и до сихъ поръ. И поэтому какъ-бы широко ни раскрывались для нихъ двери нашего, на глазахъ пошлеющаго быта, этой брани не-подъ силу перешагнуть его узкіе предѣлы. Пошлая злоба скоро забывается.

А для Любви и Правды намъ завѣщана совѣмъ другая рѣчь...

И. А. Ильинъ.

О Русскомъ Правописаніи.

Дивное орудіе создалъ себѣ русскій народъ, — орудіе мысли, орудіе душевнаго и духовнаго выраженія, орудіе устнаго и письменнаго общенія, орудіе литературы, поэзіи и театра, орудіе права и государственности, — нашъ чудесный, могучій и глубокомысленный русскій языкъ. Всякій иноземный языкъ будетъ имъ уловленъ и на немъ выраженъ; а его уловить и выразить не сможетъ ни одинъ. Онъ выразить точно — и легчайшее, и глубочайшее; и обыкновенную вещь, и религиозное пареніе; и безысходное уныніе, и беззавѣтное веселье; и лаконическій чеканъ, и зримую деталь, и неизреченную музыку; и ѣдкій юморъ, и нѣжную лирическую мечту. Вотъ что о немъ писалъ Гоголь:

«Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и право, иное названіе еще драгоценнѣе самой вещи»... И еще: «Самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна... Языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ»... О немъ воскликнулъ однажды Тургеневъ: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!».

А новое поколѣніе его не уберегло... Не только тѣмъ, что наполнило его неслыханно-уродливыми, «глухонѣмыми» (какъ выразился Шмелевъ), бессмысленными словами, слѣпленными изъ обломковъ и обмылковъ революціонной пошлости, но еще особенно тѣмъ, что растерзало, изуродовало и снизило его письменное обличіе. И эту искажающую, смыслъ-убивающую, разрушительную для языка манеру писать — объявило «новымъ» «правописаніемъ». Тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта безграмотная манера нарушаетъ самые основные законы всякаго языка. И это не пустыя жалобы «реакціонера», какъ утверждаютъ иные эмигрантскіе неучи, а сущая правда, подлежащая строгому доказательству.

Всякій языкъ есть явленіе не простое, а сложное; но въ этой сложности все въ языкѣ взаимно связано и обусловлено, все слито воедино, все органически сращено. Такъ и вынашиваетъ его каждый народъ, слѣдуя одной инстинктивной цѣли — вѣрно выразить и вѣрно понять выраженное. И вотъ именно эту цѣль революціонное кривописаніе не только не соблюдаетъ, но грубо и всемѣрно, вызываяще попираетъ.

Языкъ есть прежде всего живой истокъ звуковъ, издаваемыхъ гортанью, ртомъ и носомъ, и слышимыхъ ухомъ. Обозначимъ этотъ звуковой — слуховой составъ языка словомъ «фонема».

Эти звуки въ отличіе отъ звуковъ, издаваемыхъ животными, членораздѣльны: иногда, какъ въ русскомъ, итальянскомъ и французскомъ языкѣ, отчетливы и чеканны, иногда, какъ въ англійскомъ языкѣ неотчетливы, но слитны и расплывчаты. Членораздѣльность эта подчинена особымъ законамъ, которыми вѣдаетъ грамматика: она различаетъ звуки (гласные и согласные), слоги и слова, а въ словахъ корни и ихъ приращенія (префиксы — впереди корня, аффиксы и суффиксы — позади корня); она различаетъ еще роды и числа, склоненія (падежи), и спряженія (у глаголовъ: времена, числа, наклоненія и виды); она различаетъ далѣе части рѣчи (имя существительное, прилагательное, мѣстоименіе, глаголь и т. д.), а по смысловой связи словъ — части предложенія (подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, дополненіе, обстоятельственныя слова и т. д.). Все это вмѣстѣ образуетъ ученіе о формахъ языка и потому можетъ быть обозначено словомъ «морфема».

Само собою разумѣется, что и фонема и морфема служатъ смыслу, который онѣ стараются вѣрно и точно выразить и которымъ онѣ внутренне насыщены. Бессмысленные звуки — не образуютъ языка. Бессмысленные суффиксы, падежи, спряженія, мѣстоименія, глаголы

и предлоги, дополненія — не слагаютъ ни рѣчи, ни литературы. Здѣсь все живетъ для смысла, т. е. ради того, чтобы вѣрно обозначить разумѣемое, точно его выразить и вѣрно понять. Человѣкъ даже стонетъ и вздыхаетъ не зря и не бессмысленно. Но если и стонъ его, и вздохъ его полны выраженія, если они суть знаки его внутренней жизни, то тѣмъ болѣе его членораздѣльная рѣчь, — именующая, разумѣющая, указующая, мыслящая, обобщающая, доказывающая, рассказывающая, восклицающая, чувствующая и воображающая, — полна живого смысла жизненно драгоцѣннаго и отвѣтственнаго. Весь языкъ служитъ этому смыслу, т. е. тому, что онъ хочетъ сказать и сообщить, и что мы назовемъ «семемою». Она есть самое важное въ языкѣ. Ею все опредѣляется. Возьмемъ хотя бы падежи: каждый изъ нихъ имѣетъ иной смыслъ и передаетъ о предметѣ что-то свое особое. Именительный: — предметъ берется самъ по себѣ, внѣ отношеній къ другимъ предметамъ; родительный: — выражаетъ принадлежность одного предмета — другому; дательный: — указываетъ на приближающее дѣйствіе; въ винительномъ падежѣ ставится имя того объекта, на который направлено дѣйствіе; въ творительномъ падежѣ ставится имя орудія; мѣстный или предложный падежъ указываетъ на обстоятельства и на направленіе дѣйствій. И такъ, дѣло идетъ черезъ всю грамматику...

Къ фонемѣ, морфемѣ и семемѣ присоединяется, наконецъ, запись: слова могутъ быть не только фонетически произнесены, но еще и начертаны буквами; тогда произносящій человѣкъ можетъ отсутствовать, а рѣчь его, если только она вѣрно записана, можетъ быть прочтена, фонетически воспроизведена и вѣрно понята цѣлымъ множествомъ людей, владѣющихъ этимъ языкомъ. Именно такъ возникаетъ вопросъ правописанія. Какое же «писаніе» есть вѣрное или правое?

Отвѣчаемъ: то, которое точно передаетъ не только фонему, насыщенную смысломъ, и не только морфему, насыщенную смысломъ, но прежде всего и больше всего самую семему. И скверное, или кривое «писаніе» будетъ то, которое не соблюдаетъ ни фонему, ни морфему, ни семему. А вотъ именно въ этомъ и повинно революціонное кривописаніе: оно устраняетъ цѣлыя буквы, искажаетъ этимъ смыслъ и запутываетъ читателя; оно устраняетъ въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ (множественнаго числа) различія между мужскимъ и женскимъ родомъ и затрудняетъ этимъ вѣрное пониманіе текста; оно обезсмысливаетъ сравнительную степень у прилагательныхъ и тѣмъ вызываетъ сущія недоумѣнія при чтеніи и т. д., и т. д.

Удостоверимся во всемъ этомъ на живыхъ примѣрахъ.

Вообще говоря, одна единственная буква можетъ совсѣмъ измѣнить смыслъ слова. Напримѣръ: «не всякій совершенный (т. е. сдѣланный) поступокъ есть совершенный (т. е. безупречный) поступокъ» Погасите это буквенное различіе, поставьте въ обоихъ случаяхъ «е» или «о» — и вы утратите глубокой нравственный смыслъ этого изреченія. Онъ сказалъ, что будетъ (т. е. придетъ), да вотъ что-то не будитъ» (т. е. не прерываетъ мой сонъ). Такое же значеніе имѣетъ и удареніе: его перемѣщеніе радикально мѣняетъ смыслъ слова: «ты дорога мнѣ большая дорога». И такъ вся ткань языка чрезвычайно впечатлительна и имѣетъ огромное смысловое значеніе.

Это особенно выясняется на омонимахъ, т. е. на словахъ съ одинаковой фонемой, но съ различнымъ смысломъ. Здѣсь спасеніе только одно: необходимо различное (дифференцированное) начертаніе. Это законъ для всѣхъ языковъ. И чѣмъ больше въ языкѣ омонимовъ, тѣмъ важнѣе соблюдать вѣрное писаніе. Такъ, французское слово «вэр» обозначаетъ: «червяка» (ver), «стихъ» (vers), «стекло-стаканъ» (verre), «зеленый» (vert) и предлогъ «на, при, къ, около» (vers). Попробуйте «упростить» это разнописаніе и вы внесете въ языкъ идиотскую путаницу. Словомъ «мэр» французъ обозначаетъ «море» (mer), «мать» (mere) и «городского голову» (maire). Словомъ «фэр» — «дѣлать» (faire), «отдѣлку, мастерство» (faire), «желѣзо» (fer) и «щипчики для стекла» (ferre). Словомъ «вуа» — «голосъ» (voix), «дорогу» (voie), «возъ» (voie), «я вижу» (vois), «смотри» (vois). Словомъ «кор» — «тѣло» (corps), «мозоль» (cor), и «волторну или рогъ» (cor). Отсюда уже видно, что различное начертаніе слова спаса-

еть языкъ отъ безсмыслицы, а при недостаткѣ его безсмыслица оказывается у порога. Подобное мы находимъ и въ нѣмецкомъ языкѣ. Словомъ «мален» нѣмецъ обозначаетъ «писать красками, воображать» (malen) и «молоть» (mahlen). Но тамъ, гдѣ начертаніе не мѣняется, грозитъ недоразумѣніе: «sein» означаетъ «быть» и (чье?) «его»; «sie» означаетъ «вы» и «она» — и недоразумѣнія, могущія возникнуть изъ этого одного смѣщенія, безчисленны. Нѣмецкое слово «Schauer» имѣетъ пять различныхъ значеній при совершенно одинаковомъ начертаніи, оно обозначаетъ—«портовый рабочий», «созерцатель», «страхъ», «внезапный ливень» и «навѣсъ». Это есть настоящій образецъ того, какъ начертаніе и фонема могутъ отставать отъ смысла, а это означаетъ, что языкъ не справляется съ своею задачей.

И вотъ, русскій языкъ при старой орфографіи побѣдоносно справлялся съ своими омонимами, вырабатывая для нихъ различныя начертанія. Но революціонное кривописаніе погубило эту драгоценную языковую работу цѣлыхъ поколѣній: оно сдѣлало все возможное, чтобы напустить въ русскій языкъ какъ можно больше безсмыслицы и недоразумѣній. И русскій народъ не можетъ и не долженъ мириться со вторженіемъ этого варварскаго упрощенія.

Новая «орфографія» отмѣнила букву «і». И вотъ, различіе между «міромъ» (вселенною) и «миромъ» (покоемъ, тишиной, невойной) исчезло; за одно погибла и вжица, и православные люди стали принимать «миро-помазаніе» (что совершенно неосуществимо, ибо ихъ не помазуютъ ни вселенной, ни покоемъ).

Затѣмъ новая орфографія отмѣнила букву «ѣ» и безсмыслица пронеслась по русскому языку и по русской литературѣ опустошающимъ смерчемъ. Неисчислимые омонимы стали въ начертаніи неразличимы; и тотъ, кто разъ это увидитъ и пойметъ, тотъ придетъ въ ужасъ при видѣ этого потока безграмотности, вливающагося въ русскую литературу и въ русскую культуру и никогда не примирится съ революціоннымъ кривописаніемъ (см. «Н. З.» № 167).

Мы различаемъ «самъ» (собственнолично) и «самый» (точно указанный, тождественный). Родительный падежъ отъ «самъ» — «самого», винительный падежъ — «самого». А отъ «самый» — «самаго». «Я видѣлъ его самого, но показалось мнѣ, что я вижу не того же самаго»... (письмо изъ современной Югославіи). Въ кривописаніи это драгоценное различіе гибнетъ: оно знаетъ только одну форму склоненія: «самого»...

Мы склоняемъ: «она», «ея», «ей», «ее», «ею», «о ней». Кривописаніе не желаетъ различать всѣхъ падежей: родит. пад. и винит. пад. пишутся одинаково «ее». «Кто же растопталъ намъ въ саду наши чудесныя клумбы? Это сдѣлала ее коза» (вмѣсто «ея» сосѣдкина коза); безсмыслица. «Я любилъ ее собаку!» Не означаетъ ли это, что женщина была нравомъ своимъ вродѣ собаки, но я ее все-таки не могъ разлюбить; какой трагической романъ!.. Или это можетъ быть означаетъ, что я охотно игралъ съ ея собаченкой?.. Но тогда надо писать «ея», а не «ее»! «Кто ввелъ у насъ это бессмысленное правописаніе? Это сдѣлала ее партія» (вмѣсто «ея», партія революціи). Что значить фраза: «это ее вещи»? Ничего. Безсмыслица. «Надо видѣть разумность “мира” и предстоять “ее” Творцу»... Что это означаетъ? Ничего; весь смыслъ тезиса искаженъ и воцарилась безсмыслица. Разумность міра! Ея Творцу!

Новое кривописаніе не различаетъ мужской родъ и женскій родъ въ окончаніи прилагательныхъ (множеств. числа) и мѣстоименій. Вотъ два образца создаваемой безсмыслицы. Изъ ученаго трактата: «Въ исторіи существовали разные математики, физики, и механики (теоріи? люди?!); нѣкоторые изъ нихъ пользовались большою извѣстностію, но породили много заблужденій»... Читатель такъ до конца и не знаетъ, что же, собственно, имѣется въ виду — разныя науки или разные ученые... — Изъ Дневника А. Ф. Тютчевой: «Я всегда находила мужчинъ гораздо менѣ внушительными и странными, чѣмъ женщинъ: «они» (кто? мужчины или женщины?!)) «болѣе доброжелательны»... Минуты три ломаетъ читатель себѣ голову — кто же менѣ доброжелателенъ и кто болѣе? И недопонявъ, пытается читать дальше. — Мужчины, просящіе на улицахъ милостыню, суть «нищіе»; а женщины? Онѣ не нищія; они тоже нищія.

Это означает: грамматическое и смысловое различие падежей и родовъ остается; а орфографическое выражение этихъ различій угадается. Это равносильно смѣшенію падежей, субъектовъ и объектовъ, мужчинъ и женщинъ... Такъ съются недоразумѣнія, недоумѣнія, бессмыслицы; умножается и сгущается смута въ умахъ. Зачѣмъ? Кому это нужно? Россіи? Нѣтъ, конечно; но для міровой революціи это полезно, нужно и важно.

Однако, обратимся къ обстоятельному и наглядному исчисленію тѣхъ смысловыхъ ранъ, которыя нанесены русской литературѣ «новой орфографіей». Исчерпать всего здѣсь нельзя; но кое-что существенное необходимо привести.

О Нашихъ Орфографическихъ Ранахъ.

Если мы оставимъ въ сторонѣ множество другихъ бессмыслицъ, внесенныхъ такъ называемой «новой орфографіей», а сосредоточимся только на тѣхъ, которыя вдвинуты въ русскую культуру произвольной отмѣной буквы «ѣ», то мы увидимъ слѣдующее. Вотъ типичскіе примѣры этого безобразія.

1. Смысль: общее воздержаніе въ пищѣ истощило наши запасы.
Правописаніе: «всѣ ѣли да ѣли, вотъ все и вышло».
Кривописаніе: «*все ели да ели, вотъ все и вышло*».
Бессмыслица: преобладаніе хвойныхъ деревьевъ привело къ всеобщему уходу.
2. Смысль: мѣловая пыль осталась въ комнатѣ соромъ; пришлось долго подметать.
Правописаніе: «осѣлъ мѣлъ пылью на полу; я долго мелъ просыпанный мѣлъ».
Кривописаніе: «*осель мелъ пылью на полу; я долго мелъ просыпанный мелъ*».
Бессмыслица: мы мели вдвоемъ, сначала осель, потомъ я, а чего ради мы такъ старались — неизвѣстно, источникъ сора не указанъ.
3. Смысль: лѣто было теплое и полеты были пріятные.
Правописаніе: «теплымъ лѣтомъ я наслаждался пріятнымъ полетомъ».
Кривописаніе: «теплымъ *летомъ* я наслаждался пріятнымъ *полетомъ*».
Бессмыслица: когда происходили полеты неизвѣстно, но тепло было пріятно.
4. Смысль телеграммы: я раненъ, рану залѣчиваю, прибуду на аэропланѣ.
Текстъ въ правописаніи: «лѣчу рану лечу».
Въ кривописаніи: «*лечу* рану *лечу*».
Бессмыслица: адресатъ не зналъ, что подумать.
5. Смысль: надо умѣть не только изучать архивы, но и правильно вести ихъ.
Правописаніе: «Курсы по архивовѣдѣнію и архивоведенію».
Кривописаніе: «Курсы по *архивоведенію* и архивоведенію».
Бессмыслица: Куда же это они хотятъ уводить всѣ архивы?
6. Смысль: до звѣзды не полагается ѣсть, а одинъ грѣшный человѣкъ съѣлъ гречневый хлѣбецъ.
Правописаніе: «Одинъ грѣшникъ не удержался и отвѣдалъ грѣшничка».
Кривописаніе: «Одинъ *грешникъ* не удержался и отвѣдалъ грѣшничка».
Бессмыслица: хлѣбецъ хлѣбца отвѣдалъ? или грѣшникъ предался людоедству?
7. Смысль: есть ирраціональные пути, ведущіе къ воспріятію Бога.
Правописаніе: «Богъ познается въ вѣдѣніи и въ невѣдѣніи».
Кривописаніе: «*богъ* познается въ *веденіи* и въ *неведеніи*».
Бессмыслица: языческой богъ (съ малой буквы) то ведетъ, то не ведетъ, и черезъ это познается.
8. Смысль: я не могу указать точно время этого событія, это было когда-то давно.
Правописаніе: «Скажи, когда же это было?». «Отстань, нѣкогда»...
Кривописаніе: «Отстань, *некогда*».
Бессмыслица: у меня нѣтъ досуга, чтобы отвѣтить на твой вопросъ.

9. Смысль: выплакавшись, наверху на лѣстницѣ, онъ уже не плакаль, когда спустился внизъ.
Правописаніе: «онъ слѣзь ко мнѣ уже безъ слезъ».
Кривописаніе: «онъ *слезъ* сюда уже безъ слезъ».
Безсмыслица: слезъ сюда — ничего не значить; слезъ безъ слезъ — непредставимо!
10. Смысль: у насъ имѣется еще продовольствіе...
Правописаніе: «пока у насъ еще есть, что ѣсть»...
Кривописаніе: «пока еще у насъ есть, что *есть*»...
Безсмыслица: мы имѣемъ то, что имѣется въ наличности.
11. Смысль: человекъ съ горя напился, явно предпочитая шампанское.
Правописаніе: «и утѣшеніе нашель я въ этой пѣнѣ упоительной».
Кривописаніе: «и утѣшеніе нашель я въ этой *пенѣ* упоительной».
Безсмыслица: слово «пеня» означаетъ укоръ, штрафъ; какъ утѣшиться упоительнымъ штрафомъ?
12. Смысль: въ революціи хуже всего эта всеобщая ненависть и ограбленіе.
Правописаніе: «если бы не всѣ ненавидѣли, если бы не все отняли, а то всѣ и все».
Кривописаніе: «если бы не *все* ненавидѣли, если бы не все отняли, а то *все* и все».
Безсмыслица: составъ ненавидящихъ субъектовъ подмѣненъ составомъ ненавидимыхъ объектовъ; послѣднія слова «все и все» — просто бессмысленны.

Однако, всего не исчислишь. Пусть читатель самъ доберется до смысла въ слѣдующихъ реченіяхъ: «чѣмъ больше темъ, *темъ* лучше»; «мнѣ не всякій ведомый *ведомъ*»; «*те* ему и говорятъ: вот те на!»; «рыбка уже въ *уже*»; «религіозное *веденіе* не чуждо символамъ»; «*лесникъ левша* лесу взялъ, *лесной* волосъ привязалъ, да въ *лесу* лису за *лесного* дядю принялъ и лесу въ *лесу* потерялъ»; «я *налево*, а *слева* левъ»; «я *смело* взялся за дѣло, но вѣтромъ все уже *смело*»... Врачъ говоритъ «*лечу* да поздно»; а летчикъ: «*лечу* да поздно»... «На *горе* другихъ цвѣтовъ не было»; «собака на *сень* лежитъ, сама не ѣсть и другимъ не даетъ» (тутъ, повидимому, опечатка, надо писать «Сена» или «Сеня» съ большой буквы, въ первомъ случаѣ надо пожалѣть мокрую собаку, во второмъ бѣднаго Семена). «Стенаніе за *стеной* вызвало у меня *стесненіе* въ сердцѣ»... Но не довольно ли?

Есть и общія правила. Напримѣръ: слова, начинающіяся съ «нѣ» — ничего не отрицаютъ, а устанавливаютъ только неопредѣленность: «нѣкій, нѣкоторый, нѣсколько, нѣкогда»; а слова, начинающіяся съ «не» — отрицаютъ: «нелѣпый, неграмотный, нечестный, некогда». Еще: вопросы «куда?» и «гдѣ?» требуютъ различныхъ падежей; отмѣна буквы «ѣ» убиваетъ это правило. Куда? «На ложе», «на поле», «въ поле», «въ море» (винит. падежъ). Гдѣ? «На ложѣ», «на полѣ битвы», «въ морѣ» (предложный падежъ). Пуля попала ему въ сердце (вин. пад.); въ его сердцѣ печаль (предл. пад.). Еще: «чѣмъ» есть творительный падежъ отъ «что»; о «чемъ» есть предлож. падежъ отъ «что»; смѣшеніе падежей есть занятіе грамматически разрушительное. Еще: «синѣй» есть сравнительная степень отъ «синій» (волны синѣй стали); «синей» есть родительный падежъ отъ прилагательнаго «синій» (волны синей стали; но развѣ сталь есть образецъ синевы?).

Борьба за букву «ѣ» ведется въ Россіи уже болѣе 300 лѣтъ. Мы будемъ продолжать эту борьбу. Въ 1648 году, въ Москвѣ, съ благословенія церковной власти была издана грамматика, гдѣ въ предисловіи доказывалось, что «необходимо напередъ самимъ учителямъ различать «ять» съ «естемъ» и не писать одного вмѣсто другого», что «грамматическое любопытствіе сердцемъ нашихъ просвѣтительно» и безъ него «кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть», что грамматика есть «руководитель неблаженъ во всякое благочестіе, вождь ко благовидному смотрѣнію и предивному и неприступному богословію, блаженныя и всесчастнѣйшія философіи открытіе и всеродное проразумѣніе» (см. Ключевскій: «Очерки и рѣчи», 412).

Этот мудрый подход к грамматике объясняется тем, что в то время формально-отвлеченная филология, пренебрегающая главным, живым смыслом языка — еще не работала и не успела разложить и умертвить культуру слова. С тех же пор это извращение и несчастье захватило науку языка (как и другие науки) и в результате интерес к предметному смыслу уступил свое место соображениям чисто историческим (как, например, у Я. Грота) и демагогическим, как у сочинителей нового кривописания.

От этого пострадала и страдает вся русская культура. Вот доказательства.

Молитва: «Горе имемь сердца» (вместо «горь», высь,верху, к Богу). «Мирь *мирови* твоему даруй». «О мирь всего *мира*». «Да празднует же *мирь*, видимый же весь и невидимый...».

Богословие. «Я пришел не судить *мирь*, но спасти *мирь*» (Иоан. 12:47). Исаак Сиріянинъ: «*Миромъ* называю страсти, которыя порождаются от парения ума». «Мысль о смерти родит пренебрежение к *миру*» (там же). «*Всеведение* Божіе». Василий Великий: «*Мирь* есть художественное произведение».

Философия. Все проблемы міра, мірозданія, міровозрѣнія; микрокосма, макрокосма; знанія и вѣдѣнія и многія другія, съ ними связанныя, обезсмысленны и погибли. Ни одного философа отнынѣ нельзя грамотно перевести на русскій языкъ. Этика, онтологія, космологія, антропологія — лишены крыльевъ слова!

Наука. «Они *все* плодятся» (вместо «всѣ»). «Въ Россіи много *рекъ*» (вместо рѣкъ). «От сырости возникает *преніе*» (вместо «прѣніе»; кто же съ кѣм спорит от сырости?). «Онъ не могъ собрать *вена*» (вместо вѣна); «*лечу* вены по *венскому* способу» (вм. «лѣчу», вм. «вѣнскому»). «У васъ опухла железа; въ организмѣ *железа* не хватаетъ».

Стратегія. «*Сведение* о сведеніи дивизій еще не поступило». «Однородныя *вести* рѣдко приходятъ». «*Все* на палубу!» (вм. «всѣ»). «Откуда *вести*? Откуда *вести*?» (Въ первомъ случаѣ — «вѣсти», во второмъ — «вести»). «Это не подлежитъ вашему *ведению*».

Политика. Изъ коммунистическихъ стенограммъ. Троцкій на XI съѣздѣ: «Въ Западной Европѣ, если побѣдитъ *ее* пролетаріатъ...» (вм. «ея»). Зиновьевъ тамъ же: «международный рабочій классъ *осель*» (вместо «осѣль»). На XIV съѣздѣ: «не все еще понимаютъ и не *все* еще вѣрятъ» (вм. «всѣ»). Тамъ же, рѣчь Гусева: «будемъ ставить точки надъ *и* (вм. *i*). Рѣчь Курскаго на XV съѣздѣ: «работа по статистикѣ должна быть поставлена у насъ на «*ѣ*». Голоса съ мѣстъ: «читали *все*» (вм. «всѣ»). Наша цѣль — завоевать *мирь*» (вм. «міръ»). Конституція Р. С. Ф. С. Р., статья 3: «къ *ведению* органовъ» (вм. «вѣдѣнію»). Изъ газеты «Новое Русское Слово» отъ 12.1.1942: «Мы — *все*. Нашъ верховный главнокомандующій, президентъ Рузвельтъ, можетъ быть увѣренъ, что за нимъ идемъ мы *все!*».

Погибшія русскія пословицы. «У богатаго мужика — *все* въ долгу (вм. *вст*), у богатаго барина — *все* въ долгу». «Лѣсъ лѣсомъ, а бѣсъ бѣсомъ». «Сперва дѣлежь, а послѣ телешъ». «Какая же честь, если нечего ѣсть». «На міръ бѣда, а воеводѣ нажитокъ». «И глухъ и нѣмъ, грѣха не вѣмъ». «Передъ судомъ всѣ равны, всѣ безъ откупа виноваты». «Мірь на дѣло сошелся — виноватаго опить». «Воръ попалъ, а міръ пропалъ». «Дошелъ татъ въ цѣль, ведутъ его на рель». «Ищи на казнѣ, что на орлѣ, на правомъ крылѣ». «Очи ушей вѣрнѣе». «Кто въ морѣ не тонулъ, да дѣтей не рожалъ, тотъ отъ сердца Богу не маливался»...

Искаженные русскіе классики. Безсмысленны всѣ стихотворенія, поющія о мірѣ и мірозданіи; исчислить ихъ невозможно. Вотъ образцы. Пушкинъ: «И мощная рука къ нему съ дарами мира — Не простирается изъ-за предѣловъ міра». Лермонтовъ: «Но я безъ страха жду довременный конецъ — Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый». Тютчевъ: «Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья». «На міръ таинственный духовъ». «Съ міромъ дремлющимъ смѣшай». «Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ» и др.; Баратынскій: «Твой миръ, увы, могилы миръ пе-

чальный»... «На что вы, дни! Юдольный міръ явленья — Свои не измѣнить! — Всѣ вѣдомы, и только повторенья — Грядущее сулитъ».

А вотъ и инья искаженія. Говоря о «младыхъ дѣвахъ», Пушкинъ риѐмуетъ «странѣ» и «онѣ»; по кривописанію эта риѐма гибнетъ («они» вм. «онѣ»). «Ее ланиты оживлялись» (вм. *ея*), «Ее ничтожность разумѣю» (вм. *ея*). Тютчевъ риѐмуетъ «ея» и «я» («Исторглось изъ груди ея — И новый міръ увидѣль я»). О мечтахъ: «Пускай въ душевной глубинѣ — И всходятъ и зайдутъ онѣ». У Мея гибнетъ цѣлое стихотвореніе, вдохновленное Викторомъ Гюго и вдохновившее Рахманинова на прелестный романсъ: «Опросили они» (мужчины) ...«онѣ отвѣчали» (женская мудрость, утѣляющая мужское недоумѣніе). По кривописанію — «они» спрашиваютъ и «они» же отвѣчаютъ...

У Пушкина: «Все говорятъ нѣтъ правды на землѣ»... «Делибашъ уже на *пике*» (*пике* — есть особая хлопчатобумажная ткань; вм. «на *пикѣ*»). Изъ письма Гоголя къ И. И. Дмитріеву: «въ дорогѣ занимало меня только небо, которое, по мѣрѣ приближенія къ югу, становилось *синее*... (вм. «*синѣе*»). Гоголь пишетъ Языкову: «отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ *горе* (вм. *горѣ*); «нѣмки... *все*, сколько ни есть, вяжутъ чулокъ»; «въ пищѣ *есть* побольше мясного» (вм. *нѣтъ*); «благословенный воздухъ *ее* уже дохнулъ» (вм. *ея*); «причина... *внѣ*... нашего *веденія*»... Достоевскій: «думалъ... вернуться, но удержался отъ *неведенія*» (вм. *невѣдѣнія*). Мусоргскій: «*горе* вознестися» (вм. *горѣ*). Лѣсковъ: «а козочку я подоилъ и *ее* молочкомъ началъ дитя питать». Бальмонтъ: «ты легкая волна, играющая въ *море*» (вм. «въ чемъ»? — «во что?») — такъ играютъ въ теннисъ, въ шахматы, въ «море»). Айвазовскій назвалъ свою картину «На морѣ» (гдѣ?); изъ этого сдѣлано «На *море*» (куда?).

Къ всему этому надо добавить, что новое кривописаніе искажаетъ и подрываетъ ту драгоценную внутреннюю работу, которую каждый изъ насъ продѣлываетъ надъ осмысливаніемъ словесныхъ корней. Прочтя слово «вѣщій», мы ассоціируемъ по смыслу къ «вѣщунья», «вѣдѣти», «вѣдѣніе»; но прочтя слово «вещій» мы будемъ ассоціировать въ безсмыслицу: къ «вещь», «вещественный». Что значитъ «вещій Олегъ»? Ничего не значитъ! Прочтя слово «пеніе», мы будемъ ассоціировать къ «пень», «пеня», «пенька», «пеньтоухъ»... Ближайшая ассоціація къ «намереніе» будетъ «меринъ»; къ «присмиривъ» — «ревъ»; къ «бессоветный» — «бѣсъ» и «вести»; къ «беда» — «бедуинъ», «бидонъ», «бедламъ»; къ «тело» — «телокъ», «телиться»; къ «помѣстье» — «мести», «месть», но отнюдь не «мѣсто»; къ «левша» — «левъ» и «вошь»... И такъ черезъ всю смысловую работу ассоціацій, которою живетъ и творится всякій языкъ.

Зачѣмъ всѣ эти искаженія? Для чего это умопомрачающее сниженіе? Кому нужна эта смута въ мысли и въ языковомъ творествѣ?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: все это нужно врагамъ національной Россіи. Имъ; именно имъ, и только имъ.

Какъ же Это Случилось?

(Заключительное слово о русскомъ національномъ правописаніи.)

Если мы попытаемся подвести итоги всему тому, что необходимо сказать противъ «новой орѳографіи», то мы произнесемъ ей окончательный приговоръ: она должна быть просто отмѣнена въ будущемъ и замѣнена тѣмъ правописаніемъ, которое вынашивалось русскимъ народомъ съ эпохи Кирилла и Меѳодія. И это будетъ не «реакціей», а возстановленіемъ здоровья, смысла и художественности языка.

Напрасно намъ стали бы указывать на то, будто бы мы защищаемъ прежнее правописаніе изъ политической вражды къ большевизму. Эту инсинуацію произнесъ когда-то г. Айхенвальдъ въ берлинской газетѣ «Руль». Вѣрно какъ разъ обратное. Если бы новую орѳографію ввела русская національная монархическая власть (чего она, конечно, никогда бы не сдѣлала!), то мы стали бы защищать прежнее правописаніе съ той же энергіей; а вотъ защитники новой орѳографіи, дѣйствительно, политиканствуютъ съ нею, придавая ей значеніе

«пріятія революціи» «закапыванія рва» или «спуска на полозьяхъ». Съ другой стороны, если бы коммунисты вернули прежнее правописаніе (чего они, конечно, никогда не сдѣлаютъ!), то мы отнюдь не стали бы врагами спасеннаго правописанія, ни сторонниками коммунизма. Приписывать намъ политизацію всѣхъ критеріевъ духовной культуры — есть сразу инсинуація и пошлость. Вопросъ же правописанія рѣшается не пристрастіемъ и не гнѣвомъ, а художественнымъ чувствомъ родного языка и отвѣтственною аналитическою мыслью.

Мы отлично знаемъ, что революціонное кривописаніе было введено не большевиками, а Временнымъ Правительствомъ. Большевики сами привыкли къ прежнему правописанію: всѣ эти Курскіе, Чубари, Осинскіе, Бухарины продолжали въ своихъ рѣчахъ «ставить точки» на отмѣненное «і» и требовать, чтобы коммунисты все знали на отмѣненное «ѣ». Даже Ленинъ писалъ и говорилъ въ томъ смыслѣ, что старое правописаніе имѣло основаніе различать «міръ» и «миръ» (Изд. 1923 г. т. XVIII, ч. 1, стр. 367). Нѣтъ, это дѣло рукъ проф. А. А. Мануйлова («министра просвѣщенія») и О. П. Герасимова («тов. мин. просв.»). Помню, какъ я въ 1921 году въ упоръ поставилъ Мануйлову вопросъ, зачѣмъ онъ ввелъ это уродство; помню, какъ онъ, не думая защищать содѣянное, беспомощно сослался на настойчивое требованіе Герасимова. Помню, какъ я въ 1919 году поставилъ тотъ же вопросъ Герасимову и какъ онъ, сославшись на Академію Наукъ, разразился такою грубою вспышкою гнѣва, что я повернулся и ушелъ изъ комнаты, не желая спускать моему гостю такія выходки. Лишь позднѣ узналъ я, членомъ *какой* международной организаціи былъ Герасимовъ.

Что же касается Академіи Наукъ, то новая орѳографія была выдумана тѣми ея членами, которые, не чувствуя художественности и смысловой органичности языка, предавались формальной филологіи. Эта формализація есть язва всей современной культуры: утративъ вѣру, а съ нею и духовную почву, оторвавшись отъ содержательныхъ корней бытія, современные «дѣятели» выдвинули формальную живопись, формальную музыку, формальный театр (Мейерхольдъ), формальную юриспруденцію, формальную демократію, формальную филологію... И вотъ, новая орѳографія есть продуктъ формальной филологіи и формальной демократіи, т. е. демагогія. Въ Академіи Наукъ совсѣмъ не было общаго согласія по вопросу о новой орѳографіи, а была энергичная группа формалистовъ, толковавшихъ правописаніе какъ нѣчто условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное, не связанное ни съ смысломъ, ни съ художественностью, ни даже съ исторіей языка и народа. Знаю случайно, какъ они собирали подписи подъ своей выдумкой, нажимали на академика А. А. Шахматова, который, чтобы отвязаться, далъ имъ свою подпись, а потомъ при большевикахъ продолжалъ печатать свое сочиненіе по старому правописанію. Свидѣтельствую о томъ негодованіи, съ которымъ относились къ этому кривописанію такіе ученые знатоки русскаго языка, какъ академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, лекціи котораго по «Исторіи русскаго языка», по словамъ того же Шахматова, «получили значеніе послѣдняго слова исторической науки о русскомъ языкѣ — у насъ, и заграницей». Свидѣтельствую о такомъ же негодованіи всѣхъ другихъ московскихъ филологовъ, изъ коихъ знаменитый академикъ Ѳ. Е. Коршъ, разразился эпиграммой: «Старинѣ я буду вѣренъ, — Съ дѣтства чтить ее привыкъ: — Обезиченъ, обезъеренъ. — Обезъятенъ нашъ языкъ!». Такіе ученые, какъ академикъ П. Б. Струве, не называли «новую» орѳографію иначе, какъ «гнусною»...

Для чего же это кривописаніе выдумывалось, ради чего вводилось? Публично выдвигали два соображенія: «новая орѳографія» проще и для народа легче... Эти аргументы воспроизводились въ эмиграціи и такими дилетантами-публицистами, какъ г. Ю. Айхенвальдъ. На самомъ же дѣлѣ эти аргументы совершенно неосновательны.

Вотъ данныя опыта. Одинъ русскій ученый славистъ, членъ-корреспондентъ Россійской Академіи Наукъ, рассказывалъ мнѣ въ 1922 году о результатахъ своего пятилѣтняго преподаванія въ гимназіи. Онъ предлагалъ ученикамъ: кто хочеть, учись по старой орѳографіи, кто хочеть — по новой; требовать буду съ одинаковою строгостью! И что же? Процентъ слабыхъ въ среднемъ счетѣ оказался одинаковымъ. Оказалось, что трудно вообще правило и его примѣненіе, независимо отъ того, что именно предписываетъ правило. Напрасно стали бы ссы-

латься на особыя затрудненія, вызываемыя буквою «Ѣ». Эти затрудненія были уже преодолены на чисто мнемоническомъ пути. Уже по всей Россіи циркулировала дешевенькая книжка въ стихахъ и съ картинками, гдѣ всѣ слова, требующія букву «Ѣ» были включены въ текстъ: «Разъ бѣлка бѣса побѣдила — И съ тѣмъ изъ плѣна отпустила, — Чтобъ онъ ей отыскалъ орѣхъ». — Но дѣло было то въ апрѣлѣ — Въ лѣсу орѣхи не созрѣли» и т. д. Или еще: «Съ Днѣпра, съ Днѣпра ли нѣкто Глѣбъ, — Жилъ въ богадѣльнѣ дѣдъ-калѣка, — Не человекъ, поль-человѣка... — Онъ былъ и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ — Ъль только рѣпу, хрѣнъ и рѣдѣку»... и т. д. Запомнить эти стишки ничего не стоило; и учителю оставалось только пояснить корнесловіе и смысловіе...

Одинъ русскій ученый говорилъ мнѣ: «Что они все твердятъ объ облегченіи? Пишемъ мы, образованные, и намъ прежнее правописаніе совсѣмъ не трудно; а необразованной массѣ важно читать и понимать написанное; и тутъ старое правописаніе, вѣрно различающее смыслъ, для чтенія и пониманія гораздо легче! А новое кривописаніе сѣетъ только безсмыслицу»...

Что же касается «упрощенія», то идея эта сразу противонаціональная и противокультурная. Упрощеніе есть угашеніе сложности, многообразія, дифференцированности. Почему же это есть благо? Правда, угашеніе искусственной, безсмысленной, безпредметной сложности даетъ экономію силъ: а растрачивать душевно-духовныя силы на мертвыя ненужности нелѣпо. Но «сложность» прежняго правописанія глубоко обоснована, она выросла естественно, она полна предметнаго смысла. Упрощать ее можно только отъ духовной слѣпоты; это значитъ демагогически попирать и разрушать русскій языкъ, это вѣковое культурное достояніе Россіи. Это наглядный примѣръ того, когда «проще» и «легче» означаетъ хуже, грубѣе, примитивнѣе, неразвитѣе, безсмысленнѣе: или попросту — слѣпое варварство. Пустыня проще лѣса и города; не опустошитъ ли намъ нашу страну? Мычать коровой гораздо легче, чѣмъ писать стихи Пушкина или произносить рѣчи Цицерона; не огласитъ ли намъ россійскія стогна коровимъ мычаніемъ? Для многихъ порокъ легче добродѣтели и сквернословіе легче краснорѣчія. Безвольному человѣку безпринципная уступчивость легче идейной выдержки. Вообще проще не быть, чѣмъ быть; не заняться ли намъ, русскимъ, повальнымъ самоубійствомъ?

Итакъ, кривописаніе не легче и не проще, а безсмысленнѣе. Оно отмѣняетъ правила осмысленной записи и вводитъ другія правила — безсмысленной записи. Оно начало собою революціонную анархію. Во всякомъ культурномъ дѣланіи дорога идея правила, ибо воспитаніе есть отученіе отъ произвола и приученіе къ предметности, къ смыслу, къ совѣсти, къ дисциплинѣ, къ закону. Правило не есть нѣчто неизмѣнное; но измѣнимо оно только при достаточномъ основаніи. Произвольное же ломаніе правила — вредно и противорѣчитъ всякому воспитанію; оно сѣетъ анархію и развращаетъ; оно подрываетъ самый процессъ регулированія, совершенствованія, самую волю къ строю, порядку и смыслу. Здѣсь произволь ломаетъ самое чувство правила, уваженіе къ нему, довѣріе къ нему и желаніе слѣдовать ему. Введеніе же безсмысленныхъ правилъ есть прямой призывъ къ произволу и анархіи.

Вотъ именно это и учинило новое кривописаніе. Здоровая часть русской интеллигенціи не приняла его и отвергла. Сдѣлалось два «правописанія». Старое стали забывать, новому не научились. Возникло третье правописаніе — отбросившее твердый знакъ, но сохранившее ять. Надо ждать четвертаго, которое отброситъ ять и сохранитъ твердый знакъ. Скажемъ же открыто и точно: никогда еще русскіе люди не писали такъ безграмотно, какъ теперь; ибо въ XVII и въ XVIII вѣкѣ — искали вѣрнаго начертанія, но еще не нашли его, а теперь отвергли найденное и разнуздали себя орфографически. Тогда еще учились различать «ять» съ «естемъ», и не были увѣрены; а теперь, ссылаясь па свою малую образованность и на лѣнь, узаконили смысловое всесмѣшеніе. «Намъ», видите ли, «некогда и трудно» изучать свою русскую, «слишкомъ сложную» орфографію!.. Хорошо, господа легкомысленные лѣнтяи! За это вы будете надрывать надъ изученіемъ и усвоеніемъ гораздо болѣе сложныхъ иностранныхъ орфографій, — французской, англійской и нѣмецкой; — чужіе языки возьмутъ у васъ

все то время, котораго у васъ «не хватало» на изученіе своего, русско-національнаго, осмысленнаго правописанія; ибо тутъ иностранные народы не будутъ принимать во вниманіе вашу лѣнь, ваше «некогда» и «трудно». И напрасно кое-кто въ эмиграціи выдвигаетъ то обстоятельство, что при господствѣ прежней орѳографіи были слова со спорнымъ «Е» и съ неувѣреннымъ «Ъ»; не проще ли въ виду этого поставить всюду безспорное «Е»? Но вѣдь есть не мало людей съ неувѣренною мыслию, честностію и нравственностію... Такъ не проще ли не искать ни смысла, ни вѣрности, ни честности, а водворять прямо безсмыслицу, безчестіе и развратъ: по крайней мѣрѣ, все будетъ опредѣленно, ясно, просто и легко... Да, исторически была шатость; но ее успѣшно и осмысленно преодолѣвали, до тѣхъ поръ, пока не рѣшили покончить съ культурой языка и провалиться въ варварство.

Правъ былъ князь С. Н. Трубецкой, когда писалъ («Ученіе о Логосѣ», стр. 5): «слово есть не только способъ выраженія мысли, но и способъ мышленія, само-объектированіе мысли». Правъ былъ и князь С. М. Волконскій, когда настаивалъ на томъ, что смѣшеніе родовъ, падежей, степеней сравненія и т. д. вызываетъ къ жизни «возвратное зло»: дурное правописаніе родитъ дурное мышленіе. Замѣчательнѣйшій знатокъ русскаго языка В. И. Даль писалъ въ своемъ «Толковомъ Словарѣ»: «Надо... сохранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова, иначе это будетъ звукъ безъ смысла» (томъ 1, стр. 9). И именно въ этомъ единственно вѣрномъ языковомъ руслѣ движется новѣйшій изслѣдователь русскаго правописанія И. И. Костючикъ въ своемъ сочиненіи «Нашествіе варваровъ на русскій языкъ». «Не реформа была проведена, а искаженіе, коверканіе русскаго языка, и при этомъ — умышленное», отрывъ русскаго языка отъ его церковно-славянскихъ корней, денационализація русскаго письма, русской этимологіи, фонетики, русскаго мышленія...

И. С. Шмелевъ передаетъ, что одинъ изъ членовъ россійской Орѳографической комиссіи сказалъ: «старо это новое правописаніе, оно искони гнѣздилося на заднихъ партахъ, у лѣнтяевъ и неспособныхъ»... И именно ученые академики поспѣшили этимъ безграмотнымъ лѣнтяямъ на помощь: прервали всенародную творческую борьбу за русскій языкъ, отреклись отъ ея вѣковыхъ успѣховъ и завоеваній и революціонно снизили уровень русской литературы. Этимъ они попрали и смысловую, и художественную, и органическую природу языка. Ибо строгое соотвѣтствіе звука и записи выговариваемому смыслу есть дѣло художественнаго всенароднаго исканія ирраціональнаго (какъ всякое искусство!) и органическаго (какъ сама народная жизнь!).

И вотъ, въ отвѣтъ этимъ разсудочнымъ формалистамъ и беспочвенникамъ, мы должны сказать: писанный текстъ не есть дѣло произвола; онъ есть живая риза смысла, точный знакъ разумѣмаго, художественное выраженіе духа. Правописаніе есть продуктъ многолѣтней борьбы народа за свой языкъ; оно есть сосредоточенный итогъ его семейстики, фонетики, грамматики, символики и аллегорички — въ отношеніи къ предметамъ и въ духовномъ общеніи людей. Мудро сказалъ Апостоль Павелъ, что люди общающіеся другъ съ другомъ внѣ взаимнаго разумѣнія, суть другъ другу варвары (1 Кор. 14:11). Не для того русскій народъ бился надъ своимъ языкомъ, чтобы горстка революціонныхъ «академиковъ» сорвала всю эту работу взаимнаго духовнаго разумѣнія.

Правописаніе имѣетъ свои историческія, конкретныя и въ то же время философическія и національныя основы. Поэтому оно не подлежитъ произвольному слову, но лишь осторожному, обоснованному преобразованію; совершенствованію, а не разрушенію. Пусть же нарушители русской національной орѳографіи получаютъ навѣки прозвище «друзей безграмотности» или «сподвижниковъ хаоса»; и пусть первымъ актомъ русскаго національнаго Министра Просвѣщенія будетъ возстановленіе русскаго національнаго правописанія.

Питиримъ Деркаченко.
Великая Орфографическая Революція.

Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и право, иное названіе еще драгоценнѣе самой вещи...

Н. В. Гоголь

Что испыталъ бы каждый изъ насъ, увидавъ однажды какъ извѣстные всѣмъ памятники Пушкину, Гоголю и Достоевскому передѣлываются современными скульпторами на современный ладъ: лишаются своихъ сюртуковъ, цилиндровъ, накладныхъ воротниковъ и оказываются вдругъ въ кроссовкахъ, бейсболкахъ и джинсахъ?

Какова была бы наша первая реакція, – шокъ? Недоумѣніе? Подозрѣніе кощунства?..

А если бы при этомъ намъ еще и разъяснили какіе-нибудь специалисты изъ министерства культуры, что дѣлается все это исключительно для сближенія классиковъ съ современными читателями, для лучшаго воспріятія ихъ внѣвременнаго и вѣчнаго творчества, и что рѣчь-то идетъ всего лишь объ устраненіи условныхъ барьеровъ и тому подобномъ...

Все равно не приняли бы? Точно?

Безусловно, любой здравомыслящій и воспитанный на русской литературѣ человекъ изобличитъ подобное „сближеніе классиковъ и современниковъ“ какъ варварство и изуверство. А вдобавокъ еще и знакомый съ русскою исторіей – найдетъ подобную фантазію весьма возможною въ будущемъ, причемъ – не какъ самую невѣроятную для нашей исторіи.

Для этого и ходить далеко не придется. Скажемъ, сегодня – перечитывая „Войну и миръ“, – не задумываемся ли мы о томъ, что великій авторъ этого шедевра пришелъ бы въ ужасъ, узнавъ, какъ безграмотно, а точнѣе сказать – невѣжественно мы публикуемъ и читаемъ его твореніе. И при томъ – оскорбленный гнѣвъ классика былъ бы вполне оправданъ и справедливъ, вѣдь онъ-то самъ такъ не писалъ, а вѣрнѣе сказать – писал великій Левъ Николаевичъ Толстой совсемъ иначе, – на живомъ великорусскомъ языкѣ, азбука котораго содержала въ своемъ алфавитѣ тридцать шесть буквъ – противъ тридцати двухъ нашихъ сегодняшнихъ. И могъ ли предполагать Левъ Николаевичъ, что въ восемнадцатомъ году правительствомъ большевиковъ рѣшительно будетъ проведена орфографическая реформа? Ея реформа, которую по произведеннымъ ею послѣдствіямъ сегодня вполне можно называть „великой орфографической революціей“, и послѣ которой русскій языкъ на письмѣ претерпитъ немыслимыя и невиданныя измѣненія: будутъ упразднены выборочныя буквы, измѣнены окончанія прилагательныхъ, сокращены мѣстоимѣнія и многое, многое другое...

Но если великій русскій писатель объ этомъ и не догадывался, то спросимъ себя мы – сегодня, помнимъ ли мы, взявшіе за правило всякій разъ демонстрировать свою привязанность къ русскимъ культурнымъ традиціямъ, всѣ послѣдствія той далекой реформы? Скорѣе всего – нѣтъ. Да и значенія ей особаго-то не придаемъ... А когда-то, выдающійся русскій философъ и публицистъ Иванъ Александровичъ Ильинъ сѣтовалъ, что цѣлое поколѣніе русской интеллигенціи не отстояло красоту и величіе русскаго языка «...тѣмъ, что растерзало, изуродовало и снизило его письменное обличіе. И эту искажающую, смыслъ-убивающую, разрушительную для языка манеру писать – объявило „новымъ правописаніемъ“. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта безграмотная манера нарушаетъ самые основные законы всякаго языка».

Злополучная реформа Ульянова–Луначарскаго, въ результатѣ которой, по мѣткому выраженію другого великаго русскаго писателя Ивана Сергѣевича Шмелѣва въ русскомъ языкѣ „декретомъ установилось кривописаніе“, – состояла изъ трехъ составныхъ частей. Первой ея частью было уничтоженіе нѣкоторыхъ буквъ русскаго алфавита – ять, і (десятеричной), ѵжицы и ѳиты.

„Мгновенное и безповоротное искорененіе ять („ѣ“) изъ самой даже русской азбуки повело къ затемненію нѣкоторыхъ корней словъ, а значитъ смысла и связи рѣчи, затруднило бѣглое чтеніе“ – говоритъ нашъ современникъ, Нобелевскій лауреатъ Александръ Исаевичъ

Солженицынъ о послѣдствіяхъ упраздненія самой популярной изъ „бывшихъ“ буквъ. Въ результатъ ея исключенія мы съ вами сегодня уже не различаемъ на письмѣ такія разныя по смыслу слова, какъ *ѣсть* (кушать) и *есть* (быть), *лечу* (летаю) и *льчу* (вылѣчиваю), *вѣдѣніе* (знаніе) и *веденіе* (провожаніе), *нѣкогда* (когда-то) и *некогда* (нѣтъ времени), *ѣли* (кушали) и *ели* (деревья), *прѣніе* (гниеніе) и *преніе* (споръ), *вѣсти* (новости) и *вести* (провождать), и во многихъ другихъ случаяхъ. И далѣе, — слѣдствіемъ произведенной подмѣны буквъ стала подмѣна падежей: при написаніи падежныхъ конструкцій потерялось различіе въ словахъ: *на морѣ* (гдѣ?) и *на море* (куда?), *на полѣ* и *на поле*, *на ложѣ* и *на ложе* и такъ далѣе...

И хотя произносились „е“ и „ѣ“ всегда одинаково, задачей существованія обѣихъ буквъ въ русскомъ алфавитѣ было сохраненіе различія словъ съ разнымъ смысломъ, но съ одинаковою фонетикой, т. е. сохраненіе смысла высказыванія на письмѣ, что, кстати, широко практикуется у другихъ народовъ во всемъ мірѣ, но что было утеряно послѣ такъ называемой „реформы“ въ Россіи. Что же до правилъ написанія буквы „ѣ“, то онѣ были по-своему логичны. Скажемъ, въ приставкахъ „нѣ-“ употреблялась „ѣ“, если рѣчь шла о неопредѣленности („нѣкогда“, „нѣкій“, „нѣкоторый“ и пр.) и употреблялось „е“, когда рѣчь шла объ отрицаніи („негдѣ“, „незачѣмъ“, „неграмотный“ и пр.). Дѣтямъ же было вообще легко запоминать слова съ буквой ять по школьнымъ стишкамъ, какъ-то:

Разъ бѣлка бѣса побѣдила –
И съ тѣмъ изъ плѣна отпустила, –
Чтобъ онъ ей отыскалъ орѣхъ.
Но дѣло было то въ апрѣлѣ,
Въ лѣсу орѣхи не созрѣли...

или:

Съ Днѣпра, съ Днѣпра ли нѣкто Глѣбъ,
Жиль въ богадѣльнѣ дѣдъ-калѣка, –
Не человѣкъ, поль-человѣка... –
Онъ былъ и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ,
Ѣль только рѣпу, хрѣнъ и рѣдку...

и другимъ...

Буквы „ѣ“ – ижица и „ѣ“ – ѣта, употреблялись въ словахъ ярко-выраженнаго греческаго происхожденія, въ силу чего встрѣчались, въ основномъ, въ церковной литературѣ. (Что, впрочемъ, совсемъ не объясняетъ претензіи къ этимъ буквамъ у свѣтскаго правительства большевиковъ, – неужто имъ послѣ реформы стало легче читать псалмы? Что-то не вѣрится...).

Упраздненіе буквы „і“ (десятеричной) въ отличіе отъ упраздненія рѣдкоупотребимыхъ ижицы и ѣты – самое необъяснимое, вѣдь правило употребленія буквы „і“ обязывало ставить ее передъ гласными буквами (включая „и“, „й“) и въ словѣ „міръ“ (въ значеніи „свѣтъ“, „вселенная“, но – „миръ“ въ значеніи „спокойствіе“). Такимъ образомъ, буква „і“ была достаточно часто употребимой и украшала собою русскія слова: „Россія“, „іерархія“, „линія“, „іюль“, „сіяніе“ и многія другія. А вотъ въ результатъ ея отмѣны, скажемъ, въ названіи романа „Война и миръ“ второе слово стало означать уже не только перемиріе, спокойствіе, покой (какъ и задумывалъ авторъ) но и – общество, свѣтъ или вселенную. Къ тому – потеряло слово „Міръ“ и въ достоинствѣ: уже не писали его исключительно почти съ большой буквы, а только лишь – съ малой.

Безжалостной реформой уничтоженъ былъ и твердый знакъ - „ѣ“, или какъ онъ тогда назывался – буква ерь. Въ концѣ словъ съ закрытымъ слогомъ его просто перестали писать – онъ якобы былъ тамъ излишенъ, – а если ерь раздѣлялъ звуки внутри слова, вмѣсто него стали писать раздѣлительный апострофъ. Однако вскорости отъ такой практики поспѣшили отказаться – апострофъ часто терялся, искажая слова до неузнаваемости. Однако и здѣсь претензіи большевиковъ весьма сомнительны, – что значитъ „лишняя буква“? Что значитъ – „не читается“? Буква „ѣ“ – твердый знакъ – указывала на закрытый согласной буквой слогъ. А это значитъ, что прежде (до „великой орѣографической“) при написаніи въ каждомъ словѣ оформлялось его завершеніе – закрытый или открытый слогъ. Въ каждомъ! Подобно подписи въ концѣ письма, подобно прощанію при уходѣ... Мыслимо ли представить сегодня такую прилежность въ орѣографіи? Увы, нѣтъ.

А обоснованность наличия буквы „Ъ“ в концѣ нѣкоторыхъ словъ легче всего понять на сравнительныхъ примѣрахъ.

Много ли мы знаемъ иностранныхъ языковъ, орѳографія которыхъ точно передаетъ звучаніе языка? Вотъ примѣры изъ французскаго и англійскаго языковъ: французскій – „Voulez Vous“ [вули ву] – четыре произносимыя буквы; англійскій – „Would you“ [вуд ю] – тоже четыре произносимыя буквы. Но „произносимыми“ эти буквы могутъ быть признаны только у насъ, въ Россіи послѣ реформы 1918 года. А вотъ на родинѣ этихъ языковъ, а вѣрнѣе сказать – на родинѣ этихъ культуръ, никому и въ голову притти не можетъ посчитать „лишними“ свои лингвистическія культурныя традиціи. И именно поэтому любой современный школьникъ изъ Британіи или Франціи можетъ спокойно, на своемъ же языкѣ читать Шекспира или Дюма. Россійскіе же школьники въ этомъ отношеніи обдѣлены, они принуждены читать либо „передѣланныхъ“ въ кривописаніе классиковъ, либо самостоятельно искать ихъ старыя запыленные изданія.

Кстати сказать, узнавъ объ уничтоженіи нѣкоторыхъ буквъ русскаго алфавита, академикъ Ѳ. Е. Коршъ написалъ слѣдующую хлесткую эпиграмму:

Старинѣ я буду вѣренъ, -
Съ дѣтства чтить ее привыкъ:
Обезыченъ, обезыеренъ,
Обезыятенъ нашъ языкъ!

Но на упраздненіи „лишнихъ“ буквъ реформа не заканчивалась. Вторымъ ея послѣдствиемъ было искривленіе склоненій.

Подъ лозунгомъ „упрощенія“ были стерты склоненія нѣкоторыхъ мѣстоименій: если до реформы мѣстоимѣніе „она“ въ винительномъ падежѣ писалось какъ „ее“, а въ родительномъ падежѣ писалось какъ „ея“, то послѣ реформы – только какъ „е“ въ обоихъ падежахъ. Такимъ же образомъ полностью исчезло мѣстоименіе „онѣ“. Такимъ же образомъ были перемѣшаны прилагательныя мужскаго и средняго рода: исчезло въ родительномъ падежѣ написаніе „краснаго“, „бѣлаго“ и пр. (мужск. родъ)... Послѣ этого навсегда кануль въ лету „Толковый Словарь Живого Великорусскаго Языка“ Владиміра Даля...

Казалось бы – все „упростилося“? Но нѣтъ. Этого упрощенія революціонерамъ показалось мало. Даже поотмѣнявъ буквы, даже исказивъ спряженія и склоненія, комиссары орѳографіи не могли успокоиться, и третьимъ звеномъ реформы по внѣдренію кривописанія стала насильственная фонетизація.

Начались измѣненія словъ въ сторону усиленія фонетики, то есть, попросту говоря – измѣненія по принципу „какъ слышимъ, такъ и пишемъ“. И въ этой маніи фонетезировать слова скрывается отвѣтъ на вопросъ, кому и зачѣмъ была нужна орѳографическая революція.

Насильственная фонетизація замѣнила *разсказъ* на *рассказ*, *разсыпаться* на *рассыпаться*, *бессмертіе* на *бессмертие*, *безслѣдно* на *бесследно*, *возжи* на *возжи*, и многія другія слова. И стоитъ только порадоваться, что не произошло упрощеніе и в другихъ случаяхъ. Почему не замѣнили *когда* на *кагда*, *чего* на *чево* и въ продолженіе уже сдѣланнаго: *разсыпаться* – *рассыпаться* – *рассыпаца*, и такъ далѣе?

И вотъ вѣдь – проведенныя измѣненія никакъ не упростили орѳографію!

Бѣглое чтеніе стало спотыкаться о слова съ непонятнымъ смысломъ, а количество обычныхъ ошибокъ и вовсе не измѣнилось (оно и понятно: вѣдь любое правило трудно *само по себѣ*, внѣ зависимости отъ того, что оно предлагаетъ запоминать). Зато – меньше стало предметнаго смысла въ словахъ, меньше стало культуры языка...

И тогда очевидно недоумѣніе: кому же было необходимо подобное „упрощеніе“, облегчающее написаніе, но затемняющее пониманіе словъ? Для отвѣта достаточно просто вспомнить, кто проводилъ ту реформу.

„Великая орѳографическая революція“, какъ часть „Великой октябрьской революціи“ проводилась людьми какъ правило не имѣющими высшаго, а зачастую – даже и средняго образованія. Дѣйствительно, могъ ли Іосифъ Джугашвилли, профессиональный гангстеръ и недоучка, писать по-русски легко и правильно? А Владиміръ Ульяновъ, прожившій передъ революціей семнадцать лѣтъ въ эмиграціи за границею? А тѣ тысячи обезумѣвшихъ въ тылу воюющей страны людей, пошедшихъ за лозунгами большевизма? Пожалуй они, именно они,

а не образованный классъ російской элиты – были больше всѣхъ заинтересованы въ орѳографической революціи, послѣдствія которой мы испытываемъ на себѣ до сихъ поръ.

...Лауреатъ Нобелевской Преміи по литературѣ Бунинъ клеймилъ реформу какъ „безумную и безпощадную“, другой лауреатъ Нобелевской Преміи по литературѣ, Пастернакъ, сѣтовалъ, что въ старости ему «приходится постоянно заставлять себя писать „по-новому“», – и имъ вторятъ лауреатъ Нобелевской Преміи по литературѣ Солженицынъ, утверждающій, что съ той злополучной реформы началась губительная „энтропія русскаго языка“, и лауреатъ Нобелевской Преміи по литературѣ Бродскій, завидующій поэтамъ серебрянаго вѣка, „чьи стихи украшала прежняя орѳографія“ (а вѣдь и Солженицынъ, и Бродскій родились уже послѣ „великой орѳографической“). Не могли смириться съ новою орѳографіей философы Струве и Ильинъ, писатели Купринъ и Шмелёвъ, художники Рѣпинъ и Коровинъ, – какъ и вся русская эмиграція, которая представляла собою послѣ революціи трехъ-милліонное общество образованнаго класса ученыхъ, офицеровъ, инженеровъ, писателей, учителей, коммерсантовъ, юристовъ – упорно продолжавшее писать по старой орѳографіи вплоть до семидесятыхъ годовъ, пока не хлынула на западъ новая волна уже совѣтскихъ эмигрантовъ, выученныхъ на кривописаніи.

А вотъ въ защиту новой орѳографіи словъ сказано не было и вовсе. Если конечно не принимать во вниманіе радостные рапорты типографскаго профсоюза, подсчитавшаго, на сколько страницъ стали меньше изданія классиковъ, на сколько меньше на нихъ стало уходить бумаги...

И особенно замѣтимъ – инициатива проведенія реформы принадлежала не мастерамъ русской словесности, не выдающимся русскимъ философамъ, даже ни учителямъ или преподавателямъ Императорской Россіи. Идею проведенія реформы проводили въ жизнь солдаты революціи – социалисты, анархисты, эсперантисты и прочіе, отыскавшіе отвергнутый ранѣе Россійскою Академіей Наукъ проектъ „упрощенія“ русской орѳографіи и вдохнувшіе въ него жизнь. Но и эти господа не торопились съ принятіемъ какого-либо спеціальнаго постановленія – побаивались всенароднаго возмущенія. Но то, чего боялись сдѣлать во Временномъ правительствѣ министръ просвѣщенія Мануйловъ и его замѣститель Герасимовъ, не побоялись сдѣлать въ правительствѣ большевиковъ „предсовнаркома“ Ульяновъ-Ленинъ и его же „наркомъ“ Луначарскій...

Революціонный буранъ, пробушевавшій вдоль и поперекъ русскаго языка произвелъ на свѣтъ кривописаніе, измѣнившее всю нашу литературу, – литературу, собравшую для насъ драгоцѣнности золотого вѣка русской словесности. Изъ-за новаго кривописанія мы оказались преименно отрѣзанными отъ всей русской литературы, предшествующей семнадцатому году. Переписывая и исправляя классиковъ, мы поставили себя въ удивительно варварское положеніе. Дѣйствительно, вѣдь живя в разное время, но въ одной странѣ, Шекспиръ, Диккенсъ и Голсуорси писали на одномъ языкѣ. Также какъ на одномъ языкѣ писали Гёте, Гейне и Бёль. А вотъ въ Россіи Некрасовъ и Есенинъ – писали уже на разныхъ. И все это потому, что ни въ Германіи, ни в Британіи ни одно правительство никогда не замахивалось на орѳографію, на культуру съ столѣтними традиціями, не подвластными временнымъ политическимъ угодамъ. А в нашей странѣ, Россіи – это стало возможно.

А и то сказать – завершилась ли великая орѳографическая? Или же втихую продолжается травля устоевъ русской словесности?

Вотъ уже мы стали постепенно облегчать букву „ѣ“, то и дѣло экономя на ея полномъ написаніи. Многіе шрифты уже игнорируютъ ее, а жаль. При всей кажущейся второстепенности эта проблема съ лихвою скажется на нашихъ дѣтяхъ, а кое-гдѣ сказывается и на насъ. Многіе ли сегодня точно знаютъ: какъ правильно произнести и написать: *афѣра* или *афера*, *манѣвры* или *маневры*, и другія схожести? Игнорированіе буквы „ѣ“ приведетъ къ несуразитамъ, когда станутъ путать при быстромъ чтеніи: *остль* (присѣлъ) и *осѣль* (животное), *мль* (вещество) и *мѣль* (подметаль), *слъзь* (спустился) и *слѣзь* (отъ плача) и въ другихъ случаяхъ.

И если произойдетъ потеря еще одной буквы – то это станетъ очередной побѣдой великой орѳографической революціи, свершившейся въ далекомъ семнадцатомъ. Тогда революція октябрьская лишила русскій народъ его мастеровъ словесности, изгнавъ въ эмиграцію Бунина, Куприна, Цвѣтаеву, Шмелёва... Не вдумывались горе-реформаторы въ слова Владиміра Ивановича Даля о томъ, что „Надо... сохранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова, иначе это будетъ звукъ безъ смысла“. Великая орѳографическая революція подъ руководствомъ большевиковъ хладнокровно лишила

русский языкъ рода и племени – стерла напомниманіе о его церковно-славянскихъ корняхъ, бережно сохранныхъ для насъ Русскою Православною Церковью, хранящей, кстати, и прежнюю орѳографію.

Но сегодня – возможно ли возстановить намъ правописаніе русское – дореволюціонное? Возможна ли его реставрація и закрѣпленіе у подрастающихъ поколѣній?

Трудный вопросъ. Врядъ-ли сможемъ мы „разгородить“ русскую орѳографію, скорѣе всего утрата – невосполнима.

Хотя и здѣсь существуетъ живое, современное доказательство того, что возстановленіе вполнѣ реально: на Украинѣ, скажемъ, сегодня вовсю идетъ выдавливаніе русской рѣчи и насажденіе украинской „мовы“, въ которой есть и „і“, и даже нѣкое воспоминаніе о „ѣ“, и население Украины, даже если и не стрѣмится вовсю использовать „мову“, вполнѣ легко и быстро усваиваетъ ея орѳографію. (Къ слову замѣтить – національныхъ языковъ орѳографическая революція не касалась, прошла только по русскому – только онъ могъ послужить полигономъ для псевдо-эксперимента революціонеровъ, только русский народъ обреченъ на такія жертвоприношенія...)

Но даже при украинскомъ примѣрномъ насажденіи, задача возврата прежней орѳографіи едва ли выполнима. Реальною и осуществимою можно признать другую задачу – возстановленіе прежней орѳографіи въ русской классической литературѣ. Жестъ подобный былъ бы оправданнымъ и справедливымъ, такъ какъ, по сути дѣла, возстановилъ-бы авторскія права великихъ мастеровъ русской словесности на собственныя ихъ произведенія. А къ тому – снялась бы съ насъ вина невѣжества, непочтенія заслугъ великихъ людей. Если бы только было принято рѣшеніе еще съ ранняго возраста, еще со школы – давать читать юнымъ гражданамъ Россіи всѣхъ русскихъ классиковъ только въ оригиналѣ, – этого было бы съ лихвою достаточно, чтобы вернуть намъ отобранныя цѣнности прекрасной русской національной орѳографіи, выражающей всю красоту, выразительность и безцѣнность русскаго языка.

Вѣдь издавать кривописаніемъ Толстого или Пушкина, – все равно, что передѣлать ихъ памятники, выбивъ на Львѣ Николаевичѣ или Александрѣ Сергѣевичѣ майку и джинсы вмѣсто сюртука или камзола; все равно, что перерисовать ихъ портреты на современный стиль; все равно, что перемѣнить обстановку въ ихъ домахъ-музеяхъ подъ современную...

И какъ будетъ прекрасно, если во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи будущіе граждане станутъ пріобщаться къ русской культурѣ по оригиналамъ классиковъ литературы, а русский алфавитъ вновь зазвучитъ осмысленно: не какія-то "а", "бэ", "вэ", но: "азъ буки вѣди; глаголь добро" – я грамоту знаю, вѣщать добро... И зазвучатъ по-прежнему строки Пушкина:

И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ Міра.

И возстановится Тютчевъ:

Исторглось изъ груди ея
И новый Міръ увидѣлъ я,

И не будутъ казаться безсмыслицею стихи Цвѣтаевой:

Имя твое – птица въ рукѣ,
Имя твое – льдинка на языкѣ.
Одно-единственное движеніе губъ,
Имя твое – пять буквъ. –

посвященные другому поэту по фамиліи Блокъ.

Что жъ – будемъ надѣяться...

Протоіерей Валентинъ Асмусъ.

**Предисловіе къ брошюрѣ „Краткое пособие по
старой орѳографіи русскаго языка.“¹¹**

Важный аспектъ Русской Революціи — «культурная революція», долженствовавшая явить міру новую культуру и отмѣнить старую — эта послѣдняя обрекалась на частичное уничтоженіе, забвеніе, а то «самое цѣнное», чѣмъ рѣшались загрузить корабль современности, безошадно препарировалось и лишалось своего истиннаго вѣса и значенія. Одинъ изъ краеугольныхъ камней новой культуры — орѳографическая реформа, которую можно смѣло назвать *созданіемъ новаго русскаго языка*.

Реформа имѣла невидимыя большинству современниковъ, но поистинѣ сатанинскія цѣли: пресѣчь духовную преемственность, лишить русскій народъ его прошлаго, чтобы тѣмъ вѣрнѣе формировать «новаго человѣка». Реформа содѣйствовала также раздробленію русскаго народа, такъ какъ старая орѳографія была и создавалась общео для всѣхъ русскихъ: ею пользовались и Григорій Сковорода въ XVIII вѣкѣ, и карпато-русскіе писатели въ XIX — XX вв.

Культурная элита не приняла реформу. Ее отвергли лучшіе поэты (Блокъ, Цвѣтаева, Вяч. Ивановъ, чтобы не называть многихъ другихъ), писатели (Бунинъ и всѣ остальные писатели первой эмиграціи, мыслители (И. Ильинъ писалъ статьи противъ новаго правописанія, которое онъ называлъ кривописаніемъ). Часто говорятъ въ защиту новой орѳографіи, что она предложена Императорской Академіей Наукъ. Да, дѣйствительно, проектъ реформы возникъ въ нѣдрахъ Академіи. Но онъ былъ тамъ-же и *похороненъ*, т. к. Академія имѣла обыкновение изучать всякій вопросъ со всѣхъ сторонъ, учитывая всѣ «за» и «противъ». Мало того, бывшая Императорская Академія Наукъ была учрежденіемъ, дольше всѣхъ сохранявшимъ въ Совѣтской Россіи старую орѳографію, въ чемъ ей помогали остатки ея былой свободы (до революціи академическія изданія не подлежали цензурѣ).

Не была безразлична къ проблемѣ орѳографіи и Церковь, несмотря на множество проблемъ жизненно важныхъ и трудностей смертельно опасныхъ. Въ официальномъ Церковномъ Календарѣ на 1919 годъ на 4-й страницѣ обложки мельчайшимъ шрифтомъ напечатано: «Церковный Календаръ набранъ по новой орѳографіи. Такъ требовалъ Отдѣлъ по дѣламъ печати; только подъ этимъ условіемъ имъ разрѣшено печатаніе Календаря». Показательно отношеніе къ орѳографіи той части русскаго народа, которая избѣжала большевицкаго плѣна. Между міровыми войнами русское правописаніе, сохранявшееся въ эмиграціи, было знакомъ и знаменемъ общей «ностальгической» культурной установки. Глубокія измѣненія принесла Вторая германская война. Эмиграція, вобравшая въ себя миллионы бѣженцевъ изъ Совѣтской Россіи, при всемъ своемъ политическомъ антибольшевизмѣ, въ какомъ-то существенномъ аспектѣ включилась въ совѣтскую культуру, стала однимъ изъ ея звеньевъ. Отчасти это связано съ вліяніемъ либеральнаго Запада, подъ которое все больше подпадала эмиграція. А Западъ давно уже «понялъ и принялъ» не только Великій Февраль, но и Великій Октябрь. Частнымъ проявленіемъ этого было принятіе большевицкой орѳографіи почти всей послевоенной эмиграціей. Особо стояла Зарубежная Церковь, какъ нѣкій печальный рыцарь старой и вѣчной Россіи, сохранявшая и частично сохранившая до нашихъ дней этотъ символъ дорогаго прошлаго.

В послѣдніе годы, однако, произошли такія большія измѣненія, что сложились условія новаго духовнаго и культурнаго самоопредѣленія. Но видны и масштабы утратъ. Страна завалена репринтами дореволюціонныхъ изданій самага разнаго содержанія, но книготорговцы жалуются, что такія книги «идутъ» хуже, чѣмъ набранныя «современнымъ шрифтомъ».

¹¹ Вышла въ издательствѣ «Русское зеркало», 1999 г.

Спорадически появляются новые издания, набранные по старой орфографии, но, за немногими исключениями, они заслуживают двойки. Церковные издания распространили новое правописание и на церковно-славянские книги, что грозит окончательным падением клиросной культуры. Отношение общества к старой орфографии смутное. С одной стороны, появилось немало людей, любящих щегольнуть ером на конце слова. С другой стороны, многие имеющие гуманитарные университетские дипломы отказываются читать книги, набранные по старой орфографии, потому что она представляется им непреодолимой трудностью, а для массы людей книжных нет разницы между старой орфографией и церковно-славянским языком.

Сторонники «упрощения» орфографии обычно взывают к фонетическому принципу письма. Их идеал — «пишу, как слышу и произношу». Но этот принцип очевидным образом не может проводиться вполне последовательно. Во множестве диалектальных и личных особенностей теряется единство языка. И к тому же еще неизвестно, какова была бы судьба «яти» и даже конечного «ъ», рѣшайся она не комиссарским декретом, а добросовестным и широкоохватным изслѣдованием фонетики живой рѣчи, даже в предѣлах одной Великороссии.

То, что в московском диалекте буквы «е» и «ѣ» давно уже стали выражать один звук, не относится автоматически к другим великорусским говорам. Немногим болѣе 200 лѣтъ назад М. В. Ломоносов писал: «...буквы Е и Ъ в просторѣчии едва имѣют чувствительную разность, которую в чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ в Е дебелости, а в Ъ тонкости». (Россійская грамматика, СПб., 1755, с. 49). Такъ что реформа оказывается несостоятельной даже с точки зрѣнія фонетики.

Но фонетический принцип письма неизбежно сосуществует с этимологическим и, также неизбежно, вступает с ним в противорѣчіе. Очень емкое понятие этимологии включает в себя два аспекта: *синхронический*, гдѣ этимология равно озабочена выявленіем родства формъ и выраженіем их различія (до революціи этимологіей называлось то, что нынче называется морфологіей), и *діахронический*, гдѣ этимология, выявляя историю формъ, показывает их существенное единство во времени. Возьмите для сравненія три основныхъ западныхъ языка: нѣмецкій, французскій и англійскій. В ихъ нынѣшнемъ правописаніи — ихъ болѣе чѣмъ тысячелѣтняя история. Упростить правописание для носителей этихъ языковъ равносильно культурному самоубійству.

Они дорожатъ, впрочемъ, не только племенной своей исторіей: для нихъ существенна и культурная генеалогія, явленная в языкѣ. Такъ, нѣмцы не скупятся имѣть в алфавитѣ букву «С», служащую исключительно для написанія иноязычныхъ словъ. Такъ обращаются с языкомъ народы, уважающие себя в своемъ настоящемъ и в своемъ прошломъ. Конечно, можно предположить, что окажись заокеанскіе варвары хозяевами англійскаго языка, они-бы произвели в немъ реформу, аналогичную нашей, и тогда-бы все было у нихъ «о'кей», какъ нарочито неграмотно выражался одинъ изъ ихъ «лидеровъ».

А пока-что мы остаемся жертвами реформы, в которой выразилась и злоба недоучекъ, и преступное недомысліе устроителей «всеобщаго счастья».

Желая своему народу всего лучшаго, нельзя не желать ему и возвращенія къ правильному русскому правописанію. Какъ минимумъ же можно требовать:

1). Привитія пассивнаго знанія старой орфографии ученикамъ средней школы (изъятыя буквы алфавита, бѣглое чтеніе нѣсколькихъ страницъ нелегкаго текста). Это тѣмъ болѣе необходимо, что старо-славянскій все-еще не возвращенъ в официальную школьную программу.

2). Изданія в подлинникѣ всѣхъ писателей, пользовавшихся старой орфографіей, даже если они не могли сами издаваться такъ, какъ писали, ввиду вышеупомянутаго перехода издательствъ на новую орфографию. Не будемъ навязывать кривописание Пушкину и Достоевскому!

3). Въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ сочтено за благо изданіе церковныхъ книгъ (молитвослововъ и др.) не славянскимъ, но гражданскимъ шрифтомъ, издавать ихъ съ использованіемъ буквъ дореволюціоннаго алфавита.

4). И, конечно же, кто дерзаетъ писать по-старому — дѣлать это правильно!

Матеріалъ изъ „Википедіи“ – свободной энциклопедіи.

Буква Ять.

Ять (Ѣѣ: Unicode U+0462 Ѣ заглавная, U+0463 ѣ строчная) — 32-я буква въ древней кириллицѣ, 30-я въ дореволюціонной русской азбукѣ, обозначала древнеславянскую длинную гласную, предположительно [æ:] или дифтонгъ [ie:]. Этотъ звукъ слился съ [e] въ современномъ русскомъ языкѣ, съ [i] въ украинскомъ. Буква «ять» вышла изъ употребленія во всѣхъ славянскихъ языкахъ, которые пишутся на современныхъ вариантахъ кириллицы, но сохраняется въ литургическихъ и прочихъ церковно-славянскихъ текстахъ.

Исторія ятя.

Буква Ѣ и ея «упраздненіе» имѣютъ характерную роль въ исторіи русской словесности.

Безоговорочное сохраненіе ятя послѣ петровской реформы азбуки 1708 г. указываетъ, что выговоръ буквъ «е» и «ѣ» тогда еще оставался различимымъ. Но уже во второй половинѣ XVIII вѣка Ломоносовъ отмѣчаетъ, что «буквы *e* и *ь* въ просторѣчїи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ и требуетъ <...> въ *e* дебелости, въ *ь* тонкости». Вѣкомъ спустя Гротъ напрямую констатируетъ въ «Русскомъ Правописаніи» (1885): «Въ ихъ произношеніи нѣтъ ни малѣйшей разницы». Въ нѣкоторыхъ областныхъ діалектахъ, впрочемъ, до сихъ поръ сохраняется специфическій оттенокъ звука «е» въ подударныхъ слогахъ, въ прошломъ писомыхъ черезъ «ѣ».

Уже Тредьяковскій въ XVIII вѣкѣ ратуетъ за упраздненіе ятя. Сохранилось преданіе, что Николай I (царствовалъ въ 1825-1855) обдумывалъ, стоитъ ли выпустить соотвѣтствующій приказъ, но отказался отъ идеи, когда ему подсказали, что по ятю различаютъ грамотея отъ неуча. Проектъ реформы орѳографіи 1911 года, выработанный Императорской Академіи Наукъ, былъ законсервированъ Высочайшимъ повеленіемъ. Буква «ять» осталась на время кошмаромъ русскихъ школьникова: отъ трудности усвоенія списка словъ, очевидно и появилась поговорка «выучить на ять».

Реформа орѳографіи состоялась декретомъ Временнаго Правительства лѣтомъ 1917 года, однако для ея «укрѣпленія» потребовались еще два декрета уже совѣтской власти, въ декабрѣ 1917 г. и опять въ 1918 г. Итакъ, русское правописаніе перешло въ сферу политической борьбы, а буква «ѣ» стала чуть ли не символомъ бѣлой интеллигенціи. Эмигрантскія изданія продолжали печататься по-старому даже послѣ Великой Отечественной войны. Существуетъ защита старой орѳографіи И. А. Ильинымъ (ок. 1952). По рассказамъ очевидцевъ, въ самой Р. С. Ф. С. Р. литеры упраздненныхъ буквъ изымали изъ типографій. Русская Православная Церковь впервые выпустила церковный календарь въ современной орѳографіи только въ 1922 г., и то съ оговоркою, что это было вынужденной мѣрой, а Россійская Академія Наукъ издавала научную литературу по-старому примѣрно до 1924 г. Несмотря, на примѣръ, на изданіе «Капитала» К. Маркса въ 1920 г. по дореформенному правописанію, власти Р. С. Ф. С. Р. безусловно привѣтствовали новую орѳографію, т. к. прежняя «олицетворяла собой царизмъ». Во время массовыхъ кампаній по «искорененію неграмотности», прошедшихъ въ С. С. С. Р. въ 20-е и 30-е гг., преподавалась «новая орѳографія».

Послѣ развала совѣтской власти въ 1991-мъ обозначилась опредѣленная тенденція «подъ старину». Яти, еры часто появляются въ фирменныхъ названіяхъ и въ рекламѣ. Возникаютъ искреннія, хотя не очень серіозныя предложенія возродить дореволюціонную орѳографію. Сторонники называютъ букву «ѣ» «самой русской буквой», «бѣлой лебедью» русской азбуки.

Совокупность орѳографическихъ измѣненій 1918 г. безусловно устранила дальнѣйшее церковно-славянское вліяніе на русской литературный языкъ. Церковныя выраженія, вдохновеніе для былого «высокаго штиля», оказались за письменнымъ рубежомъ великорусскаго нарѣчія. Упраздненіе буквы «ять» принесло ущербъ морфологическому строенію русской

грамоты. Дѣйствительно, многія слова-омонимы отъ разныхъ корней (на «е» и на «ѣ», см. ниже) являются неразличимыми въ современномъ ихъ написаніи.

Употребленіе ятя.

По сложившимся къ началу двадцатаго вѣка обычаямъ, упорядоченнымъ въ «Русскомъ Правописаніи» академика Я. К. Грота (ок. 23 изд., 1885-1916), буква «ѣ» писалась¹²:

1. Въ окончаніяхъ сравнительной и превосходительной степеней именъ прилагательныхъ и нарѣчій «-ѣе», «-ѣйшій» («синѣе», «синѣй = болѣе синій/синяя/синее» или «болѣе сине», «синѣйшій», «синѣйше»), но не въ качествѣ конечной буквы («глубже», «лучше», «резче», «крѣпче», «дешевле»), за исключеніемъ сокращенныхъ формъ «болѣ», «менѣ», «долѣ», «тяжелѣ»;

2. Въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа именъ существительныхъ («о столѣ», «(объ) Аннѣ», «о морѣ», «о счастѣ» — а также «о счастіи»), но ни въ коемъ случаѣ въ именительномъ и винительномъ падежахъ («идемъ (гдѣ?) въ морѣ», но «идемъ (куда?) въ море»);

3. Въ дательномъ и предложномъ падежахъ мѣстоименій *я, ты, себя*: «мнѣ», «тебѣ», «себѣ»;

4. Въ творительномъ падежѣ единственнаго числа мѣстоименій «кѣмъ», «чѣмъ» (но «чего» «чему», «о чемъ»), «тѣмъ», «всѣмъ» (но «всѣ», «всего», «всему», «о всемъ»), а также во всѣхъ падежахъ множественнаго числа мѣст. «тѣ», «всѣ»;

5. Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа женскаго рода мѣстоименія „она“: «онѣ»;

6. Въ именительномъ и винительномъ падежахъ множественнаго числа женскаго рода имени числительнаго «двѣ» /хорв. *dvije*/ и въ производныхъ словахъ «двѣсти», «двѣнадцать».

7. Во всѣхъ падежахъ множественнаго числа женскаго рода именъ числительныхъ „одинъ“ и „оба“: «однѣ» и «обѣ» /хорв. *obije*/: «однѣхъ», «однѣмъ», «однѣми», «обѣихъ», «обѣимъ», «обѣими»;

8. Въ приставкѣ «нѣ-» *неопредѣленнаго*, но ни въ коемъ случаѣ *не отрицательнаго*, значенія: «нѣкто=кто-то» (отр. «никто»), «нѣчто» (отр. «ничто»), «нѣкій», «нѣсколько» (отр. «нисколько»), «нѣкогда=когда-то» (отр. «некогда=нѣтъ времени», «никогда=ни въ какое время»), «нѣкоторый» и пр. /Ср. болгарское «някой, някоя» съ типично болгарскимъ измѣненіемъ ятя «е/я».

9. Въ нарѣчіяхъ и предлогахъ «гдѣ» /хорв. *gdje*/, «внѣ», «здѣсь», «нынѣ», «послѣ» /хорв. *poslije*/, «кромѣ», «развѣ», «вездѣ» /хорв. *svugdje*/, «возлѣ», «подлѣ», «доколѣ», «отколѣ», «доселѣ», «отселѣ», «индѣ», «зѣло», а также, въ соотвѣтствіи съ морфемнымъ принципомъ орѳографіи, во всѣхъ производныхъ словахъ: «нынѣшній», «кромѣшный», «здѣшній», «внѣшній», «извнѣ» и пр.;

10. Въ сложныхъ предлогахъ и нарѣчіяхъ, образованныхъ отъ имени существительнаго, падежъ котораго требовалъ «ѣ»: «вмѣстѣ», «вродѣ», «вдалекѣ», «вдвойнѣ» и пр.;

11. Во всѣхъ глаголахъ, кончающихся звукосочетаніемъ «-ѣтъ» и во всѣхъ производныхъ отъ нихъ словахъ, въ которыхъ звукъ «-ѣ-» не является бѣглымъ, *кромѣ* трехъ корней: «мереть» («умереть»), „тереть“ („протереть“) и „переть“ („опереться“): „имѣтъ“, „имѣю“, „имѣль“, „имѣя“, „имѣвшій“, „имѣніе“, „видѣтъ“ /хорв. *vidjeti*/, „видѣніе“, „видѣнный“ — но

¹² Ввиду сохраненія ятя какъ отдѣльнаго отъ «е» звука въ такъ называемыхъ «іје-кавскихъ» сербскихъ и хорватскихъ нарѣчіяхъ, инымъ словамъ ниже приложены этимологическіе эквиваленты въ хорватскомъ языкѣ, орѳографія котораго отражаетъ «іје-кавское» произношеніе.

„видень“, „видна“, — „впечатлѣть“, „впечатлѣніе“, — но „впечатлѣть“, „впечатлѣніе“, „оскорбѣть“, „оскорблѣніе“ и пр.; глаголы на „-ить“ образовывали „-еніе“ и т. д.;

12. Следуя морфемному принципу орфографии, во всѣхъ производныхъ словахъ, въ географическихъ и личныхъ именахъ, отчествахъ, фамиліяхъ, отъ слѣдующихъ собственныхъ именъ и корней/основъ:

Имена буквѣ:

вѣди (**в**), живѣте (**ж**), хѣръ (**х**): „похѣрить“...

Имена личныя:

Алексѣй, Елисѣй, Еремѣй, Глѣбъ, Матвѣй, Рогнѣда, Сергѣй

Имена народовѣ:

печенѣги, индѣйцы (американскіе; индѣйцы – изъ Индіи)

Имена географическія и календарныя:

Вѣна, Днѣпръ, Днѣстръ, Нѣманъ, Онѣга, апрѣль

Въ послѣдующей таблицѣ, черточкой (-) выдѣляется корень:

Въ началѣ корня (2 корня):

ѣд-а, откуда: ѣмъ, ѣсть /хорв. jesti/ (не путать съ „естъ“, „есмь“), об-ѣд-ъ /хорв. устар. obijed/, об-ѣд-ня, мед-в-ѣд-ь /хорв. medvjed/, сн-ѣд-ь, н-ѣд-ро...;

ѣх-ать, ѣду, ѣздить, ѣздохъ,...

Послѣ б (4 корня):

бѣг-ъ, у-бѣж-ище /хорв. ubježište/...;

бѣд-а, бѣд-ный /хорв. bijedan/, по-бѣд-ить /хорв. pobjeda/, у-бѣд-ить, у-бѣж-деніе /хорв. ubjediti/...;

бѣл-ъ /хорв. bijeli/, бѣл-ье, бѣл-ка, бѣл-ь-мо, бѣл-уга...;

бѣс-ъ, бѣш-еный /хорв. trad. bijes/...

Послѣ в (16 корней):

вѣ-ять, вѣ-еръ, вѣ-теръ /хорв. vjetar/, вѣ-твь, вѣ-ха (высокій шесть)...;

вѣд-ать, вѣс-тъ /хорв. vijest/, по-вѣс-тъ /хорв. povijest, наука исторія/ (не путать съ „вести“ и „везти“), церковн. **вѣд**-ѣти, откуда **вѣдѣніе** (но „веденіе“, „заведеніе“ отъ „вести“), не-вѣжд-а, вѣжд-ы (вѣки на глазахъ)...;

вѣжа (палатка, шатеръ);

вѣк-ъ /хорв. vijek/, вѣч-ный, у-вѣч-ить...;

вѣко (кожица на глазѣ);

вѣн-окъ, вѣн-ецъ /хорв. vijenas/, вѣн-икъ...;

вѣно (приданое, плата жениха за невѣсту);

вѣр-а /хорв. vjega/, вѣр-оятно /хорв. vjegovatno/, суге-вѣр-іе (не путать съ основами на „вер-“, „-верг-“, „верб-“: вернуть, верстать, вертѣть, вереница, верхъ, с-верг-нуть, от-верг-нуть, из-верж-еніе, вербовать)...;

вѣс-ъ, вѣш-ать, по-вѣс-а... (не путать съ „весна“, „веселіе“);

звѣзда /хорв. zvjezda/...;

звѣр-ь /хорв. прилаг. zviјerski/...;

невѣста...;

от-вѣт-ь /хорв. диалектн. odvit/, **со-вѣт-ь** /хорв. sovjet/, **при-вѣт-ь**, **за-вѣт-ь**, **вѣщ-ать** (не путать съ „вещь“), **вѣч-е** (не путать съ „вечерь“), **об-ѣщ-ать**, **об-ѣт-ь** (не путать съ „ветхий“, „обветшать“; также „ветла“, „ветчина“...);

свѣж-ій /хорв. svježi/, **свѣж-ѣть**... ;

свѣт-ь /хорв. svijet/, **свѣч-а** /хорв. svjeća/, **про-свѣщеніе**, **свѣт-ецъ**, **свѣт-ѣлка**... ;

человѣк-ь /хорв. čovjek/, **человѣч-ескій**...

Посль д (5 корней):

дѣ-ть, **дѣ-вать**, **о-дѣ-ть**, **о-дѣ-вать**, **о-дѣ-яло** (не путать съ „одежда, надежда, одѣжа“), **дѣ-ло**, **дѣ-лать**, **дѣ-йствіе**, **не-дѣ-ля**, **на-дѣ-яться**...;

дѣл-ить, **пре-дѣл-ь** /ср. хорв. діо, часть/...;

дѣв-а, **дѣв-очка** /ср. хорв. djevojka/ (не путать съ „девять“, „деверь“)...

дѣд-ь...;

дѣт-и (ед. ч. „дитя“ /хорв. djеса/)...

Посль з (3 корня):

зѣ-вать, **зѣ-въ**, **рото-зѣй**...;

зѣло (не путать съ „зелень“, „зелёный“);

зѣн-ица (глазъ), **зѣн-ки** (глаза)...

Посль л (24 корня):

лѣв-ый /хорв. lijevi/, **лѣв-ѣть**...;

лѣз-ть, **лѣс-тница**...;

лѣк-арь /хорв. liječnik/, **лѣч-ить**, **лѣк-арство** (от „лѣк-ь“ = зелье, трава /хорв. liječ/)...; **лѣн-ь**, **лѣн-ивый** /хорв. lijeni/...;

лѣп-ить, **не-лѣп-ый** /ср. хорв. lijero/, **велико-лѣп-ный** (не путать съ „лепетать“, „лепестокъ“)...

лѣс-ь, **лѣс-ной**, **лѣш-ій** (не путать съ „леса“, „леска“)...

лѣт-о /хорв. lijeto/, **лѣт-ній** (не путать съ корнемъ „лет-“ въ „летать“, „летѣть“, „лечу“)...

лѣха (борозда);

блѣд-ный...;

желѣз-о, **желѣз-ный** (не путать съ „железа, желѣзка“)...

калѣк-а, **калѣч-ить**...;

клѣт-ь, **клѣт-ка** (не путать съ „клещъ“, „клещи“)...; **колѣн-о**, **поколѣніе**...;

лелѣ-ять...;

млѣ-ть (не путать съ „млеко“, „млечный“)...

плѣн-ь, **плѣн-никъ** (не путать съ „плена“, „плѣнка“)...

плѣсень (не путать съ „плести“, „плетеніе“)...

плѣшь...;

полѣно...;

слѣд-ѣ, по-слѣд-ствіе...;

слѣп-ой...;

телѣг-а, телѣж-ный...;

хлѣб-ѣ...;

хлѣв-ѣ...

Посль м (11 корней):

мѣд-ѣ, мѣд-ный (не путать съ „мѣд“, „медвѣдь“, „медлить“, „медленный“)...;

мѣл-ѣ (камень, не путать съ „мелкій“, „мелочь“, „мельница“)...;

мѣн-а, из-мѣн-никъ /хорв. promjena/, не-пре-мѣн-но (не путать съ „меньшій“, „менше“)...;

мѣр-а, на-мѣр-еніе /хорв. namjera/, лице-мѣр-ѣ /хорв. licemjer/ (не путать съ „мертвый“, „смерть“, а также „мерцаніе“, „мерцать“)...;

мѣс-яцѣ /хорв. mjesec/...;

мѣс-ить (не путать съ „мести“), мѣш-ать, мо-мѣх-а...;

мѣст-о /хорв. mjesto/, мѣщ-анинѣ (от пол. miasto, городъ), по-мѣщ-икѣ (не путать съ „местъ“, „мстить“, а также „между“, „межевой“, „межеваніе“)...;

мѣт-ить, за-мѣч-ать (не путать съ „мечтать“, „мечта“), при-мѣч-аніе /ср. хорв. primjedba/ с-мѣт-ить, с-мѣт-а (не путать съ корнемъ „мет-“, „мет-ать“, „пред-мет-ѣ“, „опро-мет-чивый“, „мет-ель“, „мет-ла“ и т. д.)...;

мѣх-ѣ, мѣш-окѣ...;

змѣй, змѣя;

смѣ-ть /хорв. smijeti, имѣть право/, смѣ-лый, смѣ-яться, смѣхъ /хорв. smijeh/ (не путать съ „смекать“, „смаканіе“)...

Посль н (9 корней):

нѣг-а, нѣж-ный, нѣж-ить /хорв. njegovati/ (не путать съ „не-годовать“)...;

нѣм-ой, нѣм-ецѣ /хорв. Njemac/ (не путать съ „нему“, „нѣмъ“ отъ „онѣ/оно“)...;

нѣтъ, от-нѣ-каться (не путать съ *отрицательными* частицей „не“ и приставками „не-“ (подударная), „ни-“ (безударная); обѣ употребленіи *неопределенной* приставки **нѣ**- см. прав. 8 выше)...

гнѣв-ѣ...;

гнѣд-ой...;

гнѣздо... ;

за-гнѣт-ка (въ печи; не путать съ корнемъ „гнѣть“, „у-гнет-ать“);

снѣг-ѣ /хорв. snijeg/, снѣж-ный...;

церковн. **мнѣ**-ти, откуда **мнѣ**-ніе, со-мнѣ-ніе, со-мнѣ-ваться (но „усомненіе“ отъ „усомниться“)...

Посль п (7-6 корней):

пѣг-ій (не путать съ „перо“, „перина“, „пернатый“)...

пѣн-а (не путать съ „пеня“)...

пѣнязь (древняя монета);

пѣстовать (воспитывать; не путать съ „о-пек-а“, „по-печ-еніе“, а также съ „песо-сокъ“ /несмотря на этимологию — хорв. *rijesak/*, „пестъ“, „пестикъ“, „пѣстрый“, „пѣсъ“)...

пѣх-ота, **пѣш-ій**, **о-пѣш-ить** (не путать съ „петля“, „печь“, „печать“, „печаль“)...

спѣ-ть, **спѣ-хъ**, **спѣ-шить**, **у-спѣ-хъ** /хорв. *uspijeh*, удача; *usprjeti*, смочь/...

Въ т. ч. по общему правилу написанія глаголовъ на «-ѣть», см. выше:

пѣ-ть (хорв. *rijevati*), откуда **пѣ-сня** (хорв. *rjesma*; не путать съ „спесь“), **пѣ-тухъ** (не путать съ „перепель“)...

Посль р (20 корней):

рѣ-ять (быстро течь; не путать съ „ремесло“), **рѣ-ка** /хорв. город. *Rijeka/*...

рѣч-ь /хорв. *riječ*, слово/, **на-рѣч-іе** (но: „рек-у“ /хорв. *ja rečem, ti rečeš, on reče*, и т. д./, „из-речь“, „из-реч-еніе“)...

рѣд-кій /хорв. *rijedak/* (не путать съ „ретивый“)...

рѣдка...

рѣз-ать /ср. хорв. *rogičez*, налог/, **рѣз-вый**...

рѣпа (не путать съ „репейникъ“)...

рѣсн-ица...

об-рѣт-тать, **об-рѣс-ти**, **С-рѣт-еніе**, **вс-т-рѣч-ать** (не путать „об-рѣс-ти/об-рѣт-ать“ съ «брести(„итти“)/бродить/бредить»)...

рѣш-ать, **рѣш-ить** /хорв. *riješiti/* про-рѣх-а, рѣш-ето, рѣш-етка...

грѣх-ь /хорв. *griječ/*, **грѣш-ный** (не путать съ „греча“, „гречневый“, а также „грести“, „гребень“, „грезить“, „грѣза“, „грѣмѣть“, „грѣмучій“)...

крѣп-кій /хорв. редк. *krjepak/*, **крѣпиться**...

орѣхъ /несмотря на хорв. *ograh*, ст.сл. *orъxъ/*...

прѣс-ный...; **свирѣп-ый**...; **стрѣл-а**, **стрѣл-ять**...; **стрѣх-а** (кровля), **за-стрѣха** (нижний край кровли)...

Въ т. ч. по общему правилу написанія глаголовъ на «-ѣть», см. выше:

зрѣ-ть, **зрѣ-ніе**, **у-зрѣ-ль**...

прѣ-ть, **прѣ-лый**, **прѣ-ніе** (гніеніе, но: „пре-ніе“, споръ, отъ «переть»)...

Посль с (11 корней):

сѣ-ять /хорв. *sijati/*, **сѣ-мя** /хорв. *sjeme/* (не путать съ „семья“, „семейство“)...

сѣвер-ь /хорв. *sjever/* (не путать съ „севрюга“)...

сѣд-ло, **сѣс-ть**, **бе-сѣд-а** (не „село“, „селить“, „селеніе“)...

сѣд-ой, **сѣд-ѣть** /хорв. *sjediti/*, **со-сѣдъ** /хорв. *susjed/* (не путать съ „седьмой“, „семь“)...

сѣк-у, **сѣч-ь** /хорв. *sješći/*, **сѣч-а**, **про-сѣк-а**, **на-сѣк-омое** (не путать съ лат. „секта“, „секретъ“ и т. д.)...

сѣн-ь /хорв. *sjena/*, **о-сѣн-ять**, **сѣн-и**...

сѣно...

сѣр-ый, сѣр-а (не путать съ „сердце“, „сердить“, „серебро“, „серна“, „серни-на“)...

по-**сѣт**-ить /хорв. *posjeta*, *визит*/, по-сѣщ-ать...

сѣтовать /хорв. *sitan*, *грустный*/...

сѣть, сѣтка...

Посль т (6 корней):

тѣло /хорв. *tijelo*/ (не путать съ „телёнок“)...

тѣнь, с-тѣн-а...

тѣсто...

тѣс-ный (не путать съ „тесить“, „тесло“, также „тетива“, „тёща, тесть“)...

за-**тѣ**-ять, за-тѣ-я (не путать съ „течь“)...

у-**тѣх**-а, тѣш-ить...

Посль ц (7 корней):

цѣв-ка, цѣв-ье...; цѣв-ница (дудка)...

цѣд-ить...

цѣл-ый /хорв. *cijel*/, ис-цѣл-ять, цѣл-овать, по-цѣл-уй...

цѣль /хорв. *cijl*/, цѣлиться...

цѣн-а /хорв. *sjena*/...

цѣп-ь, цѣп-лять, цѣп-ь (не путать съ „церковь“)...

Таблица, съ подсчетомъ корней/основъ, составлена по утвержденному Имп. Мин. Народнаго Просвѣщенія „Учебнику Русской Грамматики“ П. В. Смирновскаго (26-е изд, ок. 1895-1916), съ дополнительными примѣрами, собранными изъ руководствъ и словарей пред-революціоннаго періода. Возможны нѣкоторыя несоотвѣтствія съ данными современной этимологіи.

Буква „ѣ“ не могла стоять на мѣстѣ беглаго „е“ („видень“, „видна“) и чередованія „я-ен“ («имя/имени»), не писалась въ полногласіи «-ере-» и «-еле-» («передъ»), и, по сложившейся традиціи, замѣнялась сочетаніями «-ре-», «-ле-» въ неполногласныхъ славянизмахъ («блескъ», «блестѣть», «время», «млеко»), вопреки старославянской этимологіи, за исключеніемъ вышеперечисленныхъ случаевъ. Спорныя написанія, узаконенныя Гротомъ, включали: «ръдька» (древн. «редька»), «змѣй» (по Ломоносову «змея»), «хмель», «копейка», «клей».

Въ основахъ неславянскихъ слов „ять“ не писался, съ немногими исключеніями, перечисленными выше (къ флексіямъ, разумѣется, это правило не относится). Въ условіяхъ современной русской орѳоэпіи, прежнее правило, что ять не изображалъ въ письмѣ звукъ *e*, переходящій въ *ě*, имѣетъ нѣсколько исключеній: *звѣзды* (множеств. число); *гнѣзда*; *сѣдла*; *цвѣль*; *обрѣль*; *вздѣжка*; *о-(из-)дѣвка*, *-пѣываль*; *запечатльнѣ*; *звѣвѣ*, *-пѣываль*; *загнѣтка*. Во всѣхъ этихъ словахъ *ѣ* стоитъ подъ удареніемъ и читается какъ *ě*. Въ остальныхъ случаяхъ правило остается вѣрнымъ.

Академикъ Я. Гротъ.

„Е“ или „Ѣ“? ¹³

Въ нынѣшней азбукѣ буквы «е» и «ѣ» означаютъ одинъ и тотъ же звукъ: въ ихъ произношеніи нѣтъ ни малѣйшей разницы, чему лучшимъ доказательствомъ служить частое смѣшеніе ихъ: слухъ не доставляетъ никакого указанія для выбора той или другой. Нѣтъ сомнѣнія, что при изобрѣтеніи кириллицы буква «ѣ» представляла особенный отгѣнокъ произношенія звука «е», но впослѣдствіи точное значеніе ея утратилось, и въ каждомъ славянскомъ нарѣчій ей отвѣчаютъ различные звуки и начертанія. За достовѣрное можно только принять, что она нѣкогда изображала долгій гласный.

У насъ буква ѣ имѣетъ тройное употребленіе: 1) въ корняхъ словъ; 2) въ образовательныхъ окончаніяхъ, т. е. суффиксахъ; и 3) въ извѣстныхъ грамматическихъ формахъ и флексіяхъ.

Части слова, въ которыхъ пишется ѣ.

1. ѣ въ корняхъ словъ.

Прежде всего слѣдуетъ показать, въ какомъ мѣстѣ слова и послѣ какихъ согласныхъ появляется «ѣ»:

1). Ею начинаются только два корня, именно:

1. корень словъ: *ѣда*, *ѣмь* (*ѣсть*) и
 рень словъ: *ѣду*, *ѣздить*.

2. ко-

2). ѣ слѣдуетъ за начинающею корень одною согласной, чаще всего за «в», на-
 примѣръ, *вѣра*, потомъ за «с», на-
 примѣръ, *сѣть* и т. д. Такіе корни могутъ быть расположе-
 ны въ слѣдующемъ порядкѣ, по мѣрѣ постепенно уменьшающагося числа первообразныхъ
 словъ, относящихся къ каждому корню:

вѣ [13]: *вѣдаты* (*вѣсть*), *вѣжа*, *вѣжды*, *вѣко*, *вѣкъ*, *Вѣна*, *вѣно*, *вѣра*, *вѣсь*, *вѣтвь* (*вѣроятно*, отъ
вѣтъ, такъ же, какъ и *вѣн-окъ*, *-икъ*), *вѣтъ* (*за-* *на-* *от-* *при-*, *вѣщать*), *вѣха*, *вѣять* (*вѣтръ*).

сѣ [11]: *сѣверь*, *сѣд*(*сѣсть*), *сѣдой*, *сѣку*, *сѣно*, *сѣнь*, *сѣрь* (*сѣра*), *сѣтовать*, *сѣть*, (*по*)*сѣтитъ*,
сѣять (*сѣмя*).

мѣ [11]: *мѣдь*, *мѣль*, *мѣра*, *мѣна*, *мѣситъ*, *мѣсто*, *мѣсяць*, *мѣтитъ*, (*по*)*мѣха* (*мѣшаты*), *мѣхъ*,
мѣшкаты.

рѣ [10]: *рѣдкій*, *рѣдька*¹⁴, *рѣзаты*, *рѣзвый*, *рѣпа*, *рѣять* (*рѣка*), *рѣсница*, (*об*)*рѣту*, *рѣчь*, *рѣшить*.

лѣ [8]: *лѣвый*, *лѣзу*, *лѣкъ* (*лѣкарь*), *лѣнь*, *лѣпитъ*, *лѣсь*, *лѣто*, *лѣха*.

цѣ [7]: *цѣвка*, *цѣдитъ*, *цѣль* (*цѣловаты*), *цѣль*, *цѣна*, *цѣпь*.

тѣ [6]: *тѣло*, *тѣнь*, *тѣсный*, *тѣсто*, (*по*)*тѣха*, (*за*)*тѣять*.

пѣ [5]: *пѣгъ*, *пѣна*, *пѣствовать*, *пѣть*, *пѣх*(*-ота*, *пѣшій*).

бѣ [4]: *бѣгаты*, *бѣда* (*по-бѣда*), *бѣль*, *бѣсь*.

дѣ [4]: *дѣ*(*дѣ-латы*, *дѣ-ю*, *дѣ-ну*, *дѣ-ти*, *дѣтскій*), *дѣва*, *дѣдь*, *дѣлю*.

нѣ [4]: *нѣга*, *нѣмь*, *нѣ*(*нѣ-кто*, *нѣ-который*), *нѣтъ*.

зѣ [3]: *зѣвъ*, *зѣло*, *зѣница*.

Всего — 86 корней.

¹³ По изданію: *Русское правописание. Руководство, составленное по порученію второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. СПб., 1885. С. 55-64.*

¹⁴ Въ древнемъ языкѣ писалось *редька*.

3). Ъ слѣдуетъ за начинающими корень двумя согласными, изъ которыхъ второю чаще бываетъ *плавная, носовая* или *зубная* в, а первую чаще всего гортанная (г, х, к), а затѣмъ зубныя (с, з).

-л [10] блѣдный, Глѣбъ, клѣтъ, плѣнь, плѣсень, плѣшь, слѣдъ, слѣпъ, хлѣбъ, хлѣвъ.

-н [7] гнѣвъ, гнѣдъ, гнѣтитъ (подгнѣта)¹⁵, гнѣздо, Днѣпръ, Днѣстръ, снѣгъ.

-р [4] грѣхъ, крѣпокъ, прѣсень, хрѣнь.

-в [4] звѣрь, свѣжъ, свѣтъ, цвѣтъ.

-м [1] смѣхъ¹⁶.

-п [1] спѣхъ.

Всего — 27 корней.

4). Ъ слѣдуетъ за начинающими корень тремя согласными стр-

стр- [2]: стрѣла и стрѣха.

5). Во второмъ слогѣ коренная «ѣ» является только въ слѣдующихъ словахъ:

послѣ л [5]: желѣзо, калѣка, колѣно, полѣно, телѣга¹⁷.

послѣ р [2]: орѣхъ, свирѣпый.

послѣ в [1]: невѣста.

послѣ и [1]: Онѣга.

Всего — 11 корней.

6). Третій слогъ образуется съ помощію «ѣ» только въ двухъ словахъ

[2]: человѣкъ и печенѣгъ¹⁸.

Всего (въ пунктахъ 1-6) — 128 корней.

Изъ этого обзора видно, что нѣтъ такихъ корней, въ которыхъ буква «ѣ» стояла бы послѣ гортанныхъ, а также послѣ шипящихъ. Не упоминаемъ объ «ф», какъ не встрѣчающемся въ словахъ славянскаго корня.

Два случая измѣненія буквы «ѣ» въ «е». Почти съ самаго начала церковно-славянскаго письменности у Русскихъ, по крайней мѣрѣ уже съ конца XI вѣка, въ рукописяхъ встрѣчается смѣшеніе буквъ «е» и «ѣ». Мало по малу первая вытѣснила послѣднюю изъ двухъ категорій словъ:

а) послѣ р и л, слѣдующихъ за начальною согласной, въ словахъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ соотвѣтственную полногласную форму, т. е. когда сочетанію *лѣ, рѣ* соотвѣтствуетъ въ русскомъ выговорѣ двусложное *ере, оло*, какъ, на примѣръ, въ словахъ: «брѣгъ, брѣза, брѣдъ, врѣмя, прѣдъ, срѣда, влѣку, млѣко». Причина тому ясна: это произошло подъ вліяніемъ русскихъ формъ: *берегъ, береза, вередъ, время, передъ, середка*. Вслѣдствіе этого тому же измѣненію подверглись и такія слова сходной формы, въ которыхъ не обнаруживается полногласія, т. е. стали писать: *блескъ, дремать, преніе, претить, стрекать*, вмѣсто

¹⁵ Корень *гнѣт-* долженъ быть отличаемо отъ *гнет-*.

¹⁶ Въ словѣ *змиѣ* (др.-слав. *зми*) букву *ѣ* нельзя считать коренною, равно и въ словѣ «хмѣль», которое лучше писать *хмель*.

¹⁷ Въ словѣ *лелѣть* второго слога нельзя считать кореннымъ (уже А. А. Потебня справедливо полагалъ, что въ этомъ словѣ произошло удвоеніе корня *ле-* — примѣч. ред.).

¹⁸ Окончанія этихъ словъ принимаемъ какъ принадлежащія къ корню, по трудности опредѣлить ихъ настоящее значеніе.

«блѣскъ, дрѣмать» и т. д. Въ нынѣшнемъ языкѣ, въ большинствѣ подобныхъ словъ, пишутъ согласно съ требованіями производства: *грѣхъ, хрѣнь, хлѣбъ, клѣтъ, плѣнь* (при полногласной формѣ *полонь*), *плѣсень, плѣшь, слѣдъ, слѣтъ*.

б) въ глаголахъ, у которыхъ въ древне-славянскомъ языкѣ хотя коренная форма имѣетъ «е», но которые по закону словообразованія удлиняютъ эту гласную въ «ѣ», какъ, напримѣръ, *гнести* и *гнѣтати, летѣти* и *лѣтати, лежати* и *лѣжати, метати* и *мѣтати, реку, реци, реченіе* и *рѣкати, рѣкъ, рѣчь*. Всѣ эти слова, исключая послѣднее, постоянно пишутся теперь съ «е».

Равнымъ образомъ и во многихъ другихъ случаяхъ русскіе вмѣсто древне-славянской «ѣ» употребляютъ «е»; таковы, напримѣръ, слова: *векша, клей, колебать, мезга, песокъ, семья, темя* и др., которыя въ древне-славянскомъ писались: «вѣкша, клѣй, колѣбать» и т. д.

Наоборотъ, «ѣ» пишутъ теперь въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ его въ древности не было и гдѣ этой буквы по этимологіи не нужно: *рѣдька, рѣшето, рѣшетка* и др. <...>

2. Ъ въ образовательныхъ окончаніяхъ.

Въ нарѣчіяхъ. Буква «ѣ» пишется въ окончаніяхъ нарѣчій: *вездѣ, внѣ, возлѣ, гдѣ, доколѣ, доселѣ, дотолѣ, здѣсь, индѣ, кромѣ, нынѣ, отколѣ, отселѣ, подлѣ, развѣ* и въ произведенныхъ отъ этихъ нарѣчій именахъ прилагательныхъ: *внѣшній, здѣшній, кромѣшній, нынѣшній*.

Кромѣ того, «ѣ» пишется въ нарѣчіяхъ, составленныхъ изъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ въ предложномъ падежѣ: *вдалекѣ, вдвойнѣ, вмѣстѣ* (что, впрочемъ, относится, собственно, къ слѣдующему отдѣлу: о буквѣ «ѣ» во флексіяхъ).

Въ именахъ на «-ѣль» и «-ѣй». Въ окончаніяхъ существительныхъ именъ иногда бываетъ сомнѣніе, писать ли *-ель* или *-ѣль, -ей* или *-ѣй*?

Изъ именъ перваго окончанія «ѣ» пишется только въ словѣ *свирѣль*, да въ названіи мѣсяца: *апрѣль. Колыбель, купель, гибель, обитель, добродѣтель* по церковно-славянски писались съ буквою «ѣ», но у насъ ее замѣнило «е». Такъ же пишутся названія птицъ: *коро-стель* и *свиристель*. Всегда писалось и пишется *постель* и *постеля*, но уже на совершенно другомъ основаніи (отъ глагола *стлать*). О словѣ *хмель* см. *сноску 4*.

Изъ именъ на звукъ «ей» буква «ѣ» является только въ словахъ: *злѣдѣй* (и другихъ того же корня *-дѣ-*) и *змѣй*, хотя Ломоносовъ правильно писалъ «змей», образованное по русской фонетикѣ изъ церковно-славянскаго *змѣй*, какъ изъ *вработѣй, славѣй* — *воробѣй, соловѣй*. Такъ же пишется *иней*.

Нѣтъ основанія писать «ѣ» въ именахъ: *брадобрей*, которое по образованію въ нынѣшнемъ языкѣ сходно съ *водолѣй* (хотя въ древности писали «водолѣй») и *грамотей* (съ греч. *γραμματαεύς*).

Здѣсь же мѣсто упомянуть о словѣ *копейка*, въ которомъ встрѣчается тотъ же дифтонгъ: и въ немъ безъ всякой причины пишутъ большею частью «ѣ».

Въ именахъ собственныхъ. Особенную непослѣдовательность представляютъ заимствованныя изъ другихъ языковъ (особенно изъ греческаго) имена собственные, а отчасти и нарицательныя на *-ей* и *-ѣй*. Съ одной стороны, пишутъ: *Андрей, Тимофей*, съ другой:

Алексѣй, Еремѣй, Елисей, Матвѣй, Сергѣй, при чемъ выставляется правило, что «е» пишется тогда, когда эта буква находится уже и въ подлинномъ иностранномъ имени: Ανδρεας, Τιμοθεος, а «ѣ», когда въ подлинномъ имени *i* или *ai*: Αλεξιος, Ιερεμιας, Ελισσαιος, Ματθαιος, Σεργιος. На этомъ же основаніи пишутъ *апрѣль* (отъ лат. *aprilis*).

Но изъ этого правила допускается множество исключеній, какъ показываетъ общеупотребительная орѳографія слѣдующихъ именъ: *Аггей* (Αγγαιος), *Амплей* (Αμπλος), *Пелагея* (Πελαγια), *Асмодей* (Ασμοδαος), *Фарисей* (Φαρισαιος), *Саддукей* (Σαδδουκαιος), *елей* (ελλαιον), *батарея* (baterie), *лотерея* (loterie).

Отъ *Индія* образованы имена: *индѣецъ, индѣйскій* (съ «ѣ») ¹⁹, а отъ *армія, Библія, линія* — *армейскій, библейскій, линейный* (съ «е»).

Можно, слѣдовательно, принять за общее правило, что въ образовательныхъ окончаніяхъ и въ срединѣ производныхъ именъ пишется дифтонгъ *-ей* и только въ немногихъ вышеисчисленныхъ именахъ — *-ѣй*.

Общее замѣчаніе. Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употребленіе буквы «ѣ» въ корняхъ словъ и въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго вниманія къ правильному его примѣненію. Во многихъ случаяхъ «ѣ» остается воспоминаніемъ первоначальнаго правописанія, въ другихъ языкъ по прихоти или недоразумѣнію удаленъ отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли и нужно, измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково.

3. Ъ во флексіяхъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ:

Въ Предложномъ падежѣ единственнаго числа существительныхъ именъ мужского и средняго рода, въ Дательномъ и Предложномъ падежахъ именъ женскаго рода на *а, я*: *на дворѣ, въ сараѣ, въ селѣ, въ морѣ; рукѣ, башиѣ*.

Сомнѣніе встрѣчается относительно именъ на *-ій, -ія, -іе* или *-ѣе*.

«-іи» или «-іѣ»?

а) *О геніи, Василии, Григоріи?* или «о геніѣ, Василиѣ» и т. д.? Въ древнемъ языкѣ всегда употреблялось окончаніе на *и*, даже и при сокращеніи предшествующаго *i* въ *ь*; нынче же въ послѣднемъ случаѣ пишутъ *-ѣи*: *о Васильѣ, о Григорьѣ*, т. е. употребляютъ обыкновенное окончаніе именъ мужского рода въ Предложномъ падежѣ. При сохраненіи полнаго «*i*» передъ падежнымъ окончаніемъ древняя форма остается неприкосновенною: *о геніи, о Василии*.

б) То же относится и къ именамъ съ женскимъ окончаніемъ Именительнаго падежа единственнаго числа на *-ія, -ѣя*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ Дательномъ и Предложномъ падежахъ *-іи*, напримѣръ *о витіи, въ молніи, къ Софіи, при Наталіи*, а при сокращеніи *i* въ *ь*, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ, при Натальѣ*, т. е. такъ же, какъ въ нарицательныхъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ: *къ судьѣ, въ скуфьѣ, о семьѣ* и т. д.

¹⁹ Формы: *индѣецъ, индѣйскій* относятся къ американской Индіи. Въ отношеніи къ Остѣ-Индіи предпочитаютъ формы: *индіецъ, индійскій*.

Смѣшивая «е» съ «і», нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: «по аллеи, въ идеи» вмѣсто *по аллеѣ, въ идеѣ* (мимоходомъ можно упомянуть и о встрѣчающемся, сходно съ этимъ, невѣрномъ правописаніи: «къ обѣдни» вмѣсто *къ обѣднѣ*, «на недѣли» вмѣсто *на недѣль*).

«-іи» или «-ѣѣ»?

в) Писать ли: о здоровѣѣ, въ счастѣѣ, на безлюдѣѣ, въ кушанѣѣ, въ имѣнѣѣ или *о здоровьи* и т. д.?

И здѣсь, какъ въ именахъ мужского рода, нѣкогда являлось только окончаніе на «и»; во многихъ случаяхъ эта старая форма уцѣлѣла и въ нынѣшнемъ языкѣ, но рядомъ съ нею употребляется, при сокращеніи *і* въ *ѣ*, обыкновенная форма Предложнаго падежа именъ средняго рода на *о* или *е*, т. е. окончаніе *ѣ*. Мы говоримъ исключительно: о *копѣѣ*, при *ружѣѣ*, въ *платѣѣ*, о *житѣѣ-бытѣѣ*, но говоримъ двойко: въ *забытѣѣ* и въ *забытѣѣ*, на *новосельѣѣ*, въ *имѣнѣѣ*, о *здоровѣѣ* и — на *новосельѣѣ*, въ *имѣнѣѣ*, о *здоровѣѣ*.

Ѣ въ мѣстоименіяхъ и числительныхъ.

Въ склоненіи мѣстоименій и именъ числительныхъ:

Въ Дательномъ и Предложномъ падежахъ мѣстоименій *я, ты, себя: мнѣ, тебѣ, себѣ*.

Въ Творительномъ падежѣ мѣстоименій: *кто, что, тотъ, весь: кѣмъ, чѣмъ, тѣмъ, всѣмъ*, и во всѣхъ падежахъ множественнаго числа двухъ послѣднихъ: *тѣ, тѣхъ, тѣмъ, тѣми, всѣ, всѣхъ, всѣмъ, всѣми*.

Въ Именительномъ падежѣ множественнаго числа женскаго рода мѣстоименій: *онѣ*, и именъ числительныхъ: *двѣ, обѣ*.

Во всѣхъ падежахъ множественнаго числа числительныхъ женскаго рода: *однѣ, однѣхъ, однѣмъ, однѣми; обѣ, обѣихъ, обѣимъ, обѣими*.

Ѣ въ сравнительной степени.

Въ окончаніяхъ сравнительной степени прилагательныхъ: на *-ѣе, -ѣй, -ѣйшій*: *бѣлѣе, бѣлѣй, бѣлѣйшій* и т. п. Также въ сокращенныхъ формахъ: *болѣ, менѣ* (вопреки церковно-славянскимъ формамъ *болѣе, мѣне*) и *долѣ, тяжелѣ*.

Формы *тяжелѣ* нельзя приравнивать къ окончанію сравнительныхъ другой категоріи на *-е*, съ умягченіемъ предшествующей согласной, или на *-ше*, напримѣръ *дороже, дешевле, крѣпче, раньше, горше*; къ той же категоріи принадлежитъ произведенная прямо отъ корня, хотя и безъ умягченія согласной, форма *шире*.

Ѣ въ глаголахъ.

Въ глаголахъ на *-ю, -ѣшь* (напримѣръ *грѣю, грѣть, грѣть, имѣю, имѣть, имѣть*) буква «ѣ» удерживается во всѣхъ наклоненіяхъ и временахъ всѣхъ видовъ, а также и въ отглагольныхъ и производныхъ отъ нихъ именахъ: *умѣю, умѣть, недоумѣваю, умѣлый, разумнѣе; смѣть, смѣлый; тлѣть, тлѣнный*.

Отъ глагола *бритъ* невѣрно образуется основа настоящаго съ буквою «ѣ». Слѣдуетъ писать: *брею, брей, брадобрей*, какъ отъ *битъ* — *бей*, отъ *литъ* — *лей, водолей* (хотя въ церковно-славянскомъ: «лѣй, водолѣй»).

Глаголы: *пѣть, състь*, также подобные глаголамъ: *смотрять, смотришь, звенѣть, звенишь, шумѣть, шумишь, летѣть, лѣтишь* и т. д. имѣють «ѣ» въ неопредѣленномъ наклоненіи, въ прошедшемъ времени изъявительнаго наклоненія и причастія, въ существительныхъ отглагольныхъ и въ производныхъ отъ нихъ:

Пѣть, пѣль, пѣтый; пѣніе, пѣснь, пѣвецъ, пѣвчій, пѣтухъ.

Състь, съль, съвшій; съдалище, съдло, насъдка, сосъдь.

Сидѣть, сидѣль; сидѣніе, сидѣлецъ, посидѣлка.

Разсмотрять, разсмотрѣнь; разсмотрѣніе.

Впечатлѣть, впечатлѣніе; цѣпенѣть, оцѣпенѣніе.

Видѣть, видѣль, видѣвшій, видѣнный; видѣніе.

Больѣть, больѣль; забольѣвать, больѣзнь, собольѣзованіе.

Велѣть, велѣно; повелѣніе.

Зрѣть, призрѣть, призрѣвать, призрѣнь, презрѣнный, подозрѣвать, подозрѣніе; заподозрѣть, заподозрѣнь, заподозрѣвать.

Терпѣть, претерпѣнный, терпѣливый. (Но *страстотерпецъ, ясновидецъ* по причинѣ суффикса *-ецъ* съ бѣглымъ *е*).

«Виденѣ» и «боленѣ». Прилагательныя *виденѣ* и *боленѣ* образованы прямо отъ корней *-вид-* и *-бол-*, а не отъ глаголовъ: *видѣть* и *болѣть*. Это краткія формы, отвѣчающія полнымъ прилагательнымъ: *видный* и *больной*; женскаго рода: *видна, больна*; средняго: *видно, больно*; множественнаго числа: *видны, больны*. Ясно, что въ мужскомъ родѣ единственнаго числа *виденѣ, боленѣ*, звукъ «е» замѣняетъ полугласный «ь» для удобства выговора, какъ въ *вѣренѣ, доволенѣ* (вмѣсто *вѣрьнѣ, довольнѣ*), а бѣглый звукъ «е» не можетъ быть передаваемъ буквою «ѣ». Что слово *виденѣ* — прилагательное, а не причастіе, явствуетъ изъ того, что оно можетъ сочетаться только съ Дательнымъ падежемъ, на вопросъ: *кому?*; причастіе же *видѣнный* требуетъ Творительнаго на вопросъ: *кѣмъ?* Безъ представки [приставки] это причастіе неупотребительно въ краткой формѣ («видѣнѣ»), но въ полной: *видѣнный* оно встрѣчается у лучшихъ писателей, на примѣръ у Жуковскаго: «Огонекъ, пробужденный всѣмъ *видѣннымъ* въ этотъ день».

Окончанія «-ѣніе» и «-еніе». ѣ сохраняется и въ существительныхъ, произведенныхъ отъ глаголовъ церковно-славянскаго языка: *вѣдѣти* — *вѣдѣніе*; *свѣдѣти* — *свѣдѣніе*; *мнѣти* — *мнѣніе, сомнѣніе (сомнѣваться)*.

Но старинное «прѣніе» отъ глагола *прѣтися (прюся)* у насъ передѣлано въ *преніе* не столько по привычкѣ измѣнять *ѣ* на *е* послѣ *р* (см. выше: «Два случая измѣненія буквы *ѣ* въ *е*»), сколько по производству этого существительнаго отъ глагола *переть* (ср. *соперникъ*) и въ отличіе отъ другого существительнаго *прѣніе*, отъ глагола *прѣть*.

Вообще существительныя подобнаго образованія, произведенныя отъ глаголовъ, не имѣющихъ «ѣ» въ своей основѣ, оканчиваются на «-еніе», на примѣръ, *томленіе, одобреніе, благоволеніе, треніе, бореніе*. Онѣ образуются большею частью при посредствѣ страдательныхъ причастій на «-енѣ». На этомъ основаніи слѣдуетъ также писать: *затменіе* (отъ *затмить*, чрезъ посредство предполагаемаго, хотя и неупотребительнаго причастія «затменѣ»), *надменный* (отъ *дмить*).

Андрей Митинъ. ВѢКА И ВѢХИ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

На многіе процессы, идущіе въ современномъ языкѣ, можно взглянуть совсѣмъ другими глазами, если прослѣдить за тѣмъ, какъ русское правописаніе мѣнялось въ теченіе вѣковъ.

Только за XX вѣкъ кардинальныхъ измѣненій было нѣсколько, изъ нихъ кардинальнѣйшее прошло аккуратъ въ славную революціонную пору (хотя и было подготовлено еще славистами Россійской Имперіи). Слѣдующее грянуло въ срединѣ 1950-хъ годовъ. Были легкіе споры вокругъ якобы назрѣвшихъ дальнѣйшихъ измѣненій въ 60-е и 70-е. Къ 80-мъ порохъ въ пороховницахъ у научной общественности изсякъ въ связи съ тѣмъ, что на горизонтѣ жизни возникли новыя, «болѣе важныя» дѣла – политическія и экономическія.

Сей-часъ, когда капиталистическія отношенія въ обществѣ въ цѣломъ утрясены, умами вновь овладѣваетъ старая напасть: какъ сдѣлать такъ, чтобы измѣнившійся и продолжающій ежегодно мѣняться языкъ сталъ «ближе къ жизни». Мы всѣ слышали о томъ, что группа лингвистовъ Россійской Академіи Наукъ подготовила проектъ измѣненій въ правописаніи, что Государственная Дума вотъ-вотъ приметъ законъ о русскомъ языкѣ (а вѣрнѣе сказать, начнетъ скрещивать вокругъ него копыя). Эхъ, и долго же это будетъ тянуться!..

А пока сравнимъ и посмотримъ, стоило-ли вообще что-то реформировать.

Современное написаніе – «Микеланджело». А еще въ 1900 г. писали: *Микель-Анджело*. То же самое и съ Леонардо да Винчи – *Леонардо-да-Винчи*. Писатель Золя былъ ранѣ извѣстенъ по-русски какъ *Зола*.

Частицы *же, ли, бы* писались съ дефисомъ: *тѣхъ-же, такъ-ли, хотель-бы*.

То есть, которое сей-часъ сокращается вотъ такъ: *т. е.*, раньше существовало въ другой формѣ: *т.-е. (то-есть)*.

Съ другой стороны, *что-либо* писалось безъ дефиса: *что либо*.

Вотъ такъ писались нѣкоторыя слова – всего вѣкъ назадъ: *выйдти, сумѣть, расти, мачиха, миѡъ, іота*.

Приставки *без-* и *воз-, раз-, из-* передъ *с* – не оглушались. Поэтому многія знакомыя намъ слова писались вовсе не такъ, какъ слышались и произносились: *изслѣдованія, возстановленіе, безконечность*.

Буква «ъ» – нынѣшній твердый знакъ – ставилась послѣ каждаго слова, оканчивающагося на твердую согласную. Въ наслѣдство отъ прошлыхъ вѣковъ языку досталась буква *ять*, похожая на твердый знакъ, но съ болѣе высокимъ «хохолкомъ», вотъ такая: Ъ – она ставилась во многихъ словахъ тамъ, гдѣ сей-часъ стоитъ *е*, и нерѣдко служила для смыслоразличенія: *всѣ – всъ (сейчасъ всъ все узнають)*, *село – съло (солнце съло за село)*, *мѣль – мьль (мель полы да и нашель мьль)*, *нежить – нѣжить (какъ не противно ему нежить такую нѣжить)*. Именно отмѣна ятей до глубины души возмутила въ 1917 г. почти всѣхъ писателей, въ особенности – чуткихъ къ слову поэтовъ. Въ словахъ же, пришедшихъ изъ греческаго, часто вмѣсто *ф* стояла «ѡита» – Ѳ, похожая для насъ на перечеркнутую *О* или на компьютерный ноликъ.

Достойное мѣсто занимала нынѣ латинская *i*: вѣкъ назадъ, да какой тамъ вѣкъ – еще восемьдесятъ лѣтъ назадъ она входила въ русскій алфавитъ и называлась «і десятеричное» (буква *и* называлась «и восьмеричное»). Когда съ нѣкоторой запинкой читаешь книги дореволюціонной поры, порой трудно избавиться отъ ложнаго впечатленія, что передъ глазами современный украинскій текстъ, – такъ щедро разсыпаны повсюду *i*. И правило для этой буквы было простымъ: *i* ставилась всегда передъ гласными или *й*.

Слово *идти* вплоть до середины 50-х гг. писалось какъ *итти* (сегодня компьютерные программы проверки орфографии воспринимают это какъ ошибку).

Однимъ изъ любопытныхъ архаическихъ правилъ (знатоки польскаго языка не дадутъ соврать – у поляковъ это еще сохранилось) было слѣдующее: форма множественнаго числа женскаго рода отличалась отъ множественнаго числа мужскаго и средняго рода. *Они, свѣтила*, – но *онѣ, звѣзды*.

Окончания прилагательныхъ тоже были другими. Къ примѣру, родительный падежъ мужскаго и средняго рода былъ такимъ: «*мужескаго, средняго*» (вновь бастуетъ современный орфоконтроль). Окончание множественнаго числа женскаго рода въ именительномъ падежѣ – «*мягкія подушки*», «*разныя вещи*».

Зато букву *ѣ*, какъ и сей-часъ, не жаловали и писали исключительно при необходимости.

Многія слова, заимствованныя еще въ XIX вѣкѣ и ранѣе изъ латыни и греческаго, писались съ удвоенными согласными. Сей-часъ онѣ «уплотнились». Вотъ, къ примѣру: *агрегатъ, конкуренція, гримировка, оффиціальный, агрессивный*. Коварный «коллекжскій ассессоръ» былъ не столь страшенъ гимназистамъ, сколь современнымъ школьникамъ, потому-что принято было написаніе *ассессоръ*.

Реформа Временнаго Правительства послѣ февральской революціи 1917 г. многое унифицировала и свела къ примитиву. Многія ея положенія, которыя до сихъ поръ оспариваются, сослужили дурную службу какъ языку, такъ и русской культурѣ. Теперъ отвлекающее отъ смысла дополнительное усиліе часто требуется при чтеніи для распознаванія омонимичныхъ словъ – тогда какъ въ дореволюціонной орфографіи отличія были четко видны. Исчезла уникальность, появилась типовая, стандартная, порою слишкомъ однообразная кириллица.

Напрочь позабыто правило написанія приставокъ *не-* и *нѣ-*. Если первая обозначала категорическое отрицаніе: *нечистъ, нелѣпый, неяркій* и т.д., то *нѣ-* давала значеніе «смутность, неопредѣленность, неясность» и писалась въ такихъ словахъ, какъ *нѣкто, нѣчто, нѣкоторый*... Правила, касающіяся этихъ приставокъ, были четкими, логичными и, не побоюсь сказать, красивыми.

Есть вещи, о которыхъ до сихъ поръ жалеютъ любители русскаго языка всѣхъ временъ и народовъ. Напримѣръ, слово *миръ*. Раньше, когда смыслоразличеніе происходило на уровнѣ правописанія, *миръ* былъ антонимиченъ войнѣ, а *міръ* означалъ вселенную, общество, общность и содружество всѣхъ людей. Сей-часъ и то, и другое произносится и пишется одинаково...

Напоследокъ всего одна фраза изъ сборника «Вѣхи». Полюбуйтесь на забытыя нынѣ буквы, оцѣните льющіяся слова:

...Но сей-часъ мы духовно нуждаемся въ признаніи самоцѣнности истины, въ смиреніи передъ истиной и готовности на отреченіе во имя ея...

Особенно хорошо: «во имя ея»!

Архієпископъ Аверкій (Таушевъ). Къ вопросу о Старой и Новой Орфографіи.

Только старая орфографія и есть въ собственномъ смыслѣ слова *орфо*-графія, или *право*-писаніе, а та порча русскаго правописанія, которая насильственно введена въ употребленіе большевиками въ поработанной ими Россіи въ декабрь 1918 года (черезъ годъ послѣ захвата ими власти), не можетъ и не должна претендовать на то, чтобы именоваться *право*-писаніемъ, а есть только искаженіе правописанія.

Вопросъ орфографіи совсѣмъ не такъ простъ, и нельзя подходить къ нему такъ легко и «рубить сплеча», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые любители всякихъ реформъ въ наше исполненное легкомыслія и несерьознаго отношенія къ серьезнымъ вещамъ лукавое время. Для вѣрующихъ русскихъ людей наша исконная русская орфографія тѣсно связана съ нашею святою вѣрой и Церковью. Вѣдь тѣ самыя буквы: ять, «і», «ъ», ѿита и ѵжица, на которыя съ такою ненавистью обрушились большевики, что даже по типографіямъ посылали своихъ агентовъ, дабы изъять эти буквы изъ шрифтовъ и уничтожить ихъ, — достались намъ какъ тысячелѣтнее наслѣдство нашихъ великихъ просвѣтителей, родоначальниковъ общеславянской культуры — свв. равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Эти буквы не могутъ не быть дороги намъ, ибо онѣ насъ связываютъ съ нашимъ священнымъ богослужебнымъ церковнославянскимъ языкомъ, со всею нашею св. Церковью, — Церковью, насажденной, вскормленной и вспоенной многовѣковою русской культурой.

Грамоту дала намъ наша св. Православная Церковь, и потому недопустимо помимо Церкви рѣшать вопросы орфографіи, произвольно признавая тѣ или другія буквы нашего алфавита «устаревшими» и «ненужными».

То, что это сдѣлали безбожники-большевики насильственнымъ путемъ (и то только черезъ годъ послѣ своего прихода къ власти), введшіе въ Россіи такъ называемую «новую орфографію», насъ не удивляетъ. Вѣдь большевики открыто поставили себѣ задачей не только полный разрывъ съ Церковью, но и борьбу съ нею, вплоть до окончательнаго ея уничтоженія. Они же задалась цѣлью порвать со всѣми историческими традиціями православнаго русскаго народа, отвергнуть все, чѣмъ жила наша Родина на протяжении цѣлого тысячелѣтія своей исторіи, оплевать все ея культурно-историческое прошлое и, разрушивъ, какъ они горделиво и надменно провозглашали, «старый» міръ, создать свой собственный «новый».

Какой это новый міръ они замышляли создать, это мы теперь видимъ! Однимъ изъ характернѣйшихъ атрибутовъ этого «новаго міра» и является такъ называемая «новая орфографія». Эта «новая орфографія» является, безспорно, однимъ изъ крупнѣйшихъ «завоеваній» революціи, однимъ изъ видныхъ «достиженій» безбожной и антирусской совѣтской власти.

Пусть не говорятъ, что эта «новая орфографія» была разработана еще въ царское время и будто-бы даже прежней Россійскою Академіею Наукъ. Развѣ большевицкія настроенія и мечты о разрушеніи стараго міра явились у насъ только съ 1917 года? Развѣ страшной разрушительной силы подрывная работа противъ всѣхъ нашихъ исконныхъ культурныхъ цѣнностей не велась у насъ еще задолго до этой мрачной даты?

Фактомъ остается то, что этой реформы не провело наше царское правительство; несмотря на всѣ господствовавшія у насъ въ послѣднее время «либеральныя» идеи, не смогло провести этой реформы правописанія даже Временное правительство въ самомъ 1917 году, когда распоряженіе его о введеніи «новой орфографіи» не было принято русскимъ народомъ, и повисло въ воздухѣ.

Провели эту «реформу» только большевики, почему эта «новая орфографія» по всей справедливости и должна именоваться «большевицкой», или «совѣтской», какъ многіе русскіе люди ее и называютъ, — тѣмъ болѣе, что она по духу своему, по идеѣ въ нее вложенной, вполне отвѣчаетъ замысламъ большевиковъ, злобныхъ отрицателей и разрушителей всего стараго.

Характерно, что вся русская эмиграция, церковно и национально настроенная, до 1945 года бережно хранила старую орфографию и этим отличались все ее издания за границей — в отличие от изданий пробольшевицких, выходивших за рубежом с большевицкими пропагандными цѣлями. С любовью хранила у себя старую орфографию и патриотически настроенная Карпатская Русь, входившая в эти годы в состав Чехословакии и все время борющаяся за свои национально-культурные права. А кто прожил годы эмиграции в Болгарии, тот помнит, как пришедшее там к власти прокоммунистическое правительство Стамболийскаго, первым долгом позаботилось выбросить из болгарскаго алфавита, столь близкаго к русскому, буквы ять и «ѣ». Смѣнившее его потом болѣе правое правительство Цанкова букву ять восстановило, но новое коммунистическое правительство в 1945 году опять ее упразднило.

Весьма важно знать и помнить вот еще что. Православная вѣра и кровное дѣтище ея — «кириллица», какъ обыкновенно именуется наше старое правописание, нѣкогда духовно объединяли собою все славянство. Потому-то враги Православия и славянства направили на нихъ главныя свои нападки. И во многомъ, увы, успѣли. Часть славянъ насильственно совсѣмъ была обращена в латинство и одновременно потеряла свою родную историческую кириллицу, замѣненную у нихъ латинскимъ алфавитомъ (чехи, поляки, хорваты), а среди остальныхъ славянъ, сохранившихъ вѣрность св. Православию, все время дѣлались и дѣлаются попытки эту кириллицу какъ-то исказить и изуродовать, цѣлью чего, конечно, является стрѣмленіе общенародную культурную жизнь какъ можно дальше увести отъ Церкви, черезъ разрывъ съ употребляемымъ въ Церкви церковнославянскимъ языкомъ.

Въ этомъ отношеніи характерна сербская реформа Вука Караджича, агента австро-венгерскаго правительства, стрѣмившагося оторвать Сербию отъ духовно-культурнаго общенія съ Россіей, который ввелъ въ кириллицу, употреблявшуюся сербами, совершенно новыя, чуждыя ей буквы, упразднивъ многія старыя и въ томъ числѣ букву ять.

А между тѣмъ, для каждаго мало-мальски знающаго славянскіе языки и нарѣчія ясно, что буква ять — совсѣмъ не лишняя буква в общеславянскомъ алфавитѣ. У разныхъ славянскихъ народовъ и племенъ и въ разныхъ нашихъ російскихъ говорахъ она произносится неодинаково и съ разными оттенками. Такъ, если великороссы произносятъ ее какъ «е», малороссы выговариваютъ ее какъ «і»; у поляковъ она выговаривалась какъ «я», у сербовъ и чеховъ какъ «іе»; у болгаръ какъ «е», иногда переходящее в «я». Такимъ образомъ, эту букву вполне справедливо было бы разсматривать какъ объединяющее звено, духовный символъ единенія всѣхъ славянскихъ племенъ и народностей.

Спрашивается: во имя чего же тогда ведется такая упорная борьба противъ этой столь типичной для общеславянской грамоты буквы? Трудности ея употребленія безмѣрно и тенденціозно преувеличены, а между тѣмъ вѣдь она является отличительнымъ знакомъ многихъ корней словъ, безъ нея утрачивающихъ свой смыслъ и значеніе, и потому затрудняющихъ пониманіе написаннаго. Объ этомъ столько уже писалось и говорилось, что только завѣдомо предубежденный человекъ можетъ не принимать этого во вниманіе. Ну, какъ, напримѣръ, можно писать одинаково такія совершенно различныя по смыслу слова, какъ: «ѣсть» и «есть», «осѣль» и «осель», «все» и «всѣ» и т.п.?

Почему такая ненависть противъ буквъ ѳита и ѵжица, когда употребленіемъ этихъ буквъ отмѣчается заимствованіе словъ съ этими буквами изъ греческаго языка — языка той высококультурной страны, которая дала намъ, русскимъ людямъ, и вѣру нашу православную, и основы нашей собственной культуры?

А такихъ словъ въ русскомъ языкѣ не мало, и пользованіе ими неизбежно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ степень культурности употребляющаго ихъ человека.

Не будемъ вновь и вновь повторять здѣсь то, что много разъ уже говорилось о значеніи другихъ буквъ нашего алфавита, выброшенныхъ большевицкою реформой 1918 года, а подчеркнемъ лишь, что эта реформа ничего общаго не имѣла съ данными серьезной филологической науки, а шла лишь навстрѣчу лѣности и невѣжеству, согласуясь съ модными революціонными стрѣмленіями разрушить «старый міръ». Она и не научна, и не практична, по-

тому-что только поощряеть безграмотность и не даетъ права писать, какъ говоришь (подобно сербской реформѣ Вука Караджича).

Успѣхъ и распространеніе этой такъ называемой «новой орѳографіи» въ большевицкое время тѣмъ и объясняется, что власть захватили въ свои руки въ массѣ и на мѣстахъ, главнымъ образомъ, подонки русскаго народа, иноплеменники и иностранцы – люди совершенно безграмотные, въ интересахъ которыхъ и было эту свою безграмотность навязать всему русскому народу. Они-то съ особою ревностью и усердіемъ ее и насаждали!

Имъ, безбожникамъ и «интернаціоналистамъ», чужды были религіозные и національные идеалы и интересы православнаго русскаго народа, и они жестокой и безжалостною рукою искореняли все, что связывало русскій народъ съ его церковнымъ и культурнымъ историческимъ прошлымъ, съ ненавистью относясь къ такому великому наслѣдію полученнаго нами отъ свв. равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія христіанскаго просвѣщенія, какимъ была наша исконная, старая орѳографія.

Пусть намъ не говорятъ, что и это наслѣдіе на протяженіи вѣковъ подверглось нѣкоторымъ естественнымъ (не насильственно проведеннымъ) измѣненіямъ и что наша гражданская азбука отличалась отъ церковнославянской; все это весьма далеко отъ той грубой насильственной ломки, которую произвели въ 1918 году большевики. И ужъ совсѣмъ странно намъ сочувственно относится къ этому чисто большевицкому «достиженію»!

Сторонникамъ такъ называемой «новой орѳографіи» мы не можемъ не посовѣтовать задуматься надъ тѣмъ, почему-это ни французы, ни англичане съ американцами не заводять у себя своей «новой орѳографіи», хотя у нихъ едва-ли не большинство словъ пишутся совершенно иначе, нежели онѣ произносятся, и многія буквы совсѣмъ никакъ не выговариваются, а между тѣмъ продолжаютъ, по традиціи, писаться? И они съ любовью хранятъ и изучаютъ свою традиціонную старую орѳографію, представляющую для нихъ несомнѣнно гораздо большія трудности, чѣмъ наши буквы «ѣ», «і», «ъ», «ѳ» и «ѵ».

Наша русская буква ять представляла собою неодолимая трудности только для безнадежныхъ тупиць среди учащихся, какъ остроумно указалъ на это одинъ изъ членовъ комиссіи, обсуждавшей вопросъ о переходѣ на новое «правописаніе». «Старо предлагаемое “новое” правописаніе, – сказалъ онъ, – оно искони гнѣздилося на заднихъ партахъ у лѣнтяевъ и неспособныхъ» (см. воспоминаніе нашего писателя И. О. Шмелёва въ журналѣ: «День русскаго ребенка» за 1949 годъ).

Создать новое правописаніе на чисто-фонетическихъ основахъ при всемъ разнообразіи русскихъ говоровъ на громадныхъ пространствахъ нашей Родины – задача совершенно неосуществимая; потому нѣтъ никакой надобности стрѣмиться къ подобнаго рода реформамъ, которыя вносятъ только разруху и неразбериху въ нашу культурную жизнь, а надо держаться стараго и испытаннаго.

Если большевики во имя своей лютой ненависти къ всему историческому прошлому нашей Родины стрѣмились разрушить все старое и ввести «новое», то мы, православные русскіе люди, изъ одной только любви и уваженія къ всему тому свѣтлому и прекрасному, чѣмъ жила и дышала на протяженіи многихъ столѣтій наша матушка-святая Русь, не можемъ не дорожить этимъ старымъ, не можемъ не цѣнить всего того, что такъ тѣсно связано съ нашимъ прошлымъ, съ нашими вѣковыми историческими традиціями, а въ особенности съ нашей св. Православною Церковью, которой мы обязаны всемъ лучшимъ и возвышеннѣйшимъ, что имѣемъ, и что составляетъ наше кровное національное достояніе, въ томъ числѣ и старую орѳографіей.

Вѣрность родной странѣ, вѣрность церковнокультурнымъ цѣнностямъ и вѣковому традиціонному историческому прошлому – вотъ что должно быть написано на знамени каждаго подлиннаго русскаго патріота, преданнаго своей св. Церкви.

Отъ составителя. Краткія Правила Русской Національной Орфографіи.

Вводныя Замѣчанія.

Данныя правила являются обобщеніемъ свѣдѣній о старой нашей орфографіи, собранныхъ на просторахъ *Internet* и изъ прочихъ источниковъ. Правила записаны такимъ образомъ, что они представляютъ собою 15 пунктововъ, въ которыхъ собрано, повидимому, 95 процентовъ того, что отличаетъ русскую національную кириллическую (дореволюціонную) орфографію отъ современнаго „правописанія“. Самый же вопросъ о томъ, какая орфографія „лучше“ — здѣсь детально не разсматривается. Скажемъ лишь, что данныя правила, какъ видно, укладываются шрифтомъ 12-рѣ всего-лишь на листъ формата А4. Остальное мѣсто (Приложенія 1, 2) занимаютъ корни съ буквою Ъ (ять) и слова съ буквой Ѡ (ѡита).

Корней съ Ъ чуть больше ста, но будучи сгруппированы въ смысловыя и/или этимологическія группы, они выглядятъ не такъ „страшно“, и при болѣе-менѣе регулярномъ просмотрѣ даннаго текста, сопровождающимся чтеніемъ книгъ стараго изданія — всѣ запоминаются за двѣ-три недѣли. Самыя правила и корни съ Ъ свѣрены по стереотипному изданію „Учебника Русской Грамматики“ извѣстнаго русскаго лингвиста П. В. Смирновскаго (изд. 1915 г.). Эту утвержденную Ученой Комиссіей Мин. Нар. Просв. грамматику, по которой учились два послѣднихъ поколѣнія русской дореволюціонной интеллигенціи, слѣдуетъ оттого считать наиболѣе близкою къ той самой „литературной нормѣ русскаго языка“, которою знаменита вся наша великая литература XIX столѣтія.

Правила строги и непротиворѣчивы: *всѣ* исключенія перечислены и согласованы, и, по мѣрѣ возможности, объяснено, откуда они взялись (ибо для каждаго исключенія существуетъ свое маленькое правило).

Теперь немного объ идеологіи правописанія. Основнымъ его принципомъ является принципъ *морфологическій*, т. е. призывающій писать *всѣ* производныя отъ даннаго корня аналогично тому, какъ пишется то слово-корень, отъ котораго первыя происходятъ (*тьсть* — *тъда*, *объдѣ*, *медвѣдѣ*; *міръ* — *міропониманіе*, *міровой*; др. рус. *стѣчи* — *стѣчь*, *стѣченіе*, *застѣчка*, *разстѣкать*). Принципъ этотъ также устанавливаетъ желательность одинаковаго написанія тѣхъ вспомогательныхъ частей словъ (морфемъ), которыя сами по себѣ не несутъ смысла (приставки, суффиксы, окончанія), но служатъ инструментомъ словообразованія. Принципъ *фонетическій* требуетъ написанія словъ въ соотвѣтствіи съ ихъ произношеніемъ (*за-+утро* — *завтра*; *со-+уза* — *союзъ*; чередованія вродѣ: *раз-* — *рас-*, *из-* — *ис-*, и проч.). Ясно, что это — подчиненный принципъ, оправдывающій повсемѣстное фонетическое правописаніе нѣкоторыхъ формъ и словъ, которое устанавливалось спонтанно, въ отсутствіи единыхъ общихъ правилъ, по произволу. Также онъ требуетъ устраненія изъ орфографіи такъ наз. „отжившихъ“ и „архаичныхъ“ формъ, буквальное (побуквенное) произношеніе которыхъ „сильно отдалилось“ отъ „общепринятаго“ разговорнаго произношенія. Однако, въ филологіи не уточняются ни критеріи „устарелости“ тѣхъ или иныхъ формъ и словъ, ни то, посредствомъ чего они могутъ быть установлены — и это свидетельствуетъ о слабости науки о языкѣ какъ таковой, не обладающей должными инструментами моделированія своихъ теорій о „наслѣдственности“ и „измѣнчивости“ всякаго живого языка. Къ тому же, фонетическій принципъ неизбежно конфликтуетъ съ третьимъ базовымъ принципомъ правописанія, *традиціоннымъ*. Этотъ послѣдній утверждаетъ необходимость удерживать устоявшіяся правила, поскольку это именно *правила*, т. е. то, что принято, понято, и повседневно используется тысячами людей, принадлежащихъ разнымъ возрастнымъ, региональнымъ и профессиональнымъ группамъ. Традиціонный принципъ требуетъ хотя даже условной, но унификации и пріемственности письма (ср. съ написаніемъ окончаній *-аго*, *-яго*, *-его*, *-ого* прилагательныхъ, въ которыхъ пишутъ букву „г“, а не „в“).

Итакъ, мы видимъ, что русское національное правописаніе имѣетъ своими главными принципами морфологическій и традиціонный, а фонетическій принципъ носить подчиненный характеръ, его наличие есть какъ-бы нѣкая уступка съ стороны неизмѣнной базисной части орфографіи тому новому, что пришло въ языкъ и его орфоэпію (литературное произношеніе) съ новыми поколѣніями людей, и смогло стать общимъ, обязательнымъ для всѣхъ, и принято всѣми. Такъ, слова *итти*, *чортъ*, *попрежнему* теперь пишутся иначе, чѣмъ 60-70 лѣтъ назадъ. Происходитъ эта уступка не по чьему-либо указанію, она является слѣдствіемъ взаимодействія тысячъ людей, цѣлаго народа, использующаго данный языкъ. Это квазистатическій процессъ, изъ тѣхъ, съ которыми оперируетъ классическая термодинамика. Резуль-

татъ въздѣйствія отдѣльной личности имѣетъ значеніе постольку, поскольку суммарное, общее въздѣйствіе жизненной силы цѣлаго народа на языкъ приводитъ къ измѣненію послѣдняго, хотя-бы даже незначительному измѣненію, но общепризнанному. Накапливаясь столѣтіями, подобныя измѣненія мѣняютъ обликъ языка, но не его идеалогію и не его основу, которая скачкомъ могутъ мѣняться лишь когда языкъ и его народъ-носитель претерпѣли сильнѣйшее, затронувшее всѣ области жизни потрясеніе. Подобное и произошло съ русскимъ народомъ и русскимъ языкомъ въ началѣ XX вѣка...

Объ обозначеніяхъ въ текстѣ: основной текстъ набранъ гарнитурой Old Times, курсивомъ выдѣлены примѣры (которые, конечно-же, не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ примѣненія того или иного правила), и, наконецъ, шрифтомъ Old Arial набраны самыя буквы и/или слова, правописаніе которыхъ устанавливается конкретнымъ правиломъ.

Правила Русской Орѳографіи.

1. Буква і (десятеричная) пишется передъ гласными и въ словѣ міръ („вселенная, планета“): *вліяніе, акція, приѣздъ*. Буква и (й) осьмеричная – передъ согласными: *миръ* („покой, невражда“), *бензинъ, райскій, привлечь*.²⁰
2. Въ концѣ словъ, оканчивающихся твердымъ согласнымъ, если это не нарѣчіе (*вскачь, навзничъ*) и не существительное III склоненія (*рожь, мышь*), и гдѣ теперь по кривописанію ничего не пишутъ – ставится ъ (твердый знакъ, или, по-старому, „ерь“) (*боръ, съ праздникомъ, замужь, ужъ морозъ*).
3. Буква ѳ (ѳита) пишется въ тѣхъ иностранныхъ (греческаго происхожденія) словахъ, въ коихъ при ихъ переходѣ въ русскій языкъ, греческая буква ѳ („тета“) зазвучала какъ „ф“ (*каѳедра, ариѳметика, логариѳмъ, паѳосъ, ѳеѳодоръ, Аѳанасій*), – иначе пишется т (*теорія, театръ, атеизмъ* – хотя по-гречески: ѳеѳоріа, ѳеѳатро, аѳеѳос).²¹ См. *Приложеніе 2*.
4. Буква ѵ (ѵжица) ранѣе, до середины XIX в., писалась въ тѣхъ словахъ, которыя въ ихъ родномъ греческомъ языкѣ имѣютъ букву ѵ („ипсилонъ“), а читалась какъ „и“ или, рѣже, „в“. Къ началу XX вѣка ее можно было попрежнему встрѣтить въ церковныхъ и историческихъ альманахахъ, въ православныхъ молитвословахъ, въ словахъ изъ церковнаго обихода вообще: *мѵро, ѵпостась, ѵпакои*. Оффициальная грамматика ижицу уже игнорировала, однако каждый грамотный русскій православный человекъ, конечно, писалъ слова „мѵро“, „мѵропомазаніе“ черезъ ѵ, не только уважая тѣмъ достоинство церковнаго языка, но и для отличія отъ омонимовъ корня „міръ“ и „миръ“. См. *Приложеніе 2*.
5. Въ *корняхъ* словъ буква Ѣ (ять; правила чтенія такія же, какъ у „е“) никогда не пишется послѣ гортанныхъ г, к, х и шипящихъ ш, щ и послѣ ж, ч, ф. Исключаются двѣ падежныя формы мѣстоименій: *къмъ* и *чѣмъ*, и старинное названіе буквы „х“ – *хѣръ*, и его производныя: *похѣритъ*. См. также *Приложеніе 1*, списокъ корней съ буквой Ѣ.
6. Слова, въ которыхъ при ихъ измѣненіи звукъ „э“ выпадаетъ или переходитъ въ ъ или ё – пишутся черезъ е (а не черезъ ять): *мѣдъ – медовый, мѣль – мести, льва – левъ, мститъ – мечь, братъ – беру...*
Исключенія: слова *гнѣздо, сѣдло, цвѣтъ, звѣзда, дѣвать, зѣвать, и обрѣсти, запечатлѣть* имѣютъ Ѣ во всѣхъ своихъ производныхъ, несмотря на то, что онъ въ нихъ иногда звучитъ какъ „ѣ“ (*птичьи гнѣзда, цвѣтъ, приобрѣтъ, зѣвъ, одѣвка, запечатлѣнь*).²²
7. Послѣдняя буква въ окончаніяхъ прилагательныхъ множеств. числа мужского рода – е (*большіе дома, деревянные столы, новые корабли*). Въ окончаніяхъ женскаго и средняго родовъ – я (*большія деревья, деревянные скамьи, новыя лодки*).

²⁰ Естественныя исключенія представляютъ случаи: а) многосложныхъ словъ (*пятиэтажный, семиуровневый*); б) когда „й“ используется для передачи европейскаго (латинскаго) звука „j“ (*майоръ, фейерверкъ*) – впрочѣмъ, въ началѣ словъ и въ этомъ случаѣ чаще ставятъ „i“ (*іодъ, іота, Нью-Йоркъ*).

²¹ Всегда можно свѣряться съ англійскимъ правописаніемъ, въ которомъ, какъ и въ латинскомъ, греческая ѳ передается сочетаніемъ *th*, а ф – *ph*; такъ-что если по-англійски: *apotheose, rhythm, Athens, Agatha, Thomas*, то по-русски будетъ: *апѳеѳозъ, риѳма, Аѳины, Аѳаѳья, ѳома*.

²² Большая часть данныхъ исключеній обусловлена не фонетикою и не языковой аналогіей, когда слова, разнящіяся по этимологіи своей, начинаютъ произноситься одинаково, – а, какъ указываетъ А. Соболевскій, тѣмъ, что вопреки славянскому происхожденію, въ этихъ словахъ повсемѣстно *ошибочно* утвердилось ихъ орѳографія съ „Ѣ“ а не съ „е“.

8. Въ окончаніи родительнаго (*кого? чего?*) падежа прилагательныхъ (причастій) мужского рода на *-ій, -ый* пишется *-аго* или *-яго* (въ зависимости отъ произношенія), *- славнаго, поющаго, благаго, большаго (большій), самаго (самый), синяго, птичьяго, бабьяго, акульяго*; на *-ой* – пишется *-ого*: *большаго (большой), золотого, инога*. Также *-ого* имѣють формы съ именительнымъ падежомъ на *Ъ*: *одного, этого, самого (самъ)*. Окончаніе *-ого* принимаютъ только слѣд. формы (притяжательныхъ мѣстоименій): *моего, твоего, своего, нашего, вашего, ихнего*.²³
9. Въ окончаніи дательнаго (*кому? чему?*) и предложнаго (*о комъ? о чемъ?*) падежа существительныхъ I склоненія, и предложнаго падежа II склоненія – ставится *Ъ*: (*кому?*) *дядь, (о чемъ?) о машинь; (на чемъ?) на столъ, (въ чемъ?) въ яблокъ*.²⁴
10. Соотвѣтственно, тѣ нарѣчія, которыя образовались отъ предложнаго или дательнаго падежа существительнаго съ предогомъ, пишутся черезъ *Ъ*: *втайнь, вживь, вмьсть, вкратцъ, вполнь, вскоръ*. Также черезъ *Ъ* пишутся нарѣчія на *-лѣ* и *-дѣ*: *возлѣ, отколѣ, доселѣ, подлѣ; вездѣ, гдѣ, индѣ, здѣ(сь)*.
11. Неопредѣленная форма глаголовъ на *-ѣть* имѣеть *Ъ* (*смотрѣть, больть, пѣть*), и этотъ ять сохраняется во всѣхъ производныхъ отъ неопред. формы: *усмотрѣніе, предусмотрѣнный; заболѣвать, болѣзнь; пѣніе, пѣсня, запѣвать, пѣтухъ*.²⁵
Исключенія: инфинитивы *переть, тереть, мереть* и всѣ ихъ производныя: *запереть, преніе (споръ), треніе, умереть*.²⁶
12. Окончанія *-ѣе (-ѣй)* и *-ѣйшій* сравнительной и превосходной степени прилагательныхъ и нарѣчій имѣють *Ъ*: *веселѣе, быстрѣй, главнѣйшій, боль-мень* (зд. сокращено конечное „е“).
13. Слова, въ которыхъ пишется приставка *нѣ-* имѣють значеніе неопредѣленности, но наличія: *нѣсколько, нѣкое, нѣкогда, нѣкто*. Приставка же (и предлогъ) *не-* означаетъ отрицаніе, отсутствіе чего-либо: *негдѣ, не чѣмъ, некогда, небольшою*.
14. Приставки *без-* и *чрез-* всегда пишутся черезъ *з*: *безпечный, безмѣрный, чрезполосный*. Остальныя приставки (*раз-, из-, воз-* и другія) сохраняють *з* передъ *с* и звонкими согласными, а передъ глухими принимаютъ *с*: *разсказъ, изслѣдовать, возстаніе, возбранить, изжитъ, распрость, исходитъ, воскинуть*.
15. Вотъ частные случаи правописанія, подлежащіе запоминанію:
 - а) Уменьшительный суффиксъ существительныхъ *-енька* всегда имѣеть *е*: *заенька, маменька*.
 - б) Родительный падежъ отъ мѣстоименія *она* имѣеть форму *ея* (*нея*), какъ и образованное отъ него притяж. мѣстоименіе *ея*: (*кого?*) *ея здѣсь нѣтъ, у нея грозный видъ, ея(кого? чей?) видъ грозенъ, это ея вещи*. Винительный падежъ – *её* (*неё*): *увидѣть её, взглянулъ въ неё*.
 - в) Форма мужского и средняго рода множественнаго числа отъ мѣстоименія *онъ* – *они*, женскаго – *онѣ*: *они – люди, дома, облака; онѣ – женщины, исторіи, картины*.

²³ Въ дореволюціонныхъ, особенно церковныхъ, изданіяхъ можно встрѣтить написанія вродѣ *живаго, святаго, другаго, втораго*, и проч. – это связано съ тѣмъ, что здѣсь склоняются формы тѣхъ прилагательныхъ, которыя въ церковномъ и старомъ языкѣ имѣють окрнчанія *-ій* или *-ый*, а не *-ой*, какъ теперь, а именно: *жи|вьий, свя|тый, дру|гий, вто|рый*, и т. д., т. е. правило соблюдается.

²⁴ При томъ разнымъ формамъ склоненія словъ на *-ій, -іе, -іе* соотвѣтствуютъ два окончанія, въ зависимости отъ произношенія: *о Василии – о Васильѣ, о вдохновеніи – о вдохновенъ, въ забытѣи – въ забытъѣ*, и проч.

²⁵ Слово *одежда* и *надежда* не слѣдуетъ считать исключеніями, т. к., во-первыхъ, они подчиняются общему правилу изъ п. 5 (*одѣжка, надѣжный*), и, во-вторыхъ, ихъ написаніе черезъ „е“ объясняется происхожденіемъ отъ стариннаго, отличнаго по смыслу, корня *деж/дежд* (ср. съ церк. глаголомъ *одеждити*), который если и родственнъ корню *дѣ* (отъ котораго: *одѣтъ, одѣяніе, надѣяться*) – то ужъ давно прибрѣлъ свое написаніе съ „е“, обусловленное различною долготой звуковъ „е“ и „ѣ“ въ древнемъ языкѣ. Последнее также обуславливаетъ написаніе существит. *рѣчь* и его производныхъ черезъ „ѣ“, а не черезъ „е“, въ отличіе отъ соотв. глагола и его формъ (*изречь, реченіе*); см. *Приложеніе I*, слово „рѣчь“. Также, „ѣ“ пишется въ словахъ *мнѣніе* и *вѣдѣніе* и производныхъ, ибо они образованы въ старинное еще время отъ глаголовъ на „-ѣть“: *мнѣти* и *вѣдѣти*, которыя позже у насъ исчезли, а остались лишь *мнѣть, вѣдать*. Это, пожалуй, единственныя неясности даннаго правила.

²⁶ Въ данномъ случаѣ „е“ означаетъ бѣглый гласный звукъ. Обусловлено тѣмъ, что въ древнемъ языкѣ все это были глаголы на *-ать*: *пѣрати, тѣрати* и *мѣрати*: они и теперь спрягаются соотвѣтствующимъ образомъ (ср. *братъ – беру, тереть – тру*), и родственныя формы ихъ суть на „-ать“: *запирать, вытирать*. Кстати, старинный коренной „ѣ“ (*пѣрати*), бывшій тогда свѣрхъ-короткимъ гласнымъ, объясняетъ современное чередованіе „е – и“: *замереть – замирать*.

г) Форма мужского и среднего рода множественного числа числительного **ОДИНЪ** — **ОДНИ**, женского — **ОДНѢ**, и сохраняется при склонении: *однихъ книгъ, однимъ чашкамъ, одними кошками*.

д) Форма мужского и среднего рода множественного числа двойственного мѣстоимения — **ОБА**, женского — **ОБѢ**, и сохраняется при склонении: *обихъ женищъ, обимъ двѣушкамъ*.

е) Буква **Ѣ** пишется:

- въ женск. родѣ числительного — **ДВѢ** и производныхъ: *двѣнадцать, двѣсти*;
- въ мѣстоименіяхъ **МНѢ**, **ТЕБѢ**, **СЕБѢ**;
- въ творит. пад. мѣстоименій *кто, что, всё*: **КѢМЪ**, **ЧѢМЪ**, **ВСѢМЪ**;
- во множественномъ числѣ и падежахъ мѣстоименій **ВЕСЬ** и **ТОТЪ**: *вств, ттъ; вствѣму свѣту, ттъми людѣми, вствѣхъ благъ, ттъхъ утратъ, вствѣмъ желаніямъ...*

ж) Буква **Ѣ** еще пишется въ слѣд. словахъ:

- **НѢТЪ**, **ЗДѢСЬ**, **ВНѢ**, **КРОМѢ**, **НЫНѢ** (и производныхъ: *нѣкатъ, здѣшній, внѣшность, кромѣшній, нынѣшній*), а также **РАЗВѢ**;
- въ старинныхъ названіяхъ буквъ: *живѣте, зѣло, мыслѣте, хѣръ*;
- въ названіи города **ВѢна** и рѣкъ: **НѢманъ**, **Онѣга**, **Днѣстръ**, **Днѣпръ**;
- въ именахъ собственныхъ: **Глѣбъ**, **Алексѣй**, **Елисѣй**, **Еремѣй**, **Патрикѣй**, **Мокѣй**, **Гордѣй**, **Матвѣй**, **Ѡадѣй** (окончательно обрусевшія *Матвѣй, Ѡадѣй*), **Сергѣй**, **Рогнѣда**.

з) Слѣдующія нарѣчія имѣютъ букву **Ѣ**:

едва, **теперь**, **весьма**, **всегда**, **нынче**, **прежде**, **вообще**, **вовсе**, **всуе**, **втуне**, **вотще**, **крайне**, **уже**, **еле**, **даже**, **вдвое**, **втрое**, **еже**(-дневно, -годно, ...)²⁷.

Приложение 1.

За симъ слѣдуетъ списокъ корней словъ, писомыхъ черезъ „Ѣ“ (ять). Корни сгруппированы по принципу „согласная+ять“, при этомъ наблюдается стремленіе возможности сохранить исконную славянскую этимологию словъ при записи примѣровъ производныхъ отъ конкретныхъ корней. Глагольные корни вродѣ „пѣтъ“, „млѣтъ“, и безъ того подчиняющіеся правилу изъ п. 11, — даны для того, чтобы подчеркнуть въ нихъ принадлежность „Ѣ“ корню, а не суффиксу.

Сперва дана основная часть корня (обычно, это общеславянскіе пракорни), въ скобкахъ — наборы концевыхъ согласныхъ, могущихъ чередоваться въ данномъ корнѣ. Изъ этой таблицы можно понять, что положительному большинству корней съ „Ѣ“ соотвѣтствуютъ также и глаголы, а не только существительныя. Учитывая, что всякая глагольная форма рождаетъ множество производныхъ, можно уяснить, что въ древнемъ (особенно, письменномъ) языкѣ звукъ и буква „Ѣ“ — имѣли исключительное, смыслообразующее и смыслораздѣляющее назначеніе (при наличіи близкаго звука „Ѣ“, съ которымъ „Ѣ“ въ русскомъ языкѣ позже совпалъ).

Это говоритъ о важности данной буквы для всякаго славянскаго алфавита и, значитъ, для русскаго алфавита тоже.

²⁷ Большинство этихъ словъ (напр. *втуне, всуе*) не являются, какъ кажется на первый взглядъ, падежными формами — они суть сокращенныя формы существительныхъ съ конечнымъ „Ѣ“, принадлежащимъ *корню*. Вотъ стишокъ для запоминанія:

Нынче вовсе вообще,
Еже, прежде и уже,
Всуе еле вотще вдвое,
Втуне крайне даже втрое.

Ѣ

Ѣд(-ст): Ѣда, Ѣмъ, Ѣсть, обѢдъ, обѢдня, медв-Ѣдь, снѢдь, Ѣдь (другое назв. самага Ѣ), нѢдро...;²⁸

Ѣх(-зд): Ѣхать, Ѣду, Ѣздить, уѢзжать...;

Б+Ѣ

бѢг(-ж): бѢгъ, убѢжище, бѢженецъ...;

бѢд(-жд): бѢдный, побѢдить, убѢдить, убѢжденіе...;

бѢл-: бѢль, бѢлье, бѢлка, бѢльмо, бѢлуга...;

бѢс(-ш): бѢсъ, бѢшенный...;

В+Ѣ

вѢ(-т, -х): вѢять, вѢеръ, вѢтеръ, вѢтвь, вѢха (высокій шесть)...;

вѢд(-ст, -ж, -жд): вѢдать, вѢсть, повѢсть, невѢста, церковн. вѢдѢти, откуда вѢдѢніе; невѢжа, невѢжда, вѢжды (вѢки на глазахъ)...;

вѢжа (палатка, шатеръ);

вѢк(-ч): вѢкъ, вѢчный, увѢчить...;

вѢко (кожица на глазѣ), откуда челоуѢкъ, челоуѢческой...;

вѢн-: вѢнокъ, вѢнецъ, вѢникъ...;

вѢно (приданое, плата жениха за невѣсту);

вѢр-: вѢра, вѢроятно, суевѢріе...;

вѢс(-ш): вѢсъ, вѢшать, повѢса...;

звѢзд-: звѢзда, (онѢ) звѢзды...;

звѢр-: звѢрь, озвѢрѣть...;

вѢт(-щ, -ч)/бѢт(-щ): отвѢтъ, совѢтъ, привѢтъ, завѢтъ, вѢщать, вѢче, обѢщать, обѢтовать, обѢтъ...;

свѢж-: свѢжій, свѢжѣть...;

свѢт(-ч, -щ): свѢтъ, свѢча, просвѣщеніе, свѣтець, свѣтѣлка...;

цвѢ(-т, -ст, -ч): цвѢтъ, цвѢсти, расцвѣчивать...;

Д+Ѣ

дѢ(-л): дѢтъ, дѢвать, одѢяло, дѢло, дѢлать, дѢйствиѣ, злодѢй, недѢля, надѢяться, дѢлить, предѢль...;

дѢв-: дѢва, дѢвочка...;

дѢд-: дѢдь, прадѢдовскій...;

дѢт-: дѢти, дѢтскій...;

индѢецъ (житель Вѣсть-Индіи);

29

З+Ѣ

зѢ(-в): зѢвать, зѢвъ, ротозѢй...;

зѢло, зѢльно (стар. „очень“);

зѢн-: зѢница (глазъ), зѢнки (глаза) зѢница ока (зрачокъ);

Л+Ѣ

лѢв-: лѢвый, лѢвѣть...;

лѢз(-ст): лѢзть, лѢстница...;

лѢк(-ч): лѢкаръ, лѢчить, лѢкарство...;³⁰

лѢн-: лѢнь, лѢнивый...;

лѢп-: лѢпить, нелѢпый, великолѢпный...;

лѢс(-ш): лѢсъ, лѢсной, лѢшій...;

лѢт-: лѢто, лѢтній...;

лѢха (борозда);

блѢд-: блѢдный, блѢднѣть...;

желѢз-: желѢзо, желѢзный...;

калѢка, калѢчить...;

клѢт-: клѢтъ, клѢтка...;

колѢн-: колѢно, поколѢніе...;

лелѢять...;

млѢтъ, обомлѢть...;

плѢн-: плѢнь, плѢнникъ...;

²⁸ Не путать съ „естъ“ отъ глаг. *быть*.

²⁹ Надъ этимъ исключеніемъ многіе издѣвались; нельзя, однако, исключать возможности происхожденія этого слова отъ русскаго нарѣчія *индѣ* („въ другомъ мѣстѣ“).

³⁰ Ср. съ словами *калѣка*, *калѣчить*.

плѣс(-ш): плѣсень, плѣшь...;

полѣно...;

слѣд-: слѣдъ, послѣдствіе...;

слѣп-: слѣпой...;

телѣг(-ж): телѣга, телѣж-
ный...;

хлѣб-: хлѣбъ, нахлѣбникъ...;

хлѣв-: хлѣвъ, во хлѣвъ...;

М+Ѣ

мѣд-: мѣдъ, мѣдный...;

мѣл-: мѣль, мѣловой...;

мѣн-: мѣна, измѣнникъ, не-
премѣнно, измѣненіе...;

мѣр-: мѣра, намѣреніе, ли-
цемѣръ, промѣръ...;

мѣсяц(-ч): мѣсяць, мѣсяч-
никъ ежемѣсячно...;

мѣс(-ш, -х): мѣсить, мѣшать,
момѣха, мѣшкать...;

мѣст(-щ): мѣсто, мѣщанинъ,
помѣщикъ, замѣщать...;

мѣт(-ч): мѣтить, замѣчать,
примѣчаніе, смѣтливый, смѣта...;³¹

мѣх(-ш): мѣхъ, мѣшокъ...;

змѣй, (она) змѣя;

смѣ(-т, -ш, -х): смѣть,
смѣлый, осмѣлѣть, смѣяться,
смѣхъ...;

Н+Ѣ

нѣг(-ж): нѣга, нѣжный,
нѣжиться, нѣженка...;

печенѣгъ;

нѣм-: нѣмой, нѣмецъ...;

гнѣв-: гнѣвъ, разгнѣваться...;

гнѣд-: гнѣдой, Гнѣдко (клич-
ка)...;

гнѣзд-: гнѣздо, гнѣздовать...;

гнѣт-: загнѣтка (въ печи); под-
гнѣтъ (поджигъ)...;³²

снѣг(-ж): снѣгъ, снѣжный,
снѣжинка...;

мнѣ(-т, -н): церковн. мнѣти, от-
куда мнѣніе, сомнѣніе, сомнѣвать-
ся...;

П+Ѣ

пѣг(-ж): пѣгий, пѣжиться...;

пѣн-: пѣна, пѣниться...;

пѣнязь (древняя монета);

пѣст-: пѣствовать (воспиты-
вать)...;³³

пѣш(-х): пѣхота, пѣшій, опѣ-
шить, спѣшиться...;

спѣ(-т, -х, -ш): поспѣть,
спѣхъ, спѣшить, успѣхъ, доспѣ-
хи...;

пѣ(-т, -сн): пѣть, пѣсня,
пѣтухъ, запѣвать...;

сопѣль;

Р+Ѣ

рѣ(-к, -ч): рѣять (въ т.ч. стар.
„быстро течь“), откуда рѣка, рѣчка,
рѣчушка, рѣчной...;

рѣчь (существительное), откуда
нарѣчіе, противорѣчіе, противо-
рѣчить, безрѣчіе...;³⁴

рѣд(-ж): рѣдкій, прорѣжи-
вать...;

рѣдка;

рѣз-: рѣзать, рѣзвый...;

рѣпа;

рѣсн-; рѣсница, рѣснички...;

рѣт(-с, -ч): об-рѣтать, из-об-
рѣсти, Срѣтеніе, встрѣчать,...;³⁵

³³ Правописание словъ *пестъ* и *пестикъ* имѣеть „е“: они образованы отъ глаг. *пхать*: пехтель – пехтъ – пестъ.

³⁴ Подобный разбродъ въ сравненіи съ прописаніемъ глагола (*из*)речь и его производныхъ уже былъ объясненъ тѣмъ, что въ старое время по фонетическому закону исконный коренной „ѣ“ могъ удлиниться въ „ѣ“ (напр. др. рус. *лежати* – *лъгати*). Данное же (въ общемъ, единственное) рудиментарное отступленіе отъ морфологии корней съ „ѣ“ и „е“, видимо, надо устранить и писать „рѣчь“ тоже съ „е“ – къ тому же для отличія отъ словъ *рѣка*, *рѣчка*, см. выше. Но съ другой стороны, присутствіе этого *единственнаго* иключенія позволяеть нашимъ современникамъ узнать о законахъ фонетики древнерусскаго языка.

³¹ Не путать съ корнемъ (*за*)метать/мести: *выметать*, *мѣль*, *метла*.

³² Ср. съ славянск. *огнь*. Не путать съ корнемъ *гнѣтъ*: *угнетать*, *нагнести*.

рѣш(-х): рѣшить, рѣшеніе, прорѣха, рѣшето, рѣшетка, рѣшка...;

грѣх(-ш): грѣхъ, грѣшный...;

крѣп-: крѣпкій, крѣпиться...;

орѣх(-ш): орѣхъ, орѣшекъ...;

прѣс-: прѣсный, опрѣсноки...;

свирѣль; ³⁶

свирѣп-: свирѣпый, раз-свирѣпѣть...;

стрѣл-: стрѣла, стрѣлять...;

стрѣх(-ш): стрѣха (кровля), за-стрѣха (нижний край кровли), стрѣшникъ...;

хрѣнъ, хрѣновый...;

зрѣ-: зрѣть, зрѣніе, зрѣлище...;

прѣ-: прѣть, прѣлый, прѣніе (гни-еніе)...;

апрѣль; ³⁷

С+Ѣ

сѣ(-м): сѣять, сѣмя, сѣмян-ка...;

сѣверъ, сѣверный...;

сѣ(-ст, -д): сѣдло, сѣсть, бесѣда, насѣсть, сосѣдство...;

сѣд-: сѣдой, сѣдѣть, сѣдина...;

сѣк(-ч): сѣчь, сѣча, просѣка, насѣкомое, разсѣкать...; ³⁸

сѣн-: сѣнь, осѣнять, сѣни...;

сѣно, сѣноваль, сѣнникъ...;

сѣр-: сѣрый, сѣра...;

сѣт(-щ): посѣтить, посѣщать, сѣть, сѣтка,

сѣтовать (стар. „жаловаться“), сѣтованіе...;

Т+Ѣ

тѣл-: тѣло, тѣлесный...;

тѣн-: тѣнь, затѣнять, стѣна, простѣнокъ, застѣнчивый...;

тѣсто;

тѣсн-: тѣсный, стѣсняться...;

тѣ-: затѣять, затѣя, затѣвать...;

тѣх(-ш): утѣха, тѣшиться...;

Ц+Ѣ

цѣв-: цѣвка, цѣвье, цѣвница (лудка)...;

цѣд(-ж): цѣдить, процѣживать...;

цѣл-: цѣль, цѣлиться, цѣлый, исцѣлять, цѣловать, поцѣлуй...;

цѣн-: цѣна, цѣнить...;

цѣп-: цѣпь, цѣплять, за-цѣпка...;

³⁵ Ср. съ написаніемъ *стрѣла, стрѣлять*. Не путать также съ корнями *брести, брѣль* („итти“) и *бредить*.

³⁶ *Свирѣль, сопѣль* (отъ др. глаг. *свирѣти, сопѣти*), а также *апрѣль* имѣютъ „ѣ“; остальные слова на –*ель* имѣютъ всегда „е“: *коростель, купель*. Это, видимо, нехорошо, и въ тѣхъ флексіяхъ (родовыхъ окончаніяхъ), въ коихъ можно обосновать „ѣ“, сославшись на древній языкъ, – нужно его писать, какъ въ словахъ *мнѣіе, вѣдѣніе*.

³⁷ Слово это изъ тѣхъ, въ которыхъ издревлѣ пишутъ „ѣ“ (какъ и въ именахъ *Алексѣй, Сергѣй*), несмотря на иностранное происхожденіе.

³⁸ Мы видимъ, такимъ образомъ, что *всѣ* остальные инфинитивы на –*ечь* (и ихъ производныя) имѣютъ „е“: *печь, печка, течь, утечка, жечь* и т. д.

Приложение 2.

Здѣсь перечисляются наиболѣе употребительныя слова греческаго происхожденія, въ которыхъ слѣдуетъ писать букву Θ , ѳита, которая, напомнимъ, читается какъ „ф“. Видно, что существуетъ множество именъ греческаго происхожденія, гдѣ необходима эта буква. ѳита не могла быть замѣнена на Φ , т.-к. занимала особое положеніе среди прочихъ буквъ: по ней въ словѣ сразу отличали его чисто-греческое происхожденіе для русскаго языка. Въ словахъ же греческаго происхожденія, пришедшихъ въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ (европейскихъ), Θ начинала звучать и писаться какъ Γ . Тогда какъ Φ имѣла тенденцію, пришедшую изъ народнаго греческаго языка – замѣняться на Π , какъ-то: *Иосифъ – Осипъ; Стефанъ – Степанъ*.

Отдѣльно даны географическія названія и имена собственныя. Затѣмъ перечислены нѣкоторыя слова, имѣющія употребленіе въ церковнославянскомъ языкѣ, въ которыхъ по его правиламъ надо писать букву V , ижица.

акаѳистъ;
(алгориѳъ);³⁹
анаколуѳъ;
анаѳема;
анѳологiонъ;⁴⁰
диѳирамбъ;
ариѳметика;
(аѳеизмъ и ѳеизмъ);
апоѳема;
апоѳеозъ;
(ѳеиль);
ѳеимоны;
иѳика;⁴¹
орѳографiя и орѳо-
ѳпiя;⁴²
каѳедра;
каѳизма;
каѳолическiй;⁴³
киѳара;
левiѳанъ;
логариѳъ;

логоѳетъ;
мараѳонъ;
меѳимонъ;
миѳъ;
паѳосъ;
пиѳия;
риѳма;⁴⁴
скиѳъ;
ѳеiопъ;
ѳеиръ;
ѳимiамъ;

Аѳины;
Аѳонъ;
Виѳлiемъ;
Геѳсиманiя;
Голгоѳа;
Карѳагенъ;
Парѳенонъ;
ѳеiопiя;
ѳессалоники;

Агаѳангелъ;
Агаѳодоръ;
Агаѳоклiя;
Агаѳонъ;
Агаѳея;
Анѳимъ;
Анѳиръ;

Анѳеиса;
Ареѳей;
Аѳанасiй;
Аѳиногенъ;
Аѳинодоръ;
Вареѳоломей;
Демосѳенъ;
Дорѳеѳей;
Досѳеѳей;
Еванѳея;
Евѳтаѳей;
Еле(в)ѳерiй;
Ерѳеѳей;
Еѳерiй;
Iакинѳъ;
Ксанѳей;
Манѳеѳа;
Марѳа;
Маѳусаилъ;
Меѳодiй;
Наѳанаилъ;
Парѳенiй;
Руѳъ;
Саваѳеѳъ;⁴⁵
Сосѳенъ;
Спаѳарiй;
Тимѳеѳей;
Филоѳеѳей;
Хрисанѳъ;

³⁹ Слова въ скобкахъ могли употребляться двояко: и съ *т*, и съ *ѳ*, послѣднее болѣе характерно для церковной литературы.

⁴⁰ Ср. съ *антология*.

⁴¹ Церковная *ѳтика*.

⁴² Ср. съ *ортодоксiя*, гдѣ *ѳ* перешла въ *т*.

⁴³ Т.-е. вселенскiй. Употребляется въ отн. Восточной (Православной) Церкви, тогда какъ *католическiй* – въ отношенiи Западной.

⁴⁴ Ср. съ словомъ *ритмъ*.

⁴⁵ Одно изъ Именъ Бога Отца.

Эсеирь;
Юдиень;
Еавмасій;
Еаддей;
Еалалей;
Еалассій;
Еаль;
Ееагень;
Ее(о)дорь;⁴⁶
Ееодуль;

Ееогній;
Ееогность;
Ееодосій;
Ее(о)доть;
Ееодорить;
Ееодохъ;
Ее(о)спесій;
Ееотекнь;
Ееотихъ;
Еекла;
Еемелій;
Еемида;
Еемистокль;

Ееоктисть;
Ееона(-ія);
Ееонилла;
Ееопистъ;
Ееопрепій;
Ееостирикть;
Ееофанъ;
Ееофилакть;
Еерапонть;
Еирсь;
Еома;

⁴⁶ Всѣ имена на *Еео-* и *-еей* происходятъ отъ Имени Божества: *Ееос*.

А вотъ нѣкоторыя слова съ ижецей; фактически, они даны здѣсь просто для примѣра, въ ихъ церковнославянской орѳографіи, въ которой *Ѵ*, какъ и ея греческій прообразъ, могла читаться и какъ „и“ (и, соотвѣтственно, въ этихъ словахъ была замѣнена позже на „и“), и какъ „в“ (въ коихъ произошла замѣна „ѵ“ на „в“). Напомнимъ, что употребленіе *Ѵ* въ словахъ изъ церковнаго обихода, въ соотвѣтствіи съ правилами церковнаго языка, – добрая традиція русской орѳографіи. Обязательно ли ее писать въ свѣтскомъ обиходѣ – вопросъ. До революціи въ орѳографическихъ словаряхъ для гимназистовъ этой буквы уже не писали даже въ словѣ „муро“. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько словъ съ ѳитою и ижицею – живое напоминаніе о происхожденіи кирилловскаго славянскаго алфавита отъ греческаго. Черезъ то, что это хранится въ языкѣ Церкви, по которому мы теперь судимъ объ историческихъ основахъ современнаго русскаго литературнаго языка, и черезъ то, что эти немногочисленныя слова являютъ собою какъ-бы очевидную символическую связь языка русскаго и языка церковнославянскаго, – слѣдовало бы признать желательнымъ использование ижицы при печатаніи соотвѣтствующей литературы: церковной, богословской, исторической.

Однако, учитывая то, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ необходимости писать ижицу вездѣ, гдѣ этого требуетъ ея греческая этимологія, эта буква сама-собою устранилась къ началу XX вѣка, оставшись въ словѣ „муро“, гдѣ ее писали грамотные люди.

Вообще полезно было бы имѣть гражданскій шрифтъ съ добавленіемъ символовъ древняго и церковнаго языка (прежде всего юсовъ и буквъ кси, пси, омега, обработанныхъ въ соотвѣтствіи съ ихъ традиціоннымъ кириллическимъ начертаніемъ). Это обогатило бы воспріятіе древнерусскихъ текстовъ, при ихъ современномъ изданіи, сдѣлавъ ихъ болѣе доступными широкой публикѣ, – безъ тѣхъ чувствъ непріязни и дискомфорта, которыя могутъ возникнуть при взглядѣ на древній текстъ, написанный непривычными изъ-за своей рукописной графики символами, принадлежащими образцамъ славянскаго древняго письма (такъ наз. *уставъ* и *полуставъ*).

ввссъ;
Егуптъ;
Евангеліе;
Евдокія;
Евфимій;
евхаристія;
лаврь;

Мовсей;
муро, мвропома-
заніе;
Павль;
полвелей;
свнодъ;
свнглить;

впакои;
впархъ;
впостась;
впатья;
вподіаконъ;
и другія.

КОНЕЦЪ.